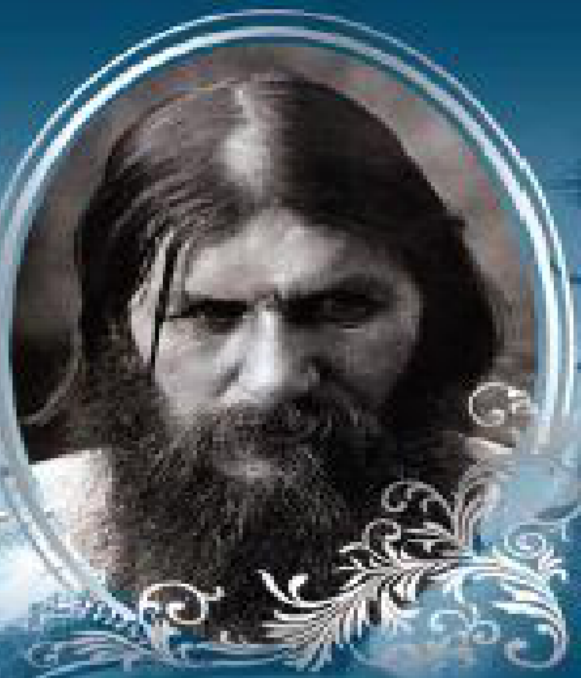
человек загадка

Александр
БОХАНОВ



АВАНТЮРИСТ
ИЛИ СВЯТОЙ
СТАРЕЦ?

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного современного историка, доктора исторических наук А. Н. Боханова посвящена одному из самых загадочных и наиболее известных персонажей не только отечественной, но и мировой истории — Григорию Распутину. Публике чаще всего Распутина представляют не в образе реального человека, а в обличье демонического антигероя, мрачного символа последней главы существования монархической России.

Одна из целей расследования — установить, как и почему возникала распутинская «черная легенда», кто являлся ее инспиратором и ретранслятором. В книге показано, по каким причинам недобросовестные и злобные сплетни и слухи подменили действительные факты, став «надежными» документами и «бесспорными» свидетельствами.

- Александр Боханов
  - Введение
  - Глава I. Костер на снегу
  - Глава II. Факты и домыслы
  - Глава III. «Исчадие ада» выводят на арену
  - Глава IV. Генерал с масонской отметиной
  - Глава V. Круговорот столичной суеты
  - Глава VI. Полицейский микроскоп с фальшивыми линзами
  - Глава VII. Последний год
  - Глава VIII. Последний «герой» столичного бомонда
  - Глава IX. Королевство кривых зеркал
  - Эпилог

Александр Боханов
Григорий Распутин. Авантюрист или святой старец?

Введение

Григорий Распутин — известнейший персонаж русской истории XX века. Об этом легендарном герое невероятно много написано и сказано. Мало кто может внятно изложить его биографию. Да этого и не требуется. Главное, как кажется немалому числу людей, «давно известно».

Простой сибирский крестьянин, обладавший чудодейственными способностями и невероятным половым магнетизмом, сумел подняться на самые верхи общества, покорить «сильных мира того», смог «втереться в доверие к самому Царю» и стал чуть ли не правителем в огромной Российской Империи. Перед ним заискивали придворные и сановники, известные политики домогались его благорасположения, а первые красавицы Империи «готовы были на все», лишь бы этот бородатый мужлан заключил их в свои объятия.

Без тени сомнения во многих сочинениях утверждается, что этот «нахальный бражник» и «бесстыжий блудник» предавался «необузданному разврату без устали», а в числе его интимных партнерш фигурировали как дамы высшего света, представительницы самых именитых дворянских родов, «сиятельные» графини и княгини, так и простые белошвейки и дешевые проститутки с Сенной площади и Невского проспекта. Даже звучание фамилии — РАСПУТИН — невольно вызывает у многих эротические ассоциации самого безудержного свойства.

Описание же распутинских оргий — это целая отдельная отрасль в кино и литературе. «Бойкие мастера» на яркие краски и мистериозные подробности здесь никогда не скупились: патологическое воображение получает широчайший простор. Золоченые хоромы особняков и дворцов знати, отдельные кабинеты самых фешенебельных ресторанов, изысканные интерьеры, уникальные меха и баснословные драгоценности, надрывные песни и зажигательные пляски цыган — таков дежурный антураж, в котором обычно и изображают «распутинский разгул».

Игра шампанского в хрустале, бархатные и шелковые обивки и портьеры, переливы бриллиантов, мерцающий огонь свечей в причудливых бронзовых канделябрах, а на первом плане похотливый бородатый мужик или сжимающий в своих грубых руках заколдованную, беспомощную аристократку, или вертящийся в бесноватом плясе, напоминающем ритуальные танцы диких племен. Этот «видеоряд» давно стал обязательным

как в литературных сочинениях, так и в циклах кинопроизведений. На протяжении XX века голливудские кинокомпании сумели многократно воспроизвести подобную, потрясающую воображение «русскую экзотику».

Однако распутинская тема — это не только объект бытового любопытства, а тиражирование этой истории не объясняется лишь распространенным людским интересом к скрытому, заповедному, непристойному. Здесь фокусируются вполне определенные политические интересы, мировоззренческие пристрастия, психологические комплексы не только отдельных людей, но и конкретных общественных групп и политических направлений. «Распутиниада» — инструмент идеологических манипуляций, удобный способ объяснить изломанные судьбы стран, народов, империй и правителей простыми, «доходчивыми» формулами и ходульными приемами.

Много десятилетий назад один из самых известных отечественных политиков XX века, герой, кумир и проклятие судьбоносного 1917 года Александр Керенский, изрек: «Без Распутина не было бы Ленина». Иными словами, если бы этот сибирский мужик не появился в Царских чертогах, а еще лучше и не родился на свет вовсе, то Россию не постигли бы испытания и мучения, которые она выдерживала почти столетие под игом беспощадных коммунистов. При таком взгляде на ход времен фигура Распутина приобретает магический ореол «могильщика» Царской Империи, посланца инфернальных сил, открывшего «врата ада» для погубителей и притеснителей.

Постулирование подобной «истины», принятие ее на веру, позволяло таким деятелям, как Керенский, удачно выгораживать себя, затемнять и умалять свои личные «заслуги» в деле крушения монархической России и «торжестве апокалипсиса», наступившего потом.

Действительно: если Распутин стал демиургом крушения, знаком распада, то историческая вина за это лежит не только и даже не столько на нем, сколько на тех силах и людях, кто вызвал из небытия это «исчадие ада». И здесь на первое место сочинители непременно выдвигают Императора Николая II и Императрицу Александру Федоровну.

Вульгарная схема оказалась чрезвычайно живучей; сходные утверждения звучат снова и снова. Их озвучивали и «мэтры» околоисторической литературы, такие как Валентин Пикуль и Эдвард Радзинский, и просто «табуны» безответственных сочинителей рангом помельче. Недалеко ушли от уровня таких «знатоков» и авторы из круга «историков-профессионалов». Даже носители профессорских званий и докторских степеней нередко

писали (да и пишут) нечто подобное!

Эта вакханалия невежества, пошлости и предубеждения поражает. Поражает тем, насколько люди, сочиняющие опусы на исторические темы, имеют об истории весьма туманные и деформированные представления. Наверное, о конфигурации, биологической природе, флоре и фауне моря можно судить и по морской капле. Можно, но при одном непременном условии: надо уж если и не знать, то хотя бы иметь достаточное представление об океанографии…

Существует и прямо противоположная, но столь же экстремальная точка зрения, согласно которой вся «Распутиниада» — тонкая инспирация антирусских сил из числа

«революционеров», «масонов» и «евреев», зловещий заговор, приведший в итоге к падению Царства. Это тоже есть не только событийное упрощение, но и примитивизация многосложной и многовековой обусловленности крушения великого духовного феномена — Царской России.

Врагов у исторической России действительно было много. Однако их было много всегда! Утверждать же, что именно их «конспирологическая деятельность» в определенной временной точке и привела к торжеству Революции, значит идти путем Керенского — «просто» и «доходчиво» обрисовывать грандиозную Духовную Катастрофу. Распутин никоим образом не был виновником этой Катастрофы. Однако «простота» и «доходчивость» заставляют авторов, даже из круга симпатизантов Распутина, заниматься подменами, выпячивая на передний план факторы и причины третьестепенного порядка.

Почему элитарная Россия — аристократия, интеллигенция и даже некоторые представители церковной иерархии — поверили не Царю и Царице, благочестие Которых, как и Их любовь к России были бесспорными? Почему они поверили тем и тому, что умаляло и отрицало русские исторические духовные ценности? Здесь — ключ к пониманию и всей распутинской истории, а шире — всей революционной катастрофы, а совсем не в том, столько было «масонов» и как изощренно они плели свои адские сети «заговора».

Вообще в области истории люди позволяют, без всякого стеснения, озвучивать любые умозаключения, строить самые немыслимые гипотезы, делать широковещательные сенсационные заявления, нисколько не заботясь об исторической обусловленности их. Зачем? По мнению этих «свободных интерпретаторов» и «новых знатоков» истории, публика ведь «глупа», она примет на веру любую нелепость и скабрезность, если ей заявить: «я первый открыл», а раньше же «никто этих материалов никогда не видел».

Хотя все эти «уникальные материалы» давным-давно известны, а многие и опубликованы еще в стародавние времена, но кто о том ведает? Историки? Но ведь достаточно заклеймить их как «адептов идеологии» и сразу же, как кажется, получишь от публики индульгенцию от собственных «творческих грешков» и предстанешь чуть ли не оракулом и «бесстрастным срывателем» покровов с тайн истории.

Насмехаясь над читателем и зрителем, окарикатуривая прошлое страны и народа, оборотистые «историки-драматурги» при этом делают вполне конкретный гешефт. Непристойность получает надлежащую рекламу, и выгодная финансовая

результативность очередного «эпохального проекта» обеспечивается надежно.

Ни в какой иной теме по истории России, как в теме о Распутине, вульгарная заданность сочинителей всех мастей не проступает так наглядно. «Распутиниада», «распутинщина» давно стала обиходным мифом, питаемым не только историческим невежеством производителей и потребителей, но и неприкрытым коммерческим расчетом. Бульварная литература во все времена имела неоспоримое тиражное превосходство перед всей прочей. «Раскрученное» дает заведомую потребительскую «фору» нетипичному, сложному, эксклюзивному. Такустроен коммерческий рынок вообще и информационнокнижный в частности.

При всей растиражированности распутинского сюжета, невольно бросается в глаза тот куцый набор «базовых документов», на основании которых обычно строится сюжет. Да и сам перечень «волнующих эпизодов» весьма ограничен. Каковы были сексуальные потенции сибирского крестьянина? Имел ли он «постельные отношения с Царицей»? Сколько у него вообще было любовниц? Как много он потреблял алкоголя? Как в пьяном угаре назначал Министров? В каких ресторанах Распутин устраивал оргии, как они проходили и кто был на них «завсегдатаем»? Вот, так сказать, набор нынешних вопросов к загадочному персонажу.

Естественно, что при таком «ракурсе» весь духовный контекст, все духовное содержание общения Распутина с людьми, в первую очередь с Царской Семьей, а это — смысловой стержень всей «Распутиниады», исчезает из поля зрения. Большинство же сочинителей и потребителей и представления не имеют о том, что такое духовные искания. Антиправославность и порождает опусы о мужике-гипнотизере, не отражающие действительность, но выражающие крайнюю, можно сказать, варварскую форму духовного одичания нынешнего человека.

Современников же Распутина в первую очередь занимали совсем другие проблемы. Кем был ангажирован Распутин, кто им управлял, какие иностранные круги стояли за ним, работал ли он на врагов России? Но и сто лет назад, когда Россия еще числилась православной страной, распад цельного православного миропонимания, приведший в конечном итоге к падению Православного Царства, давал о себе знать.

Монархический истеблишмент порождал кликуш, голосивших на весь свет о «распутинской угрозе», и тем дискредитировал Монархическую власть. А в авторитарно-монархических системах — сила власти и престиж власти существуют в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Если

умаляется престиж, то ослабляется и власть.

Однако калибр русских монархистов за двести лет петровской «европеизации» настолько измельчал и деградировал, что люди просто теряли способность ответственно и адекватно себя вести.

Бесконечными разговорами о «распутинском зле» высшее общество довело себя до исступления и стало невольным, но очевидным политическим сообщником тех, кто жаждал крушения Монархии, кто грезил о нем.

Это может показаться парадоксальным, но такие персонажи, как генерал Владимир Джунковский, аристократка Зинаида Юсупова или председатель Государственной Думы Михаил Родзянко, сделали для ослабления Монархии больше, чем известный радикал Владимир Ульянов-Ленин. Именно в кругах «именитых и родовитых» родились самые грязные измышления, именно там был центр инспираций, а совсем не во французских кафе и швейцарских пивных, где обреталась большая часть «пламенных революционеров».

Если и не вся распутинская история, то самые «смачные» ее эпизоды опираются обычно на некие «виртуальные свидетельства», подлинность которых доныне, как правило, не удосуживаются проверить. Так повелось с самого начала создания «Распутиниады». Откуда известно, что Распутин предавался необузданному пьянству? Ответ: «об этом все знали». Никто не рассказал о собственных впечатлениях, никто не зафиксировал личное участие в «разнузданных оргиях». Все лишь ссылались на неизвестных информаторов и анонимных очевидцев.

Или вот другой «горячий сюжет». На чем основаны утверждения о сексуальной разнузданности Царева Друга? Объяснение: «о том рассказали жертвы его похоти». Правда, никто не называл имен этих «жертв», да и сами эти легендарные «оскорбленные создания», которые, судя по многообразию и выразительности циркулировавших подробностей, рассказывали об «ужасном насилии» над собой чуть ли не на всех углах, ни к судебной, ни к общественной защите своей чести не прибегали. Однако об этом, как говорилось, опять «все знали».

По сходным лекалам смонтированы и иные страницы «Распутиниады».

Хотя сто лет назад понятия «пиартехнологии» еще не существовало, а из средств массовой информации имелась в наличии лишь пресса, однако «черный пиар» уже давал о себе знать. Можно смело утверждать, что «Распутиниада» — первый грандиозный продукт подобной технологии. Однако хорошо известно, что информационный прессинг срабатывает лишь

тогда, когда не только имеются намерения и возможности у неких групп утвердить в общественном сознании желательный стереотип.

Второй стороной успеха технологии «промывания мозгов» является степень подготовленности среды к принятию и усвоению информационных заготовок. Поэтому только сказать, как это порой делается, что растиражированные рассказы о Распутине — сплошная ложь, даже если это и действительно так, значит не прояснить сути: почему же измышления о нем принимались на веру? Даже туманный ответ на этот базовый вопрос очень редко можно отыскать.

Многие современники тех событий, которые или Распутина вообще не видели, или где-то лицезрели мельком, в своих мемуарах зафиксировали скандальные подробности его биографии и поведения в качестве реальных фактов. Здесь уже речь надо вести о болезненных деформациях мировосприятия людей в переломные исторические эпохи: они видели то, что хотели видеть, верили тому, во что желали верить. Действительность тут определяющей роли не играла. Желаемое и возможное приобретало в сознании немалого числа людей характер подлинного и свершившегося. Этот психологически-мировоззренческий коллапс явился детонатором русской катастрофы 1917 года.

Подобный синдром массового психоза наблюдался в эпохи канунов и крушений во многих странах. В России он наиболее выразительно проявился как раз в распутинском феномене. Об этой социальной паранойе ниже придется говорить еще не раз. Пока же лишь уместно заметить, что многие десятилетия скабрезные пассажи «с чужого голоса» воспроизводятся в качестве «безусловного доказательства».

Данная книга не нацелена на полемику с конкретными авторами и определенными псевдоисторическими работами. «Распутиниада» будет исследоваться не через призму отражения и преломления, а через источники излучения. Можно даже сказать, что данная работа не столько о самом Распутине, сколько о восприятии его. Хотя, конечно же, многие исходные обстоятельства и факты биографии окажутся предметом рассмотрения.

Кем Распутин был на самом деле? Благодаря чему добился такой оглушительной известности? Как он жил и как погиб? Но и самое важное: как и почему возник распутинский миф, кто явился его инспиратором и ретранслятором?

Автор намеревается, опираясь на аутентичные документы, составить исторический портрет сибирского крестьянина

Григория Ефимовича Распутина, сумевшего стать не только одним из известнейших героев российской истории, но и занявшего видное место в мировом пантеоне наиболее примечательных и узнаваемых персонажей. Портрет этот будет даваться в реальном историческом интерьере, в конкретных условиях времени и места.

Уважение к предкам, к величию и красоте былого России требует преодоления устоявшихся пошлых стереотипов, все еще толстым слоем покрывающих русскую историю периода заката Монархии.

Глава I. Костер на снегу

Погода на исходе февраля 1917 года в Петрограде ничем не отличалась от традиционной: серые, тусклые дни, с пронизывающим ветром и нередкой пургой. Температура же воздуха была необычно холодной: от 8 до 10 градусов мороза. Как правило, в такое неуютное время гуляющей публики на улицах первой Имперской столицы почти не было, а по тротуарам сновали лишь те, кто вынужден был покидать теплые квартиры и насиженные углы по деловым надобностям.

Однако в тот год конец февраля — начало марта стали временем небывалого людского половодья, запрудившего на несколько дней все магистрали в центре города. Такого многолюдства более чем за два века своей истории Петербург-Петроград еще не видел [1 — Санкт-Петербург был переименован в Петроград после начала Первой мировой войны в августе 1914 года.]. Тысячи людей, различного звания и состояния, совершенно несхожего общественного положения и имущественных возможностей, словно зачарованные, как из клетки, вырвались на улицу, влекомые единой, загадочной, пьянящей и неодолимой силой, имя которой — Революция. Общественный восторг носил форму какой-то безумной истерии. Никто толком не знал, что такое «свобода», но это слово околдовало множество людей. Как бы оживали строки А.С. Пушкина из его «Бесов».

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре…
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

События, окончившиеся эпохальным падением многовекового Царства, начались довольно буднично. В феврале у хлебных лавок, где отпускали хлебопродукты по фиксированным ценам, стали выстраиваться очереди. Слух прошел, что запасы муки и хлеба в столице на исходе, что скоро наступит голод. Хотя официальные власти сразу же развесили объявления, что припасов вполне достаточно и причин для беспокойства нет, но таким заверениям не верили. Задолго до рассвета у дверей лавок возникали длинные «хвосты», где только и разговоров было, что про грядущее бедствие. Преобладали здесь простые бабы с

окраин, замордованные трудностями жизни, давно разуверившиеся во всем, в том числе и в начальстве. А многие и того больше: не верили уже ни в Бога, ни в Царя.

Хлебные очереди очень быстро стали превращаться в несанкционированные митинги, где звучали возмущенные восклицания не только бедных, перепуганных и озлобленных простолюдинок. Появились бойкие молодые люди, по виду студенты, за ними — сытые господа, некоторые из них в добротных дорогих пальто, которые, переходя от одной толпы к другой, произносили уже страстные речи, где обличали все власти без разбора, но особенно Царя и Его близкое окружение. Ситуация час от часу накалялась. В разных частях города возникли баррикады, начались грабежи лавок и магазинов.

Правительство сначала не придало событиям должного значения, перекладывая ответственность на городские власти. Последние же тоже фактически бездействовали. Паралич воли и отсутствие плана противодействия расширявшейся стихии через два-три дня превратил бабий бунт в целенаправленное выступление против государственной системы. К мятежникам стали присоединяться некоторые воинские части столичного гарнизона.

Во главе движения оказалось руководство Государственной Думы — русского парламента, которое не только не собиралось следовать данной при вступлении в состав депутатов клятве служить Царю и Отечеству, но в конце концов поддержало идею о необходимости отречения Императора Николая II.

В нарушение всех норм и традиций 27 февраля 1917 года был сформирован «Временный комитет Государственной Думы», провозгласивший себя «новой властью». Во главе его оказался председатель Думы, «камергер Двора Его Императорского Величества» М.В. Родзянко. Власть эта санкции Коронованного правителя не получила. Через два дня самозваный Комитет преобразовался во «Временное правительство».

Начались преследования должностных лиц, погромы полицейских участков и судов; запылали костры, на которых жгли «регалии ненавистного режима» — главным образом двуглавых орлов. Там же, где отодрать или сжечь не сумели, например на чугунных решетках мостов, там начали выламывать короны из гербов…

Император Николай II в первые дни петроградских беспорядков находился в Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве. Монарх не бездействовал. Столичным властям, как гражданским, так и военным, отдавались распоряжения «навести порядок», но власти эти впали в

состояние летаргии. Никто не собирался выполнять волю Монарха, а своей воли по охране существующего порядка высокопоставленные лица не проявляли.

28 февраля 1917 года Император покинул Ставку и выехал в Петроград. Не доезжая ста верст до столицы, выяснилось, что далее железнодорожная магистраль находится в руках восставших. Царский поезд с дороги повернул в Псков, где располагался штаб Северо-Западного фронта. Однако здесь Монарх оказался, по сути дела, в западне, в кругу должностных лиц, придерживавшихся «переворотных настроений».

Его просили, умоляли и заклинали: «во имя России», «ради мира и спокойствия» отказаться от власти. Эту идею поддержали все командующие фронтами. Царя уверяли, что «вся Россия» требует этого, что «весь народ» взывает к Нему, что «для окончательной победы над врагом» необходимо «принести эту жертву». И Он ее принес.

2 марта 1917 года Царь согласился сложить властные полномочия и передать их брату Михаилу. Не прошло и суток, как стало известно, что Михаил Александрович отказался от принятия короны, потому что новые правители определенно заявили Претенденту, что не гарантируют тому не только воцарения, но даже и саму жизнь. История Царской России фактически и завершилась актом 2 марта 1917 года. Далее началась совсем другая история, являвшаяся удивительным смешением великой трагедии и бездарного фарса.

Падение Царской власти большинство современников восприняло с восторгом. Грустили немногие, но и те публично своих переживаний не выказывали. Боялись. Боялись стать жертвой восторженных толп, вожаки которых с первых мгновений своего торжества стали выявлять и преследовать «сторонников ненавистного режима». Сановников, Министров, генералов, лидеров проправительственных партий арестовывали на улицах, в квартирах, в присутственных местах и под конвоем препровождали в Таврический дворец, где заседала Государственная Дума и где оказался центр новой власти. Первоначально «врагов народа» размещали в так называемом «министерском павильоне», но скоро их число превысило возможности этого флигеля, и «бывших» начали переправлять в камеры Петропавловской крепости.

9 марта 1917 года появилось позорно-незабвенное обращение Святейшего Синода, начинавшееся словами: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути». Архиереи, назначенные в Синод еще Царской

властью, вмиг как будто забыли многовековой канон православного мироустроения, забыли о том, что Царь и Царство — устроение Божие….

Во Временное правительство вошли некоторые известные общественные деятели, главным образом из числа тех, кто снискал себе популярность своими громкими выступлениями против курса государственной политики, своей страстной критикой «произвола» и «антинародной деятельности» различных должностных лиц. Пост Министра иностранных дел получил лидер конституционнодемократической партии Павел Николаевич Милюков. Другой видный деятель-оппозиционер, Александр Иванович Гучков, стал военным Министром. Во главе же Кабинета и Министерства внутренних дел оказался бывший думец, председатель Земского союза князь Георгий Евгеньевич Львов.

Подлинным же «революционным украшением» правительства «свободной России» стал тридцатишестилетний адвокат и депутат Думы Александр Федорович Керенский, составивший себе имя погромными антигосударственными выступлениями на политических процессах и на заседаниях Государственной Думы.

Он с ранних пор придерживался «социалистических убеждений» и уже в годы студенчества в Петербургском университете лелеял заветную мечту: взорвать Зимний дворец вместе со всеми членами Царской Фамилии. Позже он «расширил политический кругозор» и пришел к убеждению, что надо разрушить всю монархическую систему и тогда «народ обретет свое счастье».

Зимний дворец был спасен, и это имело свою приятность для «убежденного социалиста». В 1917 году в главной Царской резиденции и разместился пламенный страдалец за народное счастье, занявший в первом составе Временного правительства пост Министра юстиции, а по совместительству — и генерального прокурора. Через четыре месяца он станет и главой Кабинета. Передавали, что спал он теперь на кровати Александра III. Столичные острословы тут же окрестили Керенского «Александром IV».

С первых дней победы революции жизнь в стране изменялась с космической быстротой. Уже шестого марта обнародуется политическая программа правительства. Она провозглашала всеобщую амнистию (свободу получили не только враги прежней власти, но и уголовные преступники), полную политическую свободу, всеобщее избирательное право и созыв Учредительного собрания. Декреты и указы новой власти сыпались как из рога изобилия.

Были отстранены от управления все должностные лица прежней администрации, был запрещен национальный гимн «Боже, Царя храни», была отменена присяга в армии и отдание чести, предписано снять с вывесок и реклам Царские гербы и орлов с коронами, отменено церковное поминание Царя, были ликвидированы переводные экзамены в гимназиях и вступительные в университетах. Много и других невиданных новшеств внедрялось в повседневность.

Россия вдруг в одночасье превратилась в страну, где все оказалось дозволенным. 5 марта, после почти недельного перерыва, вышли вновь газеты, которые просто захлебывались от восторженных славословий. Газетные развороты запестрели откровениями различных лиц, которые сообщали интервьюерам, какое «счастье они испытали», дожив наконец «до эры свободы». Славили «славную революцию» и «великую свободу» даже те, кто прекрасно себя чувствовал при павшем режиме, кто был продуктом и составной частью его.

Двоюродный брат Царя Великий князь Кирилл Владимирович, успевший еще до отречения Царя перебежать на сторону новой власти и присягнуть ей, откровенничал выше всякой меры. Оказалось, что только теперь он по-настоящему счастлив, так как живет «в свободной стране» и «может говорить все, что думает», а раньше же все время «чувствовал притеснения», слежку. Князь уверял, что в последнее время «бывший Царь» был «явно не в себе», что «все дела вершила Александра Федоровна». Оклеветав родственников, внук Императора Александра II выразил полную поддержку новому правительству.

Столичная газета «Русская воля», созданная за год до того группой столичных банков при заинтересованном участии последнего Министра внутренних дел А.Д. Протопопова, сидевшего теперь в казематах Петропавловской крепости, просто задыхалась от избытка экстатических чувств. «Мы можем гордиться той исключительной красотой общего движения, той высокой его культурностью, какими ознаменовались святые освободительные дни с первой минуты до настоящих минут, знаменующих полную победу русского народа над вековым игом деспотического самодержавия».

Газеты переполняла радужная информация о грандиозном преображении России, о «великой бескровной революции». Хотя в разных частях Империи были убиты сотни людей, а тюрьмы, невзирая на «всеобщую амнистию», заполнялись новыми заключенными — «врагами свободы и народа», но на эти «эксцессы» мало кто обращал внимания.

Несмотря на то что правительство и МВД возглавлял князь Г.Е. Львов, он активной роли не играл, являясь лишь декорацией. Направлением внутренней политики заведовал Министр юстиции. Как убежденный социалист, он стремился «ежеминутно углублять революцию», чтобы сделать «возврат к старому невозможным».

Керенского отличала невероятная активность. За день он успевал побывать на многих заседаниях, выступить на нескольких митингах, подписать ворох воззваний и указов. Он рьяно отстаивал мысль об «изолировании» «бывшего Царя», и 7 марта Временное правительство издало распоряжение об аресте Николая II и членов Его Семьи. Поверженные были заключены под арест в Александровском дворце Царского Села. Режим содержания определяла инструкция, составленная лично Керенским.

Сразу же после принятия на себя функций шефа российской юстиции, «любимец Февраля» постоянно публично высказывал уверенность, что «отныне произволу положен конец», что теперь «все граждане России могут вдыхать полной грудью воздух свободы», что они «могут не бояться за свою жизнь». Керенский очень быстро превратился в кумира столичной публики, стал своего рода «прима актером», постоянно окруженным толпой поклонников и поклонниц. Он был таким великолепным, таким «душкой», так потрясал впечатлительные натуры, что на некоторых собраниях и митингах молодые барышни падали в обморок, а юноши рыдали от восторга.

Однако не только экзальтированные курсистки и восторженные студенты трепетали при виде Керенского. Восторгались и более зрелые дамы, имевшие «шумную биографию». Одна из самых известных в этом ряду — Зинаида Гиппиус. «Жрица декаданса», поэтесса, критикесса, публицистка, эссеистка и социалистка. Она и ее муж популярный писатель Д.С. Мережковский, знали «милого Александра Федоровича» давно, но только в те мартовские дни он им открылся всей своей революционной монументальностью.

Через несколько дней после переворота он нанес визит «неистовой Зинаиде» и та записала в дневнике: «Он, конечно, немного сумасшедший. Но пафотически-бодрый… Это все тот же Керенский. Тот же. и чем-то неуловимо уже другой. Он в черной тужурке (министр-товарищ), как никогда не ходил раньше. Раньше он даже был “элегантен”, без всякого внешнего “демократизма”. Он спешит, как всегда, сердится, как всегда. Честное слово, я не могу поймать в его словах перемену, и однако она уже есть. Она чувствуется».

Изменялись все, и менялось все. Причем некоторые перемены просто резали глаз. Еще совсем недавно блестящая столица Российской Империи превратилась за несколько дней в заплеванный и замызганный город. Горы мусора во дворах и скверах (дворники перестали работать — Революция!), толпы неопрятных людей на улицах, расхристанные солдаты, задирающие прохожих компании наглых *censored*ТОК (никто не мог подумать, что их такое количество!), группы праздношатающихся, фланирующих с утра до вечера по центральным улицам Петрограда. Людская масса лузгала семечки, а немалое число людей, невзирая на введенный еще в 1914 году сухой закон, было явно навеселе. И бесконечные манифестации, демонстрации, митинги. Это стало главным развлечением толпы.

Полиция исчезла, зато появились во множестве вооруженные патрули, состоявшие из солдат и молодых людей в штатском платье с красными бантами на груди и такого же цвета нарукавными повязками. Эти «рыцари революции» прославились не только рвением в выявлении и аресте бывших «слуг прогнившего режима», но и своими «экспроприациями». Множество богатых квартир и особняков были ограблены во время поисков и арестов «врагов народа».

Вскоре после падения Царской власти в Петрограде оказался И.А. Бунин. Писатель был потрясен увиденным. «Невский был затоплен серой толпой, солдатней в шинелях в накидку, неработающими рабочими, гуляющей прислугой и всякими ярыгами, торговавшими с лотков и папиросами, и красными бантами, и похабными карточками, и сластями, и всем, чего попросишь. А на тротуарах был сор, шелуха подсолнухов, а на мостовой лежал навозный лед, были горбы и ухабы. И на полпути извозчик неожиданно сказал мне то, что тогда говорили уже многие мужики с бородами: “Теперь народ, как скотина без пастуха, все перегадит и самого себя погубит”. Простой мужик-кучер чувствовал и понимал тот неизбежный ход событий, который “представители общественности” и вообразить не могли».

Храмы почти опустели, зато кинематографы, цирки и театры были переполнены. Газеты были нарасхват. Главная тема полос — описание различных эпизодов «славной революции». Из прошлой жизни в них осталась лишь коммерческая реклама, характер которой, несмотря на разгар жестокой войны и революционные пертурбации, мало изменился с мирных времен.

Акционерные общества оповещали «уважаемых господ акционеров» о ежегодных собраниях, курорт «Гурзуф» приглашал

воспользоваться его услугами и отдохнуть с полным комфортом, компания Жорж Руссель рекомендовала дамам приобрести последнюю модель эластичного корсета. В свою очередь, цирк Чинизелли объявлял свою новую грандиозную программу, суворинский театр анонсировал пьесу «Цветы зла», кинематограф «Паризиана» рекламировал «новую фильму» — драму в пяти частях с участием несравненного И.И. Мозжухина — «А счастье было так возможно». Публике предлагалось многое другое посмотреть, воспользоваться услугами и выгодно купить.

Театрам приходилось перестраиваться, что называется, на ходу, в соответствии с политическими потребностями момента. Большинство спектаклей было подготовлено еще в «старую эпоху», что порой откровенно не устраивало зрителя. Случались трагикомические истории. В Императорском Александрийском театре давали драму М.Ю. Лермонтова «Маскарад», которую никак нельзя было отнести к разряду революционных произведений. Публика, среди которой не видно было состоятельных господ и дам в вечерних туалетах, а доминировала однообразная масса в военных одеждах цвета хаки, сама внесла коррективы в постановку. После сцены бала зрители стали требовать революционный гимн. Спектакль прервали, и оркестр вынужден был трижды исполнить «Марсельезу», что вызвало бурный восторг огромного зрительного зала. Труппа была в смятении, а прима Александринки, известная актриса Е.Н. Рощина-Инсарова, впала в депрессию. «Маскарад» изъяли из репертуара.

Помимо революционной эйфории, в мартовском воздухе России все явственней чувствовалось нарастание волны ненависти ко всему и ко всем, ассоциировавшимся со свергнутой властью. Русские популярные газеты, обезумевшие от нахлынувшей полной свободы, писали невероятную ложь: Царь и Царица вошли в тайные сношения с Германией, собирались заключить сепаратный мир «за спиной народа», что Они предали Россию, что делами управления в России занимался «пьяный развратник» Распутин и «его клика». Много и другой несусветной глупости озвучивалось, и никто ничего не доказывал и не опровергал. Общественные страсти накалялись.

Ненависть так быстро овладевала душами числа людей, что оторопь брала. Один старик в Новгородской губернии публично высказался так: «Из бывшего Царя надо было кожу по одному ремню тянуть». Услыхав подобное, потрясенный Василий Розанов восклицал: «И что ему Царь сделал, этому “серьезному мужичку”? Вот и Достоевский. Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и “Война и мир”».

Ни на день не стихали разговоры о монархических заговорах и о попытках реставрации, хотя никаких признаков деятельности роялистских групп не существовало. Однако это ничего не меняло, и, например, Керенский опасался монархического реванша вплоть до прихода к власти большевиков осенью 1917 года.

Арестом Царской Четы дело не исчерпалось. Устремления хозяев «новой России» простирались дальше: они намеревались «вбить осиновый кол» в сердце Монархии, навсегда покончить с ней. Арест Николая II сопровождала и другая акция: в начале марта правительство объявило о создании Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших Министров и прочих высших должностных лиц (ЧСК). Это была удивительная институция «свободной России». В нее вошли юристы и общественные деятели кадетско-эсеровской ориентации, задача которых состояла в выявлении и выяснении закулисной стороны свергнутого режима.

Новые правители России были убеждены, что «народ должен знать всю правду». Указанная Комиссия должна была эту «правду» добыть и огласить. Инициатором и «патроном» всего начинания был А.Ф. Керенский, непосредственным же руководителем Комиссии являлся присяжный поверенный (адвокат) из Москвы Н.К. Муравьев, выступавший до революции защитником по политическим делам.

Комиссия была наделена правом производить следственные действия, заключать под стражу отдельных лиц, выносить решения об их освобождении и получать любую информацию из государственных, общественных и частных учреждений по вопросам ее интересующим.

Первоначально конечная цель подобных занятий была не совсем ясна, но большинство деятелей новой власти считало, что Комиссия должна подготовить материалы для привлечения к суду бывших правителей.

Были допрошены и опрошены десятки высших должностных лиц Империи, известные политические и общественные деятели, придворные. В их числе: Царские премьер-министры И.Л. Горемыкин, князь Н.Д. Голицын, граф В.Н. Коковцов, Б.В. Штюрмер; Министры внутренних дел А.А. Макаров, Н.А. Маклаков, А.Д. Протопопов, А.Н. Хвостов; Министр юстиции, азатем председатель Государственного Совета И.Г. Щегловитов, Министр Императорского Двора граф В.Б. Фредерикс, дворцовый комендант В.Н. Воейков, высшие чины военных ведомств, полицейского управления. Дали свои показания и те, кто

оказался в числе героев «славных» февральско-мартовских событий: П.Н. Милюков, военный Министр А.И. Гучков, председатель IV Государственной Думы М.В. Родзянко. Опрашивались и известные политические деятели: В.Л. Бурцев, В.И. Ленин, Н.С. Чхеидзе, А.И. Шингарев и другие.

ЧСК собрала огромный документальный материал, полученный из различных ведомств и от отдельных лиц, так или иначе причастных к выработке и осуществлению государственного курса в период Монархии. Керенский, во время своего инспекционного посещения Царского Села, потребовал от Николая II, «во имя установления правды», допустить к личным бумагам и корреспонденции. Царь безропотно согласился, провел в свой кабинет, отпер все ящики письменного стола, показывал, где что лежит, давал необходимые пояснения. Несколько дней представители новой власти рылись в столах и шкафах Александровского дворца и увезли в Петроград множество бумаг.

Эта поездка оказалось очень познавательной для грозной «Немезиды Революции». После возвращения в Петроград Керенский заметил в кругу чиновников Министерства юстиции, что он очень удивлен тем, что «Николай II далеко не глуп, вопреки тому, что мы о Нем думали». Потом о том неожиданном для себя открытии Министр юстиции, а затем и Министр-председатель правительства в своих речах и многочисленных книгах ни разу не упомянул. Сакраментальный пассаж сохранили для потомства пораженные слушатели.

Внутри Чрезвычайной комиссии с самого начала шла борьба двух направлений. Первое представляли те, кто стоял на правовой точке зрения: скрупулезно собрать и всесторонне изучить факты и документы, а лишь затем делать выводы. Представители второго «революционного» течения придерживались иного подхода. Они были уверены, что «преступные деяния свергнутого режима» в главном и так известны, и нужно лишь «подобрать» материалы, раскрывающие такие деяния.

Подобной же разоблачительной позиции твердо придерживался глава Комиссии Н.К. Муравьев и его покровитель А.Ф. Керенский.

Столкновения между правоведами и обличителями начались буквально с первых дней. Когда военный следователь полковник С.А. Коренев, после подробного ознакомления с делом бывшего военного Министра генерала М.А. Беляева, доложил Комиссии, что «ничего сугубо преступного найти не смог» и предложил его освободить из-под ареста, то разгорелась целая буря. «Как освободить? — взорвался бывший адвокат Н.К. Муравьев. — Да

Вы хотите на нас навлечь негодование народа. Да если бы Беляевы даже и совсем были бы невиновны, то теперь нужны жертвы для удовлетворения справедливого негодования общества против прошлого. А за бывшим военным Министром все-таки имеется большой грех — его угодливость перед власть предержащими. За это одно его надо сгноить в тюрьме».

Ясно, что при такой «правовой философии» о справедливом разбирательстве, казалось, не могло быть и речи. Однако в работе Комиссии участвовали многие юристы с многолетним стажем, имевшие четкие представления о профессиональной этике. Они не могли и не желали выполнять политический заказ.

Особенно ярко это проявилось в вопросе о признании «виновности» Царя. Правоведы твердо стояли на позиции закона, согласно которому Монарх не мог ни в какой форме не только привлекаться к суду, но против него вообще не могло выдвигаться обвинений. Антрепренеры же расследования, понимая, что с точки зрения юридической добиться вердикта невозможно, хотели все-таки уличить Царя в противогосударственной деятельности, вынести морально-исторический приговор. Как вспоминал заместитель председателя Комиссии сенатор С.В. Завадский, «Муравьев считал правдоподобным все глупые сплетни, которые ходили о том, что Царь готов был открыть фронт немцам, а Царица сообщала Вильгельму II о движении русских войск».

Для документирования этих «истин» использовались самые сомнительные приемы. В одной бульварной газете было опубликовано несколько якобы тайных телеграмм, которые отправлялись в Германию через нейтральные страны, и где содержались указания на переправку секретных сведений германскому командованию. Сии послания были подписаны «Алиса» иниу кого не должно было возникнуть сомнений, что эти депеши исходили от Царицы.

Увидав эти «документы», Керенский немедленно потребовал провести «тщательное расследование», а Муравьев просто сиял от радости. Вот они факты! Вот она измена! Несколько дней глава Комиссии только разговоры и вел об этих «неопровержимых уликах». Расследование же окончилось грандиозным конфузом.

Выяснилось, что один молодой начинающий журналист очень хотел прославиться и «сделать сенсацию». С этой целью он очаровал телеграфистку с городского телеграфа и попросил помочь найти интересные материалы, обещая в награду коробку конфет. Молодая барышня, не долго думая, составила несколько таких телеграмм, передала своему поклоннику и получила сладости. Когда началось следствие, немедленно призвали

журналиста, затем телеграфистку и та, расплакавшись, сразу же призналась в фабрикации. Подделка была установлена с несомненностью, но Муравьев все никак не мог успокоиться, и даже хотел уговорить телеграфистку взять свое признание назад. Но его все-таки убедили не покрывать Комиссию позором, так как грубость подделки сразу же бросалась в глаза.

Такого же «высшего качества» были и прочие «изобличающие сведения»: несколько недель изучали версию о шпионском телефонном кабеле между Царским Селом и Берлином, искали подтверждение слухам о тайных визитах эмиссаров кайзера в Петроград, разыскивали «приказы Императора» об установке на чердаках домов тысячи пулеметов, из которых «расстреливали народ». В итоге не только не обнаружили никакого приказа, но даже ни одного пулемета не нашли.

Однако правду не оглашали. Хоронили версии тихо, мирно, «по-семейному». Законы бульварной журналистики (и бульварной политики) соблюдались неукоснительно. Сначала в течение нескольких дней или недель та или иная сенсация раскручивалась в прессе, затем, когда выяснялась ее очевидная лживость, «факт» просто исчезал из обращения. На сцену же вытаскивали новый абсурд. Публично же никогда и ничего не опровергали.

Глава Комиссии Муравьев несколько раз давал интервью столичным газетам и уже в мае 1917 года без обиняков утверждал, что «обнаружено множество документов, изобличающих “бывшего Царя и Царицу”. В действительности же замысел Керенского и прочих провалился: установить «преступные деяния» властителей, выявить их антигосударственную деятельность и разоблачить предательские сношения с врагами государства не удалось. А ведь так искали, так искали! По прошествии времени очевидно, что подобных фактов просто не существовало в природе, хотя «профессиональные разоблачители царизма» были убеждены в их наличии (иначе бы никакой Комиссии и не создавали).

Однако и вто время находились люди, не ослепленные революционным угаром. Весной 1919 года Иван Бунин написал: «Нападите врасплох на любой старый дом, где десятки лет жила многочисленная семья, перебейте или возьмите в полон хозяев, домоправителей, слуг, захватите семейные архивы, начните их разбор и вообще розыски о жизни этой семьи, этого дома, — сколько откроется темного, греховного, неправедного, какую ужасную картину можно нарисовать и особенно при известном пристрастии, при желании опозорить во что бы то ни стало, всякое лыко поставить в строку! Так врасплох, совершенно

врасплох был захвачен и российский старый дом. И что же открылось? Истинно диву надо даваться, какие пустяки открылись! А ведь захватили этот дом как раз при том строе, из которого сделали истинно мировой жупел. Что открыли? Изумительно: ровно ничего!» Писатель был абсолютно прав: в общем-то «открылись» действительно пустяки.

Главный же инспиратор всего дела Керенский даже в эмиграции не нашел в себе мужества признать, что вся затея с установлением виновности Николая II и Александры Федоровны в «государственной измене» (108-я статья уголовного уложения) безусловно провалилась. Между тем именно эта статья должна была стать важнейшим пунктом предполагаемого обвинения. Именно под лозунгом «борьбы с изменой» разворачивалась вся революционная вакханалия.

Давая в августе 1920 года в Париже показания следователю Н.А. Соколову, бывший «Александр IV» оправдывал создание ЧСК «историческими условиями». Хотя он уже признавал, что «Николай II сам лично не стремился к сепаратному миру», но относительно Александры Федоровны все еще продолжал лгать, уверяя, что в деятельности «Ее кружка» он узрел «явную тенденцию к развалу страны», что якобы должно было привести «к сепаратному миру и содружеству с Германией». Это говорил человек, за несколько месяцев нахождения которого на первых политических ролях все в стране действительно развалилось. Тут уж речь шла не о придуманных «тенденциях», а о непреложной действительности.

С первых же дней антицарской вакханалии в центре внимания публики и Комиссии оказался Григорий Ефимович Распутин, его политическая роль, его участие в управлении Империей. Следователи, еще только приступая к разбору документов и опросу свидетелей, уже были убеждены в «преступной» роли, которую сыграл этот человек в судьбе государства.

Позже следователь В.М. Руднев писал: «Прибыв в Петроград в Следственную комиссию, я приступил к исполнению моей задачи с невольным предубеждением относительно причин влияния Распутина, вследствие читанных мною отдельных брошюр, газетных заметок и слухов, циркулировавших в обществе, но тщательное и беспристрастное расследование заставило меня убедиться, насколько все эти слухи и газетные сообщения были далеки от истины». Даже юристы становились жертвами «облучения ложью»; что же уж говорить о других!

Распутин стал ударной темой столичных газет, почти все они завели специальные рубрики — «Распутиниада». Даже самые

солидные из них сбросили «флер респектабельности» и смаковали «пикантные детали» жизни убитого в декабре 1916 года Друга Царской Семьи. Репортажи, интервью, очерки следовали один за другим. Все издания стремились перещеголять друг друга в добывании самого горячего материала. Беседы с теми, кто не только видел и знал этого одиозного мужика, но и с теми, кто мог порассуждать на сей предмет, стали в газетах почти ритуальными.

Врач, производивший вскрытие трупа Григория Распутина, во всех подробностях сообщал о том, как выглядел покойник, сколько у него было ран, в каком состоянии были внутренности. Другой врач, известный психиатр и невролог В.М. Бехтерев, хотя сам Распутина никогда не видел, давал научные объяснения «природы распутинских чар». На страницах нескольких столичных изданий маститый врачеватель разъяснял гражданам свободной России, что «помимо обычного гипноза» существует еще «половой гипнотизм» и Распутин как раз и был из числа таковых гипнотизеров.

Журналисты устроили настоящую охоту на дочерей и жену Распутина. Их искали везде, но они успели уехать на родину в Сибирь сразу же после переворота. Их же разграбленная и разгромленная квартира в доме на Гороховой, 64 стала объектом паломничества толп любопытных.

Появились и первые смачные описания распутинских оргий, а в числе соблазненных и одурманенных его жертв фигурировали некие дамы, которых репортеры обозначали чуть ли не всеми буквами русского алфавита: баронесса Б., графиня К., монахиня О., жена полковника М., медсестра П. и так далее.

Уже в 2 марта 1917 года, когда Николай II отрекся от престола, в Царскосельском гарнизоне образовалась группа нижних чинов, решивших отыскать могилу Распутина. В Царском Селе обыватели шушукались, что покойник был похоронен именно там (была версия, что тело увезли в село Покровское). Однако точное место известно не было, так как вся процедура похорон проходила в большой тайне. Революционные солдаты решили разоблачить «Царский секрет».

Потом рассказывали, что солдатами двигал вовсе не революционный порыв, а слухи о баснословных сокровищах, которые Царская Семья положила в гроб Своему Другу. Хотя в соответствии со всеми нормами Православия такого быть не могло, но кто из этих одурманенных свободой и вином «революционеров» думал о каком-то Каноне! Они горели желанием озолотиться и довольно быстро нашли под строительными лесами воздвигаемого небольшого храма на

окраине Царского Села захоронение, которое и начали расковыривать на следующий день [2 — Он был похоронен в строящемся А.А. Вырубовой храме во имя Преподобного Серафима Саровского при Свято-Серафимовском лазарете-убежище. Закладкахрама состоялась в начале ноября 1916 года.].

Руководил могилокопанием некий капитан Климов — командир батареи по охране Царской резиденции, действовавший по согласованию с новым комендантом Царского Села подполковником В.М. Мацневым. Работы проводились без всякой огласки и продвигались трудно. Гроб находился на довольно большой глубине (два аршина, или около полутора метров), а земля в тот год сильно промерзла. Через два дня вандалы добрались до оцинкованного футляра, в котором находился гроб. Топорами и кирками взломали крышку у изголовья и увидели труп.

Никаких драгоценностей, естественно, в захоронении не обнаружили. Это сразу же охладило энтузиазм. На следующий день, 6 марта, Мацнев доложил на заседании Царскосельского временного комитета, что в Александровском парке обнаружен гроб предположительно с телом Распутина. Еще раньше весть долетела до А.Ф. Керенского.

Тот, с первого мгновения своего вознесения во власть, держал распутинское дело под своим неусыпным контролем. Он не сомневался, что эта тема — чрезвычайно выигрышная в историческом деле «вбивания осинового кола». В числе его первых распоряжений было два чрезвычайно примечательных.

Во-первых, еще до объявления «всеобщей амнистии» Керенский прекратил следственное дело против убийцы Распутина князя Ф.Ф. Юсупова, аво-вторых, распорядился освободить Хионию (Пелагею) Гусеву (она по решению суда пребывала в сумасшедшем доме), которая летом 1914 года покушалась на жизнь Распутина, ранив его ножом в живот [3 — Ровно через пять лет после покушения на Распутина, в конце июня 1919 года, эта же Гусева на ступенях Храма христа Спасителя в Москве совершит покушение на жизнь патриарха Тихона.]. Керенский считал вышепоименованных — изнеженного аристократа-убийцу и психопатку-сифилитичку — «жертвами политических преследований царизма».

Всю историю с могилой Керенский ни на минуту не выпускал из поля зрения своего «революционного орлиного ока». До него дошли слухи, что некоторые обыватели начали проявлять повышенный интерес к покойнику, а иные даже стали собирать землю и снег с могилы, казавшиеся им чудодейственными. Это было «форменное безобразие», которое надлежало прекратить

немедля. Он распорядился поместить гроб в специальный вагон и выставить охрану.

Еще раньше новость достигла ушей некоторых петроградских репортеров, и они чуть ли не толпой устремились в Царское. Первым примчался думский корреспондент Е. Даганский, опубликовавший в нескольких газетах свои репортажи. В «Русской воле» помещено было описание осквернённого захоронения. «В земле вырыто отверстие, шириной не более аршина, откуда виднеется развороченная свинцовая крышка гроба, открывающая покойника до груди. Лицо трупа совершенно почернело. В темной длинной бороде и волосах куски мерзлой земли, на лбу черное отверстие от пулевой раны».

Корреспондент не поленился спуститься в могилу и нашел на груди небольшую икону Знамения Федоровской Божией Матери, на обороте которой были автографы Царицы, Великих княжон и Анны Вырубовой. Здесь же значилось: 11 декабря 1916 г. Новгород. Несколько образов Александра Федоровна привезла из поездки в этот город. Один из них, тот, которым Ее благословил архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), и обнаружился на груди Друга Царицы.

Журналист хотел «взять на память» эту икону, но капитан Климов воспротивился, заявив, что он ее «должен передать коменданту Царского Села подполковнику Мацневу». Через несколько недель в прессе промелькнуло сообщение, что эта мемориальная реликвия была продана неким инженером Беляевым иностранцу.

Известная столичная газета «Новое время» сообщала 10 марта: «На станции Царское Село Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги стоит под охраной караула товарный вагон с телом Распутина. В ночь на 9 марта тело Г. Распутина по распоряжению правительства было выкопано из могилы склепа церкви во имя Серафима Саровского, что в деревне Александровской вблизи Царскосельского Александровского дворца. Гроб с телом Распутина на грузовике был доставлен в городскую ратушу, металлическая крышка была вскрыта, и труп подвергся осмотру». Корреспонденция заканчивалась информацией, что «о месте похорон Распутина пока распоряжений не сделано».

Подробные отчеты о «сенсационном событии» поместило и большинство других ежедневных изданий. Самое тиражное — «Русское слово» — привело новые подробности. «Металлический цинковый гроб был настолько тяжел, что целый взвод солдат с трудом извлек его на поверхность. На грузовом автомобиле гроб был доставлен в Царское Село, в ратушу. Его внесли в здание, где

гроб был вскрыт. Тело Распутина оказалось завернуто в тонкую кисею и затем зашито в полотно. Голова покоилась на шелковой кружевной подушке. Руки скрещены на груди, левая сторона головы разбита и изуродована. Тело почернело. В это время к ратуше собралась огромная толпа любопытных, проникшая в самую ратушу. Цинковую крышку гроба разломали на куски. Каждый хотел себе оставить на память кусок крышки: “Это на счастье, как веревка от повешенного”, - заявляли в толпе. Составив протокол осмотра, тело вновь уложили в гроб и отвезли на Царскосельский вокзал. Здесь гроб был оставлен в товарном вагоне, двери которого, по распоряжению коменданта, были закрыты и опечатаны».

Вскоре после разрытия могилы появилось сообщение, что тело будет предано земле «на одном из кладбищ Петрограда». Здесь может возникнуть вполне уместный вопрос: для чего правительству (сиречь Керенскому) понадобилось отдавать распоряжение об извлечении гроба, захороненного в безлюдном месте столичного пригорода, чтобы затем предавать его земле в столице?

Но в то время подобный вопрос ни у кого не возник. Власти же откровенно лукавили. Намерения «хоронить в Петрограде» у них не существовало из опасения, что эта могила станет местом паломничества «распутинцев» и просто любопытных. В силу этого Керенский все никак не мог решить, что же делать с гробом.

Верховного «стража свободы и закона» никоим образом не смущало, что все эти непристойные манипуляции с мертвецом происходили в дни Великого Поста! Он давно уже не верил в Бога, не боялся никакого Судного дня. Опасался он совсем другого: что кто-то может его заподозрить в недостаточной преданности «делу революции». Он не мог быть мягкосердечным, не мог быть снисходительным даже к трупам врагов, пресловутые «исторические обстоятельства» требовали решительных действий. И они последовали.

Тело Распутина было тайно перевезено в «революционную столицу», где его под охраной поместили в укромном месте в придворных конюшнях, в самом центре Петрограда, на Конюшенной площади. Осквернённый гроб здесь находился в деревянном ящике из-под рояля.

Вообще во всей этой истории очень много неясного. Важные ее эпизоды можно восстановить лишь по скудным и противоречивым сообщениям газет. Официальных документов практически нет, хотя к ней имели отношение и высшие должностные лица, и местные административные власти.

Сами главные «герои Февраля» (всем им удалось

благополучно покинуть пределы России) потом десятилетия обретались в различных странах в качестве эмигрантов. Превратившись, по существу, в «макулатуру истории», они не могли с этим смириться. Политическое банкротство свое не признавали. Постоянно говорили и говорили о «великой роли», которую они сыграли в «деле освобождения народа». Некоторые, например П.Н. Милюков и А.Ф. Керенский, написали тома воспоминаний и исторических трактатов, где в самых выигрышных красках рисовали свои политические портреты «в историческом интерьере».

Эти многостраничные опусы невольно поражают читателя. Мемуаристы восстанавливали в мельчайших подробностях события и картины, виденные многие десятилетия назад (к примеру, Милюков живописал цвет облаков над Везувием, когда оказался в Италии еще студентом), но странным образом наступал «провал памяти», когда надо было говорить о нежелательном и исторически для себя невыигрышном. Особенно это касалось двух тем.

Первая важнейшая и больная: участь Царской Семьи. У Милюкова по этому поводу «полный склероз». Обсуждений этого вопроса во Временном правительстве он «категорически» не помнил.

Хотя, как Министр иностранных дел, вел по этому поводу переговоры с английским послом, обменивался телеграммами с британским МИДом, но — как отшибло. Запамятовал все! Действительно, это ведь не цвет облаков над Везувием, а «сущая безделица»!

Цепкая память Керенского тоже удержала лишь то, что надо было сохранить для скрижалей истории! Царскую тему он тоже готов был забыть, но тут ничего не получалось. Ему со всех сторон эмигранты напоминали, приводили документы, обвиняли, проклинали, выставляя виновником гибели. Не раз оправдывался, перекладывал ответственность на других. Уверял, что если бы не бяки-англичане, которые отказались пустить Царя к себе, то все бы мирно и обошлось. Он же со своей стороны только и думал, как обеспечить Его безопасность. Эти подтасовки мало кого убеждали, но сам он себя убедил, что в той страшной истории неповинен.

Вторая тема, которая тоже выветрилась из памяти мемуаристов, хоть и не была столь же масштабной, как первая, но тоже была не менее щекотливой. Она касалась той самой распутинской «могильной истории». Никто из «вспоминателей» о ней не обмолвился ни полусловом.

Между тем такие разговоры среди Министров по этому

поводу велись, хотя бы потому, что все публиковавшиеся распоряжения подавались как решения именно правительства. Если и можно предположить, что «чистый европеец» Милюков оказался в стороне, то Керенский-то как раз находился в центре. Однако он тоже даже не упомянул об этом при подробном описании «славных дней» февраля и марта 1917 года. Наверное, по прошествии лет было просто стыдно вспоминать тот непристойный скандал.

Точно не известно, кто отдал приказ вывезти тело Распутина, не ясно, где точно его собирались предать земле (если действительно собирались), но ясно другое: Керенскому, как и прочим «этуалям Февраля», очень хотелось поскорее навсегда покончить с останками. Ненавистный мертвец мешал победителям жить и творить радостную историческую эпопею.

10 марта формируется похоронная команда, состоявшая из шести студентов Петроградского политехнического института и двух руководителей: уполномоченного Временного правительства Ф.П. Купчинского и представителя градоначальства ротмистра В.П. Кочадеева (Когадеева). Указанная группа получила в свое распоряжение грузовой транспорт и необходимые пропуска и в ночь на 11 марта покинула Петроград. Направление — Выборгское шоссе. Ясно, что выезд на автомобиле вооруженных людей должен был получить самую высокую санкцию. Кто же конкретно давал такое разрешение?

Сохранились краткие воспоминания Ф.П. Купчинского, написанные в мае 1917 года и посвященные как раз истории с трупом Григория Распутина [4 — «Я сжег Григория Распутина» (Составитель В.В. Клавинг). Санкт-Петербург, 2001.]. В них приводится разговор мемуариста с главой Временного правительства князем Г.Е. Львовым, состоявшийся в первые дни марта.

Князь говорил откровенно, без обиняков: «Его необходимо уничтожить. Сжечь, конечно, лучше. Надо подобрать людей, сделать без огласки». Потрясающее признание! Князь, представитель древнего рода (не чета Керенскому-то!), воспитанный по-европейски человек, известный общественный деятель, а рассуждал как какой-нибудь коммунистический революционер-уголовник.

Из рассказа Купчинского следует, что сама идея сожжения принадлежала ему, а князь лишь ее горячо поддержал и обещал «полное содействие». Львов, как абсолютно никчемный политик, как общепризнанный «политический импотент», ничего самостоятельно не решал ни в первые дни марта 1917 года, ни в дни последующие.

Он всегда все «обсуждал» со своими «товарищами по кабинету». Можно почти наверняка утверждать, что и здесь были «обсуждения», тем более что руководителю «ликвидационной команды» требовались широкие полномочия: достать транспорт, привлечь людей, получить многочисленные пропуска и разрешения. Одного «росчерка пера» князя Львова для этого было недостаточно. В стране уже де-факто существовало двоевластие.

В разнузданной «революционной массе» авторитетом пользовалось не Временное правительство, и уж тем более не князь Львов. Авторитет имел Петроградский совет, главой которого являлся «социалист» Н.С. Чхеидзе. Его же заместителем и самым известным членом Совета являлся Министр юстиции и прокурор А.Ф. Керенский.

Трудно усомниться в том, что «пропуски для патрулей» выдавались именно Советом. Без его санкции перемещение по Петрограду и его окрестностям машин с вооруженными людьми ночью тогда было просто невозможно. Так что в любом случае Керенский «был в курсе».

Купчинский преодолел все трудности, хотя кругом царили неразбериха и хаос. Именно его «команда» решила как первую задачу «акции»: перевоз на грузовике тела Распутина из Царского на Конюшенную в Петроград, так и вторую — сожжение.

В пафосном рассказе Купчинского, рассчитанном на восхищенное признание потомков, содержится немало интересных признаний. Когда прибыли в Царское забирать тело, то выяснились потрясающие вещи: уже несколько дней «толпы людей день и ночь окружают вынутый из могилы гроб, его фотографируют, осматривают, трогают». Даже когда перенесли на запасные пути и поместили в закрытый вагон, то и тогда толпы не исчезли, продолжали «осаждать вагон». Причем приходили и ночью с фонарями, все «хотели посмотреть», а среди этих «страждущих» были не только простые обыватели, но и «передовые интеллигенты».

Вывозили тело скрытно, и согласно акту, составленному 9 марта 1917 года, обязывались держать все «в тайне от широких масс». 10 марта глава «команды» посетил князя Львова и сообщил, что «сегодня ночью все будет закончено». Но слухи о манипуляциях с мертвецом стали просачиваться в публику, пошли разговоры. Чтобы пресечь их, была пущена в обращение дезинформация. «Дезу» напечатала популярная «Петроградская газета» 11 марта.

«По срочному предписанию Председателя Совета Министров князя Львова тело Распутина было перевезено из Царского Села в Петроград. Не доезжая Петрограда у платформы

“Воздухоплавательный парк” поезд с телом Распутина остановлен. Солдаты вынесли гроб, который перевезен к ограде, близь находящегося здесь Волкова кладбища. Там тело Распутина было погребено и место захоронения тщательно скрыто».

На самом же деле все обстояло совсем иначе. В ночь с 10 на 11 марта от Конюшенной площади отъехало два грузовика, во втором из которых был гроб, покрытый досками и рогожами. Здесь же находилось и «несколько пудов картона и бумаги». Не забыли взять с собой лопаты, веревки и ломы. Сопровождала «секретный груз» команда из восьми человек, во главе с Купчинским.

Автомобиль несколько раз останавливали патрули, но город покинули благополучно и вскоре «кортеж» углубился в темноту. Через какое-то время свернули в сторону, на пустырь, но тут случилась неприятность. Автомобиль заглох. Произошло это между поселками Лесным и Пескаревкой. Руководители пошли в Лесное за подмогой, а студенты остались охранять уникальный груз.

В Лесном нашли коменданта, с которым обсудили ситуацию. Предложение «уничтожить труп без следа» ни у кого не вызывало возражений. Трудно не заметить, что некоторые обстоятельства уничтожения тел Царской Семьи перекликаются с этой историей…

Натаскали веток, из Лесного принесли дров, быстро сложили костер, вытащили из машины труп, облили все бензином и подожгли. Несколько часов длился этот страшный ритуал. Ничего в тайне сохранить не удалось, на следующий день весть о событии стала широко известной. Газета «Петроградский листок», со слов очевидцев, писала:

«При свете луны и отблеске костра показалось завернутое в кисею тело Распутина. Труп был набальзамирован, на лице видны следы румян. Руки сложены крестообразно. Пламя быстро охватило труп, но горение продолжалось около двух часов. Скелет не поддался уничтожению, и остатки его было решено бросить в воду».

Сам начальник «команды» описал виденное: «Руки как у живого. Шелковая рубашка в тканых цветах казалась совершенно новой. Костер разгорался все больше и больше, и при свете огня мы внимательно вглядывались в лицо «старца», какую тайну он унес с собой в небытие?! Множество тряпок и стружек из гроба полетело в огонь. Очень скоро тело Распутина оказалось в огне. Подливаемый бензин высоко вздымал огненные языки. Затлелись носки на его ногах, без обуви. Запылала рубашка. Борода моментально сгорела. Сине-зеленые огоньки заструились по

трупу.»

Руководители «акции» составили протокол, сохранившийся до наших дней. В нем говорится, что уничтожение трупа Григория Распутина было произведено под утро 11 марта, между 7 и 9 часами. «Самое сожжение имело место около большой дороги из Лесного в Пескаревку, в лесу, при абсолютном отсутствии посторонних лиц, кроме нас, ниже руки свои приложивших».

Газетные репортажи об этом диком, просто каком-то неандертальском действии полны были умиления, и даже радости. Публику уверяли, что вешние воды наступающей природной весны (политическая, как утверждали, уже наступила) смоют с «лица земли русской» всю «грязь», оставшуюся «от прежнего режима».

Ужасает и фактическая сторона этой исторической картины, и ее пророческое предопределение. Костер, полыхающий в холоде предрассветной ночи, густой смрадный дым, медленно поднимающийся к небу, а рядом кучка продрогших радостных людей, не ведущая, что справляет поминальную тризну по прошлому, по России, по миллионам погибших за нее, и по многим миллионам, которые до срока погибнут в будущем невесть за что.

Пепелище с обгоревшими костями стало черным прообразом грядущего.

С пронзительным чувством выразил это послереволюционное погружение во тьму известный поэт той поры Дон-Аминадо (Шполянский).

Все опростали. И все опростили.
Взяли из жизни и нежность, и звон.
Бросили наземь. Топтали и били.
Пили. Растлили. И выгнали вон.
Долго плясала деревня хмельная,
Жгла и ходила глядеть на огонь.
И надрывалась от края до края
Хриплая, злая, шальная гармонь.
Город был тоже по-новому весел,
Стекла дырявил и мрамор долбил.
Ночью в предместьях своих куролесил,
Братьев готовил для братских могил.
Жили, как свиньи. Дрожали, как мыши.
Грызлись, как злые, голодные псы.
Строили башню, все выше и выше,
Непревзойденной и строгой красы.
Были рабами. И будут рабами.
Сами воздвигнут. И сами сожгут.

Господи Боже, свершишь ли над нами
Страшный, последний, обещанный суд?

Глава II. Факты и домыслы

В состоянии революционного пароксизма о Распутине было произнесено невероятное множество гневных слов, бесчисленное количество разоблачительных монологов. Потом многие десятилетия эти инвективы широко использовались как у нас, так и за границей, для создания образа и самого героя, и описания последних глав истории Царской России.

Уместно особо подчеркнуть, что обширная часть «Распутиниады» базируется на материалах, которые являются апокрифическими или, иначе говоря, просто ложными. Фальшивок здесь достаточно. «Пиарщики» XX века потрудились на славу: фабриковались полицейские документы, письма отдельных лиц, дневники. О конкретных информационных эрзац-продуктах ниже придется говорить еще не раз. Они интересны в двух отношениях: как мастерством технологии, так и характером общественных представлений, в русло которых удачно «вписывались» фальшивки.

Попыток же документировать жизнь «легендарного Гришки», наполнить его биографию конкретными историческими реалиями, долго не наблюдалось. Исторические изыскания никого не интересовали. Поэтому даже краткие заметки во всех без исключения энциклопедических изданиях, не говоря уже о прочих работах, полны противоречий и искажений. Тут правила (и правит) бал «разнузданная дама» по имени Идеология. Между тем там, где кончается факт, заканчивается и история. В силу этого с полным правом можно назвать антиисторическими подавляющую часть сочинений на данную тему.

Чтобы читателю было понятно, какой низкопробный материал ему предлагают, сошлемся на типичный образчик мифотворчества. Среди публикаций последних лет трудно обойти стороной писания Э.С. Радзинского, который обрушивает на публику просто поток «откровений» и «открытий» о тайнах истории вообще и о «тайнах Царей» в частности. При этом он уверяет всех и в России, и по всему свету, что «изучал уникальные» документы, знакомство с которыми «озаряло» его якобы научные экзерциции (упражнения).

В изданной массовым тиражом книге этого «мэтра» о Николае II о Распутине написано: «Григорий Распутин родился в селе Покровском в Сибири. Сын крестьянина Ефима Новых. Его отец — горький пьяница — вдруг образумился, перестал пить, скопил себе достаток. Но умерла жена — и пошло опять мужицкое несчастье: начал пить, спустил нажитое. И его сын Григорий в это

время прославился распутной жизнью: Распутиным уехал он в Тобольск, служил половым в гостинице, там женился на служанке Прасковье, и родила она ему троих детей — сына и двух дочерей» [5 — Радзинский Э.С. «Господи. спаси и усмири Россию». М., 1993. Автор не только оболгал семью Распутина, но умудрился даже переврать цитату из дневника Николая II, вынесенную в заголовок. Запись эта была сделана 17 октября 1905 года, после подписания Императором известного Манифеста о даровании стране политических свобод и независимого парламента — Государственной Думы. В оригинале значится «умири». Господин сочинитель, очевидно, просто не способен понять, что «умири» и «усмири» не есть тавтология.].

Этот пассаж записного «знатока истории» насчитывает более шестидесяти слов. Из них не более десятка соответствуют истине: указание места рождения Григория Распутина, имя его отца, жены. Все остальные слова и утверждения, извините за неизящное выражение, грубое вранье. «Идентификатор» даже умудрился отцу чужую фамилию приписать.

Примерно так обычно и выглядит «консистенция» опусов на распутинскую тему: девять частей лжи и частичка общеизвестного. В результате получается непотребное «варево», которым обычно и «потчуют» несведущую публику. Из ныне живущих и творящих упомянутый баснописец далеко не единственный, но он, несомненно, самый плодовитый пасквилянт и наиболее удачливый коммивояжер пошлого товара.

Как можно рассуждать о жизни исторического персонажа, не зная ни времени его рождения, ни его условий жизни, ни духовного облика, ни запросов, ни интересов? Оказывается можно. Лишь в самые последние годы начинают появляться немногочисленные публикации, где приводятся сведения о рождении Распутина, о его семье, рассказывается о путях духовных исканий. Еще совсем недавно все это было покрыто плотным туманом неизвестности.

Собственно, точно было известно лишь несколько фактов. Во-первых, то, что Григорий родился в Западной Сибири, в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии и был сыном крестьянина. Во-вторых, не вызывала сомнений дата смерти: в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в Петрограде. И, наконец, не подлежало сомнению время первой встречи сибирского крестьянина с Царем и Царицей: 1 ноября 1905 года (о том имеется специальная запись в дневнике Николая II). За пределами этого скромного круга сведений начинались «интерпретации» и «вариации».

Существует несколько категорий документов, на основании

которых можно воссоздавать историю жизни и судьбы Григория Распутина. Они разнятся как по своей фактурно-содержательной части, так и по степени исторической достоверности.

Наиболее надежны те из них, которые можно обозначить как «интимные бумаги», документы, которые возникли в «процессе жизнедеятельности» Распутина: его записки, телеграммы, наставления, размышления, поучения, содержащиеся как в записях его почитателей, так и в изданных от его имени книгах. Особое место в этом ряду занимает личная переписка Царя и Царицы. Здесь чрезвычайно значима корреспонденция Александры Федоровны, которая искренне, без прикрас описывала Свое восприятие «Друга Григория».

Второй блок источников включает показания бывших сановников и царедворцев, политиков, чинов полиции, завсегдатаев светских салонов, которые собирала упоминавшаяся выше Комиссия Временного правительства.

Последний и наиболее многочисленный корпус документов — мемуары современников. Из числа тех, кто жил и пережил «минуты роковые», очень многие оставили свои воспоминания. Мемуаристика этого периода огромна. При этом почти все авторы, в разном контексте и по разному поводу, но обязательно упоминали имя Распутина. Однако именно это обширное наследие и является наименее исторически надежным. Людей, которые лично общались с Распутиным, а по прошествии лет рискнули бы искренне изложить причины своего пиететного отношения к нему, можно с трудом сосчитать по пальцам одной руки.

Начнем с «биографического букваря». Откуда взялся Распутин и что достоверно о нем известно? Для начала разберемся в нескольких основополагающих вещах: дате рождения, происхождении легендарной фамилии и семейном родословии.

Исследователь биографии Григория Распутина О.А. Платонов отыскал в архиве семейный формуляр, составленной во время первой (и последней) Всероссийской переписи населения, состоявшейся в 1897 году [6 — См. Платонов О.А. Терновый венец России. Москва, 1996. С. 14–15.]. В нем значится, что у хозяина, пятидесяти пятилетнего Ефима Распутина в семействе состояли: жена Анна Васильевна (57 лет), сын Григорий (28 лет), жена сына Прасковья Федоровна (30 лет) и внук хозяина Дмитрий (1 год). Все они являлись крестьянами и значились безграмотными.

Принимая в расчет, что перепись, происходившая в январе 1897 года, учитывала только полное число лет, нетрудно подсчитать, что Григорий Ефимович Распутин родился в 1869 году.

Тюменскому краеведу В.Л. Смирнову удалось найти метрическую книгу Богородической церкви слободы Покровской за 1869 год [7 — Книга В.Л. Смирнова «Неизвестное о Распутине» была издана в Тюмени в 1999 году. Автору удалось собрать и опубликовать много интересных документов, касающихся жизни Григория Распутина на родине.]. В ней записано, что 9 января 1869 года у крестьянина Ефима Федоровича Распутина и его жены Анны Васильевны родился сын, нареченный при крещении 10 января Григорием, в честь поминаемого в тот день

Православной Церковью Святителя Григория Нисского.

Наконец-то! По прошествии ста тридцати лет после рождения и более восьмидесяти лет после убийства удалось выяснить точную дату рождения одного из самых популярных персонажей отечественной истории. Спасибо энтузиастам-изыскателям!

Возникшая в XVII веке слобода Покровская располагалась на берегу полноводной реки Туры, на дорожном тракте. К моменту рождения Григория Распутина являлась, по сибирским меркам, «густонаселенным» пунктом; там значилось 172 двора. Численность «душ мужского пола» — 391 человек, аженского — 442. В Покровском имелись: церковь, почтовое отделение, сельское училище и «два кожевенных завода».

В селе (слободе) действовало четырехклассное начальное сельское училище, но Григорию там учиться не довелось. Можно предположить, что, как часто бывало в крестьянском миру в малочисленных семьях, отец не отдал сына «в обучение» по причине нехватки рабочих рук. Единственный сын, один помощник. Распутин так на всю жизнь и остался малограмотным. Хотя со временем он научился выводить слова (его автографов сохранилось довольно много), но сколько-нибудь совершенной техникой письма так и не овладел. Однако читать научился. С юности читал и читал Евангелие и выучил Его почти наизусть.

Жители села занимались извозом («ямщичили») по дороге из Тюмени в Тобольск, рыболовством, лесосплавом, хлебопашеством, молочным животноводством. Покровское славилось изготовлением попон, выделкой кож и кузнечным ремеслом. Позже Распутин расскажет про себя: «Много в обозах ходил, много ямщичал и рыбу ловит и пашню пахал». Детство прошло в тяжелом крестьянском труде.

Позже Распутин сам о некоторых жизненных эпизодах той поры много рассказывал. Труд с молитвой научил терпению и смирению. «Ходил в Петров пост на острова и там собирал лыко; таскал больше чем за полверсты в озеро мочить. Хлеба кушал малость, а оводов и комаров от себя не отгонял. В пять часов вечера я снимал рубашку, клал сто поклонов и творил Иисусову молитву… я действительно получил пользу от оводов и комаров, цифра неписаная, и научился всякому терпению, вообще ударам или изнурению тела. Еще в петровские ночи я пахал, оводов тоже не убирал с себя — пускай покушают тело и попьют дурную кровь. Я размышлял: и они Божие создание, так и я сотворен Богом».

Фамилия «Распутин» многими сочинителями производится от слова «распутство» и, как утверждается, обуславливается аморальным поведением. На самом деле все выглядит

совершенно иначе. В начале XX века в Покровском проживало семь семей, носивших такую фамилию. Сама же родовая этимология к «распутному образу жизни» не имеет никакого отношения. Скорее всего, фамилия происходит от слов «распутье», «распутица» или «перепутье». Она широко была распространена на Русском Севере и в Сибири, и встречается в документах, по крайней мере с XVII века.

Вообще, что касается крестьянских фамилий, то они в большинстве своем возникают лишь в XIX веке. Ранее в деревенском быту использовались прозвища, клички, возникавшие разными путями. Тут могли обыгрываться какие-то характерные физические признаки, черты характера, место жительства, время рождения, но чаще всего имя или прозвище отца. В официальных документах обычно значилось примерно так: «Иван сын Федоров», «Зосим сын Семенов» и т. д.

Родоначальником рода Григория Распутина явился «Изосим Федоров сын». В переписной книге крестьян Покровского за 1662 год говорится, что он живет с женой и тремя сыновьями — Семеном, Насоном и Евсеем, что пришел он в Покровскую слободу за двадцать лет до того из Яренского уезда (современная — Республика Коми) «и стал на пашню». Сын Насон позже получил прозвище «Роспута». А от него и пошли «Роспутины», ставшие в начале XIX века «Распутиными». По подворной переписи 1858 года в Покровском значилось более тридцати крестьян, носивших фамилию «Распутины», в том числе и отец Григория Ефим, которому тогда еще не исполнилось и шестнадцати лет.

Вышесказанное документально подтверждает, что фамилия никакого касательства к образу жизни Григория Распутина не имела. Он ее не «приобрел», а получил в наследство.

Во многих же книгах и документах Григорий фигурирует под двойной фамилией: Распутин-Новый или Распутин-Новых. Это обстоятельство тоже окутано домыслами. Некоторые уверяют, что Григорий желал поменять фамилию, чтобы «расстаться с прошлой разгульной жизнью», чтобы «скрыть следы ранних лет». Очень популярна другая версия, согласно которой он вынужден был это сделать «по наводке» Цесаревича Алексея. Как утверждается, однажды, когда Распутин предстал перед Наследником Престола, тот чуть не запрыгал от радости и возопил: «Новый», «Новый». Якобы возглас Царского Сына и заставил менять «фамильное обозначение».

Среди прочих эту историю поддержала своим рассказом и старшая дочь Распутина Матрена. В ее изложении дело выглядело следующим образом. «В одно из первых своих посещений Дворца,

он, увидев Государя, получил от Него приказание: впредь именоваться фамилией Новых. Это произошло таким образом. Когда отец проходил по Дворцу, его увидел Алексей Николаевич и сказал Государю: “Папа, вот идет новый”, т. е. новый во дворце человек. В связи с этим фактом и была переменена наша фамилия».

Однако даже при таком, казалось бы, весомом аргументе, как утверждение дочери, версия кажется малоубедительной и походит на обычный анекдот, которых циркулировало несчетное множество. Если Царь действительно дал подобное приказание, то зачем тогда потребовалось составлять прошение? Царское распоряжение само по себе имело силу закона. В своих же рассказах об отце Матрена немало неверного запечатлела, о чем придется ниже еще говорить.

Думается, что перемена фамилии к «воплю малютки» отношения не имела. Да и самой перемены-то не было, а было дополнение. Сам Григорий, решив видоизменить ее в конце 1906 года, объяснял это желание в прошении Царю следующим образом: «Проживая в селе Покровском, я ношу фамилию Распутина, в то время как и многие другие односельчане носят ту же фамилию, отчего могут возникнуть всевозможные недоразумения. Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества и прошу: дабы повелено было мне и моему потомству именоваться по фамилии “Распутин Новый”». И далее шла подпись: «Вашего Императорского Величества верноподданный Григорий».

Что касается пресловутого «вопля малютки», то ко времени появления этого прошения Царская Чета всего виделась с Распутиным не более трех-четырех раз, а со Своими Детьми Они его познакомили в октябре 1906 года. Нет никаких указаний на то, что во время визитов Царя и Царицы к родственникам, где встречи с Григорием в тот период и случались, Они брали с собой маленького Сына, которому в июле 1906 года исполнилось только два года. Распутин же стал превращаться в Друга Царской Семьи с 1907 года, когда его новая двойная фамилия являлась уже фактом.

До недавних пор баснословными сказаниями была окутана семейная жизнь Григория Распутина, и в не меньшей степени и семейная жизнь его родителей. Благодаря найденным метрическим книгам можно этот сюжет осветить довольно полно. У Ефима и Анны Распутиных, обвенчанных в церкви Покровского в 1862 году, всего родилось девять детей, однако они умирали один за другим уже в раннем возрасте, и до отроческих лет дожил лишь Григорий.

Вся жизнь Распутина соткана из легенд и домыслов, но все-таки наименее документально обеспеченной являются первые тридцать лет его биографии. Это вполне понятно: какие в принципе могли остаться письменные или иные документы о жизни молодого крестьянского парня, да к тому же родившегося и обитавшего в далеком медвежьем углу? Практически никаких. Их и не осталось.

Какие-то свидетельства можно было получить от ровесников и вообще односельчан Распутина. Их стали опрашивать уже в XX веке, когда многое давно кануло в Лету, а сама фигура их односельчанина нежданно привлекла такой повышенный интерес, что местные мужики терялись, не знали, что и говорить этим «господам из России». По народным представлениям той поры, Россия начиналась за Уралом, а далее на Восток шла Сибирь.

Некоторые рассказывали то, что от них хотели услышать заезжие, «богато», «по-городскому» одетые дамы и господа, другие вообще отнекивались, ссылались на беспамятство. Да ничего особо примечательного они и рассказать-то не могли. Кто ж из них мог подумать в старое время, что этот Ефимов Гришка войдет в такую силу, в такой интерес попадет? Ничем примечательным не запомнился. Вспоминали, что в какой-то момент стал вроде сам не свой, на манер ушибленного. Рядом стоит, а вроде и нет его, о чем-то далеком думает, да потом стал все о Боге да о душе говорить.

О своих юных годах Распутин позже сам рассказывал: «Вся жизнь моя была болезни. Всякую весну я по сорок ночей не спал. Сон как будто забытье. Медицина мне не помогала, со мной ночами бывало как с маленькими, мочился в постели».

Парнем хоть и рос не особо здоровым, даже болезненным, работал, как и прочие, и на покосе, и на извозе, и на рыбалке. Многие односельчане помнили, что когда Григорий уже женатым был, стал подолгу из дому отлучаться. В самом факте таких отлучек ничего удивительного не было. Многие мужики, как заканчивались сельскохозяйственные работы, сбивались в артели и подавались в разные места на заработки.

Удивляло другое: ходил-то Григорий не на заработки, а как потом сам рассказывал, по разным обителям и святым местам. Дело такое тоже не возбранялось, но, что начало сильно удивлять, так это когда у него деньги завелись. А потом вдруг эти господа «из России» в гости к нему начали наведываться. Среди односельчан появились завистники. Зависть же неизбежно рождает и злость.

Покровское по представлениям той поры если не являлось особо богатым, но уж зажиточным селом было наверняка.

Промыслы и торговля давали приработок. Но даже при этом больших денег никто не видел. Сотня рублей, сколоченная в год, считалась целым капиталом. (По приблизительным подсчетам, точное соотношение установить невозможно, сто рублей начала XX века равняется ныне примерно тысяче долларов.)

У Григория же Распутина со временем завелись деньги, да не крестьянским чета. Дом двухэтажный отгрохал, и, хотя таких было на селе немало, но все равно казалось, что его — «на господский манер», самый добротный. В прижимистости же упрекнуть никто не мог. Сотни рублей жертвовал на церковь, да и отдельным селянам деньгами помогал: кому скотину приобрести, кому на похороны, а кому на одежду.

За щедроты Распутина даже в газетах благодарили. «Тобольские Епархиальные Ведомости» 1 июня 1908 года писали: «Объявлена благодарность Епархиального начальства с выдачею похвального листа крестьянину слободы Покровской, Тюменского уезда, Григорию Новому (он же Распутин), за пожертвования в приходскую церковь».

В 1912 году в «Заключении Тобольской консистории» говорилось, что помимо «пяти тысяч рублей на построение нового храма в слободе Покровской Г.Е. Распутин пожертвовал в приходской храм серебряный 84 % золоченый напрестольный крест, четыре серебряных вызолоченных лампады и приложил к чтимой иконе Спасителя массивный нательный золотой крест».

Многие односельчане, встречая на улице, кланялись, благодарили за добро, а иные и «благодетелем» величали. Однако, как «земля зашаталась», так многие о добрых делах вмиг забыли. Когда до Покровского долетела весть, что в столице «Царя скинули», то людская злость-то и выплеснулась. Побежали грабить дом Распутиных, да так несколько раз и вламывались. Почин положили пришлые.

До наших дней дошла телеграмма, посланная вдовой убитого Григория Прасковьей (Параскевой), отправленная 21 апреля 1917 годаиз Покровского губернским властям в Тобольске. «Был проездом эшелон солдат, сделали полный разгром в квартире Григория Распутина. Пропали ценные вещи. Ехали они из Тюмени в Тобольск на пароходе “Станкевич” 21-го дня. Умоляем примите меры. Распутина».

Несчастная женщина на земляков не рассчитывала, наивно надеялась на защиту губернских властей. Помощь ниоткуда не пришла. Минуло еще некоторое время, и уже сами крестьяне Покровского на своем сходе приняли решение: конфисковать у Распутиных «богатства нажитые нечестным путем», в числе коих на первом месте стояли «граммофон и пианина». Вскоре же вдову

с сыном вообще выгнали из собственного дома, где устроили больницу. К тому времени соседи успели уже почти все растащить: от тарелок до зеркала.

Все эти печальные истории начнут разворачиваться в «новой России», освобожденной от «царского ига». В иные времена такого расклада вещей, такого одичания никто бы и вообразить не мог. Все текло медленно, неторопливо, все казалось предопределенным на века.

В 1887 году, в возрасте 18 лет, Григорий Распутин женился на девице из соседней деревни Параскеве (Прасковье) Федоровне Дубровиной, которая была почти на три года старше него. Такая разница в возрасте была по тем временам довольно необычной. По деревенским меркам невеста явно «засиделась в девках», а жених, видно, не имел «брачного престижа» и вынужден был пойти под венец с «перезрелой».

У Григория и Прасковьи родилось семеро детей, но лишь трое выжили: Дмитрий (1895–1933), Матрена (в церковной книге записана как «Матрона»), которую часто называли Марией (1898–1977), и Варвара (1900 — начало 30-х годов). Судьба членов семьи Григория Распутина не была счастливой. Мать, сын Дмитрий и дочь Варвара погибли в советских концлагерях, а Матрена выбралась из России месте с психически неуравновешенным мужем поручиком Б.Н. Соловьевым (1893–1926).

После смерти в Париже супруга-неврастеника Матрена Распутина-Соловьева оказалась одна с двумя маленькими дочерьми на руках и практически нищенствовала. Работала танцовщицей в третьесортных кабаре, где было принято не отказывать клиентам «в особых милостях» по окончании представления. После многолетних безрадостных эмигрантских мытарств в Азии и Европе Матрене удалось перебраться в Америку. Там она много лет работала в цирке-шапито в качестве укротительницы «диких зверей». Умерла она в Калифорнии в Лос-Анджелесе.

О молодых годах жизни Распутина в Покровском можно судить по скупым и отрывочным сведениям. О семейном укладе сохранились рассказы Матрены, но они относятся к более позднему времени. Кое-какие упоминания по этому поводу делал позднее сам Григорий. Из них можно заключить, что Распутин много в молодости страдал от насмешек и издевательств односельчан. Сибирский крестьянский мир — жестокий мир, там не делали снисхождения слабым, не щадили тех, кто «не от мира сего». Закон беспощадного исторического отбора — выживает лишь сильный — формировал характеры жесткие, натуры

прямые, не восприимчивые к слабостям других.

Не блещущий физической крепостью парень, да к тому имеющий слабости («мочился ночами»), превратился в объект издевательств. Позже Распутин заметил о том времени: «Много скорбей было: где какая сделалась ошибка, будто как я, ая вовсе ни при чем. В артелях переносил разные насмешки».

В этой связи стоит остановиться на одном моменте его биографии, который потом будет постоянно муссироваться в статьях, репортажах и книгах. Речь идет о том, что якобы в молодые лета Распутин был «конокрадом», за что его били нещадно. С тем, что его могли бить, с этим можно согласиться. На селе кулачные «забавы» были в порядке вещей. Что же касается конокрадства, а этот аргумент неизменно фигурировал (и фигурирует) при характеристике Распутина, то, так сказать, предметных оснований для этого в наличии не имеется. Никто из односельчан не указывал на такие деяния, никто не вспомнил подобного эпизода о своем земляке, хотя память о воровстве в деревне хранят долго.

Даже если и допустить, что земляки «запамятовали», «умолчали», хотя корысти для выгораживания, «отбеливания» Распутина у жителей Покровского не могло быть никакой, то все равно вся это история выглядит неправдоподобно. Такого рода поступки считались уголовным преступлением, и похититель скотины подлежал привлечению к суду, а значит, должны остаться некие судебные документы.

Между тем нередко можно встретить уверения, что «Распутина судили». Да, действительно, отец Григория Ефим Яковлевич однажды был заключен под арест, то не за «воровство», как писали и говорили, а за неуплату государственных недоимок (налогов). Что же касается его сына, то никаким судебным преследованиям он не подвергался.

Предположим, что «бумажные отпечатки» этой истории по каким-то причинам не сохранились. Однако и с фактической стороны вся эта история выглядит как тенденциозная легенда. Как сказал один чеховский герой, «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Надо просто не иметь никакого представления об условиях жизни крестьян в Сибири, чтобы всерьез утверждать подобное.

Населенные пункты там редки, отстояли друг от друга на больших расстояниях, а жители знали друг друга наперечет. Кругом же — водные просторы, безбрежные болота и леса. Украсть где-то коня, а потом скрыться с ним без следа, на такое мог рассчитывать лишь тот, кто намеревался похитить крылатого пегаса. Обычную же скотину тайно увести просто было

невозможно. Если кто и занимался конокрадством, то пришлые, главным образом кочующие цыгане, но таковых в Сибири практически не было. Вся эта географическая «азбука» и бытовая «арифметика» были недоступны пониманию столичной публики, сочинявшей подобные небылицы.

Ну, действительно, откуда богатому помещику, тонкому ценителю французской кухни, камергеру Императорского Двора, председателю Государственной Думы М.В. Родзянко, который просто голосил о «Распутине-конокраде», было знать, как живут сибирские крестьяне, что за воровство там не просто били, но и убить могли.

Через десятилетия, за время которых были проведены бесчисленные «следственные эксперименты», старые стереотипы все еще были в употреблении, все еще являлись «мировоззрением». В изданной в 1966 году в Лондоне книге воспоминаний престарелый «душка Керенский» изрекал о Распутине: «Жизнь этого удивительного человека известна, и ограничусь лишь изложением основных фактов. В годы молодости Распутин, неграмотный крестьянин, отличался распутством (отсюда и его фамилия), пьянством и буйством. Как и отец, который промышлял конокрадством, он никогда не жил в достатке и не гнушался воровством».

По всей вероятности, создатель приснопамятной ЧСК даже не ознакомился с собранными по его же заданию этой Комиссией материалами, в которых ни один из процитированных тезисов не нашел подтверждения. Ну зачем же что-то там читать, всем же все «известно»! Что на самом деле было «известно всем» красноречиво демонстрируют вышеприведенные строки. Подобного рода блеф благополучно пережил инспираторов и красуется на страницах и современных сочинений.

Узловым в биографии Григория Распутина представляется сюжет о его духовно-нравственном преображении, о превращении простого крестьянина в ревностного христианина, которому открылся мир Божественной Благодати. Процесс преображения был длительным. Сам он упоминал, что эту дорогу из мира суетного в мир христианский он открыл в свои 28 лет. Дочь считала, что на отца сильно подействовал известный в их местах странник, уроженец деревни Кулиги Дмитрий Иванович Печеркин, ставший позже монахом на Афоне.

Так или иначе, но перелом начал происходить после паломничества в известнейший в Западной Сибири Верхотурский Никольский монастырь, расположенный в верховьях реки Туры, примерно в 500 верстах от Покровского. Там находились мощи высокочтимого в народе святого праведника Симеона

Верхотурского, почившего еще в середине XVII века. В этой обители Распутин провел много времени, молитвой и жесточайшим постом добился главного: «узрел свет Истины». Молитвенное подвижничество помогло излечиться от физической немощи: все болезни его прошли. Позже Распутин скажет: «Симеон праведный Верхотурский дал силы познать путь Истины и уврачевал болезнь бессонницы».

Паломничество на богомолье способствовало перерождению Григория, и очевидцы отмечали разительную перемену. «Спустя несколько недель после ухода Распутина в Верхотурье, я со своей матерью поехал в Тюмень, — свидетельствовал односельчанин, — и дорогой встретил возвращавшегося из Верхотурья Распутина, причем на этот раз он мне показался человеком ненормальным. Возвращался тогда он домой без шапки, с распущенными волосами и дорогой все время что-то пел и размахивал руками».

Удивлялись и другие. «На меня в то время Распутин произвел впечатление человека ненормального: стоя в церкви, он дико осматривался по сторонам, очень часто начинал петь неистовым голосом», — позже вспоминал другой житель Покровского.

Распутин бросил пить, курить, есть мясо, стал истязать себя жесточайшими постами, часами исступленно, «до пота», молился. Затем начались его паломничества по Святым местам. За свою жизнь он посетил множество обителей в России, бывал на Афоне и в Иерусалиме.

Его рассказы о святынях Христианства — ярки и эмоциональны, они передают ощущения простой православной души, сподобившейся обрести паломническое счастье. Эти впечатления слышали его почитатели.

От Киево-Печерской лавры. «Я прибыл в Святую Лавру из Питера и назову светом Питер, но свет этот гонитель мыслей на суетный мир, а в Лавре свет светит тишины. Когда опускают Матерь Божию и пение раздается “Под Твою милость прибегаем”, то замирает душа и от юности вспомнишь свою суету сует и пойдешь в пещеры и видишь простоту: нет ни злата, ни сребра, дышит одна тишина и почивают угодники Божии в простоте без серебряных рак, только простые гробики. И помянешь свое излишество, которое гнет и гнет, и ведет в скуку».

От Софии Константинопольской. «Что могу сказать своим маленьким человеческим умом про великий чудный Софийской собор, первый во всем свете. Как облако на горе, так и Софийский Собор, первый во всем свете. Как облако на горе, так и Софийский храм. О горе! Как Господь гневается на нашу гордость, что передал святыню нечестивым туркам и допустил Свой Лик на посмешище и поругание. Господи, услыши и возврати, пусть храм

будет ковчегом! По преданию говорится, что именно из-за гордости был отнят храм у Православных, ибо не признавали сего ковчега. Имели дом гуляния и роскоши. Господь смилуется и вернет ее с похвалой, почувствуем и покаемся».

От Иерусалима. «Что реку о такой минуте когда подходил ко Гробу Христа! Так я чувствовал, что Гроб — гроб любви и такое чувство в себе имел, что готов всех обласкать и такая любовь к людям, что все люди кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у Гроба видишь духовным сердцем всех людей своих любящих и они дома чувствуют себя отрадно».

Духовный авторитет Распутина рос год от года. Вокруг него в Покровском постепенно сложился небольшой кружок единомышленников из числа друзей и родственников. Они собирались, читали молитвы, пели псалмы и религиозные песни. К моменту появления в Петербурге он уже хорошо знал Священное Писание и мог часами вести беседы на духовные темы.

Само странничество и молитвенное усердие требовали огромного напряжения сил, полного подчинения мирской жизни духовным устремлениям. Казалось, что избрать такую стезю уместней всего, приняв монашество. Однако монахом он не стал. Есть указания на то, что образ жизни монашествующих не казался ему единственно возможным. Бывая в разных обителям, он насмотрелся на нежелательные стороны жизни келейников, она не казалась ему заведомо благочестивой.

И Распутин остался среди обычных людей. Его стали величать «странником», но чаще «старцем». Старец находился вне церковной иерархии и поэтому обозначение его «монахом» совершенно лишено основания. Правда, для иностранных авторов можно сделать снисходительное исключение. Скажем, в английском языке просто нет адекватного синтаксического понятия, по этой причине в англоязычной литературе Распутин и именуется «монахом».

В России же старчество имело давнюю и очень глубокую традицию. Оно являлось православной формой выражения вероприданности и распространилось на огромных просторах Европейской равнины, на Украине, на Урале и в Сибири.

Старец не был ни священником, ни монахом, но пользовался высочайшим моральным авторитетом, так как считалось, что опытом своей жизни он постиг бесценные христианские добродетели.

Поиск высшей правды, стремление к абсолютной истине и Божьему свету были характерны для многих в России, вне зависимости от того, жили они в каменных палатах или в бедных

хижинах. Эта тяга была как бы тем магическим кристаллом, через призму которого смотрели на окружающее. Правильно же увидеть себя и мир, научиться истинному, богоугодному «жизнетворчеству» могли в первую очередь те, кто был «Божественной свечой на земле» — старцы. Так мыслила последняя Царица, так понимали высший смысл бытия и многие, многие другие.

О сути старчества прекрасно написал Федор Михайлович Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы». «Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь, через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь бродили, а себя не нашли. Изобретение это, то есть старчество, — не теоретическое, а выведено на Востоке из практики, в наше время уже тысячелетней. Обязанности к старцу не то, что обыкновенное послушание, всегда бывшее в наших русских монастырях. Тут признается вечная исповедь всех подвизающихся старцу и неразрушимая связь между связавшим и связанным».

Понять удивительный феномен Распутина трудно, если оторвать его от исторических общественных представлений о нравственной жизни. Православному часто требовался наставник, своего рода друг, советчик и поводырь, способный указать правильную дорогу в жизни. Народное сознание было в не меньшей степени сакрализировано, чем сознание правителей — Помазанников Божиих. Все ждали знамений, чудес и Божественных откровений, толкователями которых выступали «Божьи люди».

Вот почему, когда началась борьба с Распутиным, то очень много усилий было положено на то, чтобы доказать всем, но в первую очередь Венценосцам, что «пресловутый Гришка» — сектант, «хлыстовец», а потому его деятельность не может быть угодна Богу.

Упомянутый выше исторический контекст в любых сочинениях на темы прошлого просто необходим, иначе получается пошлая модернизация. Многим авторам, не говоря уж о простых людях, свойственно смотреть на дела дней минувших со своей, сегодняшней «колокольни», которая часто и кажется в потоке времен особо значимой, некой сияющей «вершиной мироздания». Далекое кажется часто непонятным, «темным», а по

расхожим представлениям, и неважным. Такое самодовольство потомков по отношению к своим предшественникам порождает пренебрежение. Между тем, если люди все-таки хотят понять, «почему и как раньше было», то надо обязательно пытаться осмыслить минувшую жизнь в подлинных обстоятельствах времени и места.

А они в монархической России были таковы, что исключали сколько-нибудь восторженное отношению по отношению к материальному. Общественное уважение и авторитет можно было заслужить разными путями, но только не умением «делать деньги». Немалому числу современных людей, взращенных в прагматической и атеистической среде, в системе фетишизации бытового и карьерного успеха, трудно вообразить, что некогда было совсем иначе. Однако это именно так.

Обеспеченных людей в России имелось немало, были и фантастически состоятельные люди, некоторые из которых богатством своим кичились. Но стать благодаря этому «героем времени», или даже «героем дня», привлечь к себе восторженное внимание толпы тугим кошельком было невозможно.

Ни одному журналисту или владельцу газеты, даже если она и финансировалась «акулами капитализма», и в голову не могло прийти открыть рубрику «Как я стал миллионером», где с трепетным почитанием воспевать коммерческие успехи кого-то или чего-то. Такая газета вмиг превратилась бы в объект сатирического шельмования, неминуемо потеряла бы читателей и дни ее были бы быстро сочтены. Все, что касалось больших денег, считалось делом нечистым. Такова была русская, как сейчас говорят, «ментальность». Раньше употребляли более осмысленное понятие — «жизнепонимание».

Почитались «люди идеи», «страдальцы», в литературе воспевались «чистые души» униженных и оскорбленных. Эта «надземность» общественных представлений питала и христианское подвижничество, и фронтовую самоотверженность, но одновременно и революционную страстность.

Указанные черты национального сознания отмечены здесь не для того, чтобы умиляться, уж тем более не для того, чтобы бросать негодующие тирады по поводу минувшего. Просто существует опасение, что без обозначения этих «азбучных истин» современному человеку трудно представить, почему же Распутин становился популярным. Сначала в пределах своей деревни, затем волости, позже губернии, а в конце концов завоевал и столицу.

Поэт Николай Гумилев посвятил общественному триумфу сибирского крестьянина строки своего стихотворения «Мужик».

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает Царицу
Необозримой Руси.
Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.

Известность Распутина базировалась на нескольких «умениях»: врачевании, предсказании и, главное — на его способности объяснять явления и проблемы жизни, дать совет, как найти праведную дорогу в череде мирской суеты. Никакие разговоры о «конокрадстве», «хлыстовстве», «половых оргиях» не дают ответа на самый важный и самый первый вопрос: почему к нему тянулись люди? А к нему они действительно тянулись.

За более чем десять лет, вплоть до своего появления перед Царем в 1905 году, Распутин прошел огромную школу жизни и подвижничества. Достаточно представить на минуту: каких огромных сил и испытаний стоило паломничество. Он же отправлялся в далекие дали не в экипаже, не в железнодорожном экспрессе, не с чековой книжкой в нагрудном кармане. Денег не было, пропитания тоже, было одно лишь горячее желание найти путь к свету, к Истине.

Долгими неделями и месяцами идти пешком в любую погоду, терпеть холод и голод, преодолевать сотни и тысячи верст — только паломничество пешком из Покровского в Киево-Печерскую Лавру продолжалось почти шесть месяцев, за которые ему удалость преодолеть почти три тысячи верст! И достигнув цели, у алтаря, в христианской святыне обрести радость и новые силы.

Питался чем придется, что подадут, а порой и просто травой, а несколько раз чуть не пал жертвой «лихих людей», еле ноги унес. Это был подвиг смирения и самопожертвования, на который были способны лишь по настоящему верующие люди. Никаких выгод, а Распутину часто облыжно приписывали хитрую расчетливость, такие паломнические эскапады принести не могли.

Близкая знакомая последней Царицы Юлия («Лили») Ден, прожив много лет после революции в Англии, в книге своих воспоминаний пыталась объяснить английскому читателю духовную атмосферу России. «Если бы какой-то пилигрим решил совершить такое же путешествие из Эдинбурга в Лондон, его бы осудили за бродяжничество и, вероятнее всего, отправили в сумасшедший дом. Случаи такого рода в Англии — неслыханное явление, но в России подобное происходило сплошь и рядом. Мы

так привыкли ко всему необычному, что, полагаю, русский обыватель ничуть бы не удивился, если бы встретил на улице Архангела Гавриила!»

У Распутина, при всей его духовной ориентированности, оставались земные интересы: дом, жена, дети, заботы по хозяйству. Когда сын стал регулярно отправляться странствовать, отец не одобрял, бранил, но Григория это не останавливало. Отец смирился, тем более что постепенно в хозяйстве появлялись добровольные помощницы (мужчин в услужение не брали), за кров и стол помогавшие хозяевам.

Вполне возможно, что Распутин со своими способностями и молитвенным усердием так бы и остался в лучшем случае знаменитостью своего края, если бы Проведению было неугодно свести его с лицами, обитавшими на невероятной высоте.

Здесь необходимо сделать важное пояснение. Распутин сам специально никогда и никуда «не лез»; ему везде помогали многочисленные покровители и почитатели его природной естественности и необычных дарований. О том, как ему удавалось появляться в резиденциях высокопоставленных лиц, красочно рассказал сам Распутин.

«Выхожу из Александро-Невской Лавры, спрашиваю некоего епископа Духовной академии Сергия [8 — Речь идет о Сергии (Страгородском; 1867–1945), с 1943 года — Патриархе Московском и всея Руси.]. Полиция подошла, “какой ты есть епископу друг, Tbi*censored*raH, приятель”. По милости Божией пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников. Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу, епископ призвал меня, увидел и вот мы стали беседовать тогда».

Распутину на своем веку удалось очаровать и покорить души нескольких крупных церковных деятелей, имевших и глубокую веру, и кругозор, и разносторонние знания. Именно они выводили в свет этого человека, давая ему наилучшие аттестации.

С начала XX века в биографии Григория Распутина появляются уже определенные хронологические ориентиры, позволяющие систематизировать его путь наверх. Впервые в Петербург он приехал в 1903 году, уже успев к тому времени «покорить сердце» казанского епископа Хрисанфа (Щетковского), рекомендовавшего его ректору Петербургской духовной академии епископу Сергию (Страгородскому), который в свою очередь представил Распутина профессору, иеромонаху Вениамину и инспектору Академии (затем ректору), архимандриту Феофану (Быстрову). Последний был приветливым человеком, добрым

христианином, целиком занятым благочестивым служением.

В кругах церковных иерархов и учеников Академии Распутин вращался довольно долго, прошел здесь «свои университеты» и, обладая живым, цепким умом и прекрасной памятью, многое почерпнул от общения с ними. Уже к началу 1905 года Феофан испытывал глубокую симпатию к этому сибирскому мужику-проповеднику, увидев в нем носителя новой и истинной силы веры. «Старец Григорий» произвел сильное впечатление и на известного в начале века проповедника, имевшего огромный моральный авторитет в России, — Отца Иоанна Кронштадтского, благословившего его.

Духовник Великого князя Петра Николаевича и его жены Великой княгини Милицы Николаевны Феофан ввел «сибирского старца» в великокняжеские покои. Вокруг черногорских Принцесс — Милицы и ее сестры Анастасии (Станы) существовал небольшой кружок «искателей веры». Центром здесь была Милица, истово преданная поиску глубинного смысла в иррациональном, и даже, чтобы ознакомиться с сочинениями восточных мистиков, специально изучившая языки народов Востока.

От салона Милицы уже был всего лишь шаг до Царских чертогов. Встреча должна была состояться, и она — состоялась. Это произошло 1 ноября 1905 года в Петергофе. В дневнике Николая II заэтот день читаем: «Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божьим — Григорием из Тобольской губернии».

Царь и Царица находились в подавленном состоянии духа. Общее положение дел в стране было безрадостным. Несмотря на Манифест 17 Октября, провозгласивший введение в России политических свобод, умиротворения не наступило. Отовсюду шли сигналы о беспорядках и насилиях. В такой мрачной атмосфере и появился тот, кто утешил Их беседой, предсказав благоприятное и скорое завершение смут и волнений.

Никаких особых потрясений от первого общения Царь не испытал. Для него, как православного христианина, беседы с «Божьими людьми» давно являлись обычным делом, и некоторые встречи глубоко западали в душу. Например, пророчества юродивой Паши из Саровской пустыни (обители), предсказавшей ему при встрече в 1903 году и войну с Японией, и убийство дяди — Великого князя Сергея Александровича. Исполнялись и другие предсказания.

Черногорки выступали покровительницами Распутина, всячески расхваливая его способности перед Царем и Царицей. 9 декабря 1906 года Николай II записал: «Обедали Милица и Стана.

Весь вечер они рассказывали нам о Григории». Трудно сказать, чем поразил этот человек воображение черногорских Принцесс, но не исключено, что они действительно хотели использовать его как инструмент своего воздействия на Царя. Однако это утверждение, многократно уже повторенное, все-таки является не более чем предположением. Примерно до 1909 года сестры принимали в Распутине большое участие.

В 1907 году Великая княгиня Милица Николаевна даже совершила паломничество в Верхотурский монастырь и «инкогнито» посетила Распутина в Покровском. Эта был первый и последний визит родственницы Царя в дом Григория Распутина. Очарованная «простотой и искренностью», Милица даже подарила «провидцу из Сибири» несколько тысяч рублей, на которые был построен в Покровском большой и добротный дом для Распутинской семьи.

Распутин далеко не сразу стал для Царя и Царицы тем «дорогим Григорием», которому были открыты Их души. Они с радостью встречались и охотно слушали других носителей «высшей правды». «В 4 часа к нам пришел человек Божий Дмитрий из Козельска около Оптиной пустыни, — записал Николай II 14 января 1906 года. — Он принес образ, написанный согласно видению, которое он недавно имел. Разговаривали с ним около полтора часа».

С позиции рационалистического и циничного XX века может возникнуть недоуменный вопрос: что могло связывать правителя огромной державы и каких-то безграмотных странников и юродивых, с которыми Он и Жена разговаривали часами! Этот вопрос уместен лишь в том случае, если отнять у Николая и Александры право на душевную радость, тот праздник, который давало верующему прикосновение к «Божественному откровению». Поэтому и воспринимали Они этих внешне непрезентабельных людей совершенно иначе, чем те, для кого жизнь — это всего лишь «способ существования белковых тел».

Духовный опыт, поиск праведного жизненного пути, занимавшие и волновавшие Распутина, производили впечатление на все православные натуры. Он был далек от академического богословия, он нес людям трепетное восприятие простоты сердца, что было дорогого и ценимо. Как говорила А.А. Вырубовав своих показаниях ЧСК, он «проповедовал Слово Божие, постоянно говорил. Это было довольно интересно. Я даже записывала. Объяснял Святое Писание. Он все знал Святое Писание, Библию, все. Мне он много рассказывал про свои путешествия, массу, в Иерусалим. по всей России он ходил в веригах. По всей России в веригах пешком».

До конца 1907 года встречи Императорской Четы со «старцем Григорием» были случайными и довольно редкими. Вторая встреча произошла через много месяцев после первой, летом 1906 года, когда посетив усадьбу Анастасии Сергиевку, там «увидели Григория». Но радость от общения, как всегда в таких случаях, возникла. Вот, например, запись Николая Александровича от 19 июня 1907 года: «В 3 часа поехали с Алике в ее двуколке на Знаменку. Встретили Стану на террасе перед дворцом, вошли в него и имели радость увидеть Григория. Побеседовали около часа и вернулись к Себе».

Можно уверенно указать на время сближения Царской Четы и сибирского странника. Это произошло в октябре 1906 года, когда Распутин познакомился и с Царскими Детьми. Первоначально Николай II согласился ненадолго принять Григория, который собирался передать Венценосцам чудодейственный образ Симеона Верхотурского. Нежданно встреча затянулась, и Григорий впервые покорил повелителя державы своими откровениями и размышлениями. Венценосцы признали его необычность.

Через три дня после встречи Император рекомендовал премьер-министру П.А. Столыпину пригласить удивительного человека к больной дочери. Она получила тяжелую травму в результате покушения террористов на отца. «Петр Аркадьевич! На днях Я принимал крестьянина Тобольской губернии — Григория Распутина, который поднес Мне икону Св. Симеона Верхотурского. Он произвел на Ее Величество и на Меня замечательно сильное впечатление, так что вместо пяти минут разговор с ним длился более часа! Он в скором времени уезжает на родину. У него сильное желание повидать Вас и благословить Вашу больную дочь иконою. Очень надеюсь, что вы найдете минутку принять его на этой неделе. Адрес его следующий: СПб, 2-я Рождественская, 4. Живет у священника Ярослава Медведя [9 — Речь идет о настоятеле храма при Рождественской больнице в Петербурге.]».

Распутин вошел в Царский Дом и стал там желанным гостем. Началась историческая биография сибирского крестьянина.

Глава III. «Исчадие ада» выводят на арену

Предметом оживленных разговоров в светских и политических салонах Петербурга Распутин становится с конца 1909 года. 17 января 1910 года Великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Его Святейшество Владимир [10 — Речь идет о митрополите Московском и Коломенском Владимире (Богоявленском), ставшем в ноябре 1912 года митрополитом Петербургским и Ладожским.] пожелал говорить со мной. Епископ говорил о каком-то юродивом Григории, простом крестьянине, которого ввела к Императрице Александре Федоровне Милица и который, по-видимому, имеет большое влияние на окружение Царицы. Я был неприятно удивлен, что епископ коснулся предмета, нам совершенно чуждого и такого, в котором крайне трудно установить, где кончается правда и начинаются слухи».

Как человек преданный монархическому кодексу чести, как верный подданный Государя, Великий князь был удивлен и озадачен тем, что жизнь Царской Семьи становится темой пересудов. Неизвестно, что именно говорил Владыка Владимир; но ясно, что ничего определенного он сказать не мог. Сам он с Григорием не общался, судил с чужих слов, что Константин Константинович и отметил.

Другие члены Императорской Фамилии были куда более деятельными в добывании «сведений» о «тайной жизни Царского Села». Сестра Николая II Великая княгиня Ксения Александровна особенно старалась узнать «правду». Хотя она общалась с Братом и Его Женой, прекрасно знала Детей, уклад Царской Семейной жизни, но своим глазам не верила. Она могла задать вопрос, могла спросить. Но не спросила.

Она верила тем слухам, которые разносили по Петербургу усердные сплетники. И собранную «важную информацию» непременно приносила к своей матери — Императрице Марии Федоровне. Постепенно Императрица была соответственно настроена.

В мае 1911 года Константин Константинович описал в дневнике свой разговор в Аничковом дворце с Вдовствующей Императрицей Марией Федоровной. Она «сокрушалась, что продолжают таинственно принимать какого-то юродивого мужика Гришу, который наказывает Императрице Александре Федоровне и Детям соблюдать тайну и не говорить, что видели его.

Приучение Детей к такой секретности едва ли благодетельно. Столыпин как-то докладывал Государю, что этот Гриша — проходимец, но в ответ получил приказание не стеснять Гришу».

Здесь примечателен негативный настрой, характерный для умонастроения Императрицы Марии Федоровны. Слухи делали свое черное дело, и события обрисовывались совершенно в ином цвете. Столыпин действительно говорил с Государем о Распутине (об этом речь впереди), но «проходимцем» никогда не называл по той простой причине, что несколько лет назад Григорий молитвой облегчал страдания раненой дочери Столыпина.

Что касается «тайны», то Григорий Распутин членам Царской Семьи не «наказывал». Александру Федоровну вообще ни к чему нельзя было принудить. Именно Она, а не кто-то другой, просила Дочерей не рассказывать никому о Григории. Царица слишком хорошо знала придворный мир; тут любое слово сплошь и рядом переиначивали до неузнаваемости.

Слух о «приказе Распутина» распространяли некоторые недобросовестные придворные, в первую очередь фрейлина Двора (с 1905 года), а затем состоявшая при Великих Княжнах С.И. Тютчева. Сама она Распутина встретила лишь один раз в коридоре Александровского дворца, но и этого было достаточно, чтобы «воспылать» ненавистью к «грязному мужику». Она пыталась выведать подробности «общения» у княжон, но Те ей ничего не рассказали. Самолюбие амбиционной старой девы, считавшей себя полной хозяйкой в мире Царских Детей, было уязвлено смертельно.

Исповедовавшая «свободомыслие» внучка великого поэта Ф.И. Тютчева стала порочить не только Распутина, но и Александру Федоровну, которая якобы «неправильно воспитывает Детей». Когда мера терпения у Венценосцев иссякла, то в 1912 году ей показали на дверь. «Вылетев из Дворца», бывшая фрейлина неистово несколько лет инсинуировала, рассказывая о том, как «развратник Гришка» бывает «в спальнях» у княжон, «гладит» Их, лежащих уже в постели, и тому подобную злонамеренную ложь.

Сама она ничего этого не видела, но ее россказни многими принимались на веру: Тютчева ведь «очевидец»! Поверил им председатель Государственной Думы Родзянко, поверили и многие другие.

Приняла сплетни за правду и Великая княгиня Ксения. 25 января 1912 она занесла в дневник: «Говорили о Гермогене, Илиодоре, а главное, о Григории Распутине. Газетам запрещено писать о нем — а на днях в некоторых газетах снова появилось его имя, и эти номера были конфискованы. Все уже знают и говорят о нем, и ужас какие вещи про него рассказывают, т. е. про

Алике и все, что делается в Царском. Юсуповы приехали к чаю — все тот же разговор — ив Аничковом вечером и за обедом рассказывала все слышанное. Чем все это кончится? Ужас!»

Царские родственники и знакомые чуть ли не целый день обсуждали «ужас» Царского Села! Что же такого страшного происходило в Царском? Чему ужасалась Великая княгиня? Ведь она знала, что Распутин помогал преодолевать приступы болезни у Цесаревича. Об этом ей рассказала сестра Ольга Александровна и лично наблюдавшая, и слышавшая объяснения Александры Федоровны.

Да и сама Ксения имела возможность регулярно бывать в Царском Доме, а Александру Федоровну она знала почти два

десятка лет. Царица относилась к сестре Мужа с ровной симпатией и ни единожды не позволила выказываться критически на ее счет. А повод был вопиющий — Ксения Александровна завела себе возлюбленного, жившего месяцами в ее доме! И это на глазах прислуги, придворных, родственников, а главное — детей! Ксению эта связь совсем не шокировала. Мало того. Она была возмущена, что на их счет злословят. В дневнике 13 ноября 1911 года зафиксировала риторический вопрос: «Отчего же мы не можем иметь кого хотим?»

Дочь Царя (Александра III) и сестра Царя (Николая II) была убеждена, что не совершает ничего предосудительного, прогуливаясь в крымском имении Ай-Тодор в пеньюаре (!!!) со «своим другом» мистером Фэном [11 — В своем дневнике Ксения Александровна шифровала его латинской буквой F.]. А вот Царица «фраппирует [12 — От французского «frapper» — поражать, потрясать.] общество», ведя духовные беседы с крестьянином-христианином. Это — «скандал», это — «эпатаж», это — «ужас»! Она ведь — Царица! Но если Ксения признавала исключительное положение Александры Федоровны, то она должна была бы испытывать к Ней и особое отношение. Куда там!

Великая княгиня принимала живое участие в обсуждении и еще одной занятной светской темы: «живет» или «не живет» Александра Федоровна с «этим Гришкой».

Господи! Княгиня ведь рядом с Ней находилась, лично десятилетия знала Ее морально бескомпромиссную натуру, но судила о своей Золовке на уровне какого-нибудь Керенского.

Фактически Ксения допускала, что и ее Брат, уж Он-то с младенчества ей хорошо известен, что и Он способен общаться с каким-то «грязным» человеком, да и вообще позволять нечто предосудительное в Своем Доме!

Миропредставления Великой княгини — диагноз тяжелой, неизлечимой болезни высшего общества, предвосхищавшего его неминуемую гибель. Там, где господствует двойной стандарт, там отсутствуют всякие принципы. А это — нравственный распад, что такие люди, как Ксения Александровна, наглядно и являли.

Но если бы только Великая княгиня пала жертвой инсинуаций! Увы! Подобных персонажей в высшем обществе России было более чем достаточно, и их становилось, что называется, час от часу все больше и больше.

Распутинская тема постепенно выходит далеко за рамки сплетен о семейном времяпрепровождении Царской Семьи и все больше и больше приобретает политический характер. Именно в этот период враги монархической системы вообще и личные недоброжелатели Николая II в частности начали публично, как

страшилкой, размахивать этим именем. Как справедливо заметил лейб-медик Е.С. Боткин, «если бы не было Распутина, то противники Царской Семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь».

Настроение умов «просвещенной публики» было готово к восприятию любой антицарской клеветы, принятию самых невероятных суждений о Царе и Его близких. Как уже говорилось, истинное положение вещей, реальные факты и события мало кого интересовали. В тон общественных представлений попадало лишь то, что соответствовало двухмерной системе политических координат: все, что связано с властью, есть зло, все это — «темнота» и «разложение».

В то же время все и все, что этой власти противостоит, вызывало если и не умиление, то уж сочувственное снисхождение обязательно. Чтобы пояснить современному читателю, какие конкретные формы приобретало умопомешательство «передовых кругов общества», сошлемся лишь на один случай, далеко не самый известный, но чрезвычайно показательный.

Дело происходило в Москве в начале февраля 1905 года. На званом вечере во дворце князей Долгоруких собрались сливки московской аристократии и интеллигенции. Обсуждали текущие злободневные вопросы. Только недавно случились громкие эксцессы в Петербурге (так называемое Кровавое воскресенье), и собравшееся у Долгоруких общество бурлило и негодовало.

Радушные хозяева, братья князья Павел и Петр Дмитриевичи Долгорукие, представители высшей дворянской аристократии, «Рюриковичи», соперничавшие с самими Романовыми, были особо нетерпимы по отношению к Царю и «Его сатрапам». Собравшиеся единодушно требовали конституции, ратовали за «обуздание произвола», вынашивали план политических действий «всего общества». Если бы не накал страстей, то внешне все это походило бы на традиционные собрания родовой и интеллектуальной элиты, которые давно стали обычными и в Москве, и в Петербурге.

История не сохранила для потомков, в какой фазе приема: то ли до ужина и шампанского, то ли во время трапезы, то ли сразу же после нее, гостей начал веселить один «удачный перл». Он относился к происшествию, случившемуся накануне: в Кремле бомбой террориста убили дядю Царя, бывшего Московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича. Покойный слыл «реакционером» и, естественно, никакого сочувствия у собравшихся «прогрессивных деятелей» не вызывал. Конечно же, никому и в голову не пришло осудить злодеяние.

Внимание привлекло другое. Как передавали очевидцы, взрыв был такой силы, что «мракобеса» буквально разорвало на куски, которые потом долго собирали. Говорили, что голова Великого князя оказалась на крыше здания Сената! Это обстоятельство породило остроту, которая долго забавляла: «Пришлось, наконец, и Великому князю пораскинуть мозгами!»

Князья Долгорукие и их гости веселились от души. И кто тогда, в богатой гостиной, с бокалом французского шампанского в руке, в «эпоху безвременья», в «царстве самовластья», думал о том, что одобрением убийств политических противников они готовят и себе, и России жуткую участь. Никто не думал.

Все отечественные «либералы» и «свободолюбы» получили судьбу, сотворенную собственными руками. Кто-то был уничтожен в застенках, кто-то сгинул в лагерях, а некоторые, «удачливые», успевшие унести ноги от беспощадной «народной власти», влачили жалкое существование беженцев-изгоев. Не было уже больше «темной империи», «выродившейся династии», «реакционной политики». Вместе с «реакционным режимом» исчезли особняки, гувернантки, камердинеры, имения, вояжи в Биарриц и Баден-Баден, изысканные приемы и фамильное серебро. Вкус шампанского остался лишь сладостным воспоминанием давно ушедшей эпохи «освободительного движения».

Важно отметить исторически сущностный момент, помогающий понять причины цветения «Распутиниады»: господствующее в обществе настроение умов. Если уж убийство члена Династии вызывало кощунственное словоблудие, то нетрудно представить, какого характера «спичи» вылетали из уст «революционеров с хорошей генеалогией», не говоря уже о прочих «пламенных борцах» за счастье народное, по адресу живых «опор режима», в первую очередь самого Царя.

Распутин оказался в фокусе общественной борьбы, стал инструментом политических и фракционных интриг, удобным способом общественной саморекламы, публичного самоутверждения. При этом одни преследовали разрушительные цели, другие же, главным образом из кругов салонной столичной публики, ни о какой революции, естественно, не мечтали, но нанесением оскорблений Монарху старались удовлетворить мелкие личные амбиции.

В итоге и те (революционеры и ненавистники системы) и другие («сливки» чиновноаристократического общества) оказались сообщниками. Случай подобной поразительной «диффузии» столь разных социальных элементов не имеет аналогов в мировой истории.

Как уже отмечалось, в авторитарно-теократической системе, каковой и являлось русское Самодержавие до самого своего крушения, Монарх являлся фигурой исключительной. Царские порфиры отражали свет Небес, он был «Помазанником Божьим». Поэтому любое умаление престижа власти, тем более ореола небесного избранничества, неизбежно ослабляло власть, а в конечном итоге и всю государственную конструкцию.

Когда в нелегальных газетах, в подметных воззваниях и листовках называли Царя «глупым» или «кровавым», а Царицу «немецкой шпионкой», то эти обвинения мало кто слышал, да на них почти никто и внимания не обращал. Когда же нелицеприятные, а затем и просто оскорбительные отзывы и характеристики зазвучали от депутатов парламента, из уст высокопоставленных лиц до некоторых Царских родственников включительно, то они получали совершенно другой резонанс.

Скажем, публичные истерики по поводу «козней грязного Гришки», которые устраивал «камергер Высочайшего Двора» и председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, разрушали ореол власти, а следовательно, и сложившийся миропорядок куда сильнее, чем гневные разоблачительные статьи лидера большевиков Владимира Ульянова-Ленина на страницах нелегальных изданий.

Распутинская история раскрывает проявление предреволюционного общественного психоза во всей его «красе». Разговоры «о слабоволии Царя», о его «полном подчинении Царице», которая в свою очередь «закабалена Гришкой», действующим «в угоду врагов России», — все эти вердикты-эпитафии не о Царе говорили. Сам факт их распространения в чиновно-дворянской среде являлся красноречивым показателем той «эрозии монархизма», которая в конечном итоге и стала одной из первопричин крушения всей Самодержавной системы.

Распутин, которого Царь и Царица видели Другом Своего Дома, постепенно, помимо своей воли, становился политическим фактором. Его этим качеством наделяли светские «львы» и «львицы», как и клевреты партийных течений различного толка, записные борцы «за благо России» из стен Государственной Думы.

Революция 1905 года завершилась, страсти начали затихать, но сольные партии «спасителей отечества» так манили, некоторые с ними уже свыклись. «Лидерам общественности» находиться «в простое» было нестерпимо, политика «малых шагов» утомляла, требовался выигрышный антураж.

Тема о «тлетворных влияниях» его предоставляла.

Раздувание «распутинского чада» совпало по времени с охлаждением и разрывом близких отношений Царской Четы и

двух черногорских сестер — Великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны. «Черные женщины» не могли смириться с таким остракизмом. Монолитная и энергичная великокняжеская группа во главе с «доктором алхимии» (такой диплом имела «первая интеллектуалка» династии Милица Николаевна), развернула войну компромата против Царицы, исторгнувшей их из круга избранных, из числа «первых подруг».

Никаких компрометирующих «документов» у неистовых сестриц, «черных женщин», как их называла Александра Федоровна, в распоряжении не было. Они могли лишь «уронить замечание», «ненароком обмолвиться», «выразить удивление». Делали княгини это со знанием дела. Их салонные реплики, с недоуменным выражением лица и вздернутыми бровями, касались одной темы — «странного поведения Императрицы», общавшейся с каким-то «грязным мужиком». Ничего больше не говорили, своих личных «показаний» о встречах с этим «мужиком» не приводили, но и того хватало. В высшем свете любили и умели разгадывать «дворцовые головоломки».

Развитию интереса в столичном обществе к загадочной фигуре способствовала серия церковных и светских скандалов, которые оказались в фокусе внимания как раз в это время. За всем этим гурманы-знатоки «политической кухни» увидели некую «интригу темных сил». Фигура Распутина очень удачно вписывалась в этот живописный образ «закулисных влияний».

В начале 1912 года имя Распутина было впервые произнесено с трибуны Государственной Думы, еще раньше эту тему стали раскручивать некоторые газеты. «Тайные пружины в политике» — вечно живой сюжет журналистики. Это почти всегда сенсация, а для автора — это непременно громкое имя и повышенный гонорар. В этом отношении распутинский сюжет развивался в соответствии с традиционными приемами «охотников за сенсациями».

Внешность этого человека была достаточно колоритной, и любое его публичное появление уже само по себе привлекало внимание. Вот каким увидела его, например, одна молодая столичная дама. «Распутина я увидела сразу, по рассказам я имела представление о нем. Он был в белой вышитой рубашке, навыпуск. Темная борода, удлиненное лицо с глубоко сидящими серыми глазами. Они поразили меня. Они впиваются в Вас, как будто сразу до самого дна хотят прощупать, так настойчиво, проницательно смотрят, что даже как-то не по себе делается».

Портрет Распутина в изложении писательницы Н.А. Тэффи представлен более «художественно».

«Был он в черном *censored*ННОМ русском кафтане, в

высоких сапогах, беспокойно вертелся, ерзал на стуле, пересаживался, дергал плечом. Роста довольно высокого, сухой, жилистый, с жидкой бороденкой, с лицом худым, будто втянутым в длинно-длинный мясистый нос. Он шмыгал блестящими глазами, колючими, близко притиснутыми друг к другу глазами из-за нависших прядей масленых волос. Кажется, серые были у него глаза. Они так блестели, что цвет нельзя было разобрать. Беспокойные. Скажет что-нибудь и сейчас всех глазами обегает, каждого кольнет, что, мол, ты об этом думаешь, доволен ли, удивляешься ли на меня?»

Приведем еще портрет-зарисовку, оставленную французским послом в Петербурге Морисом Палеологом, встретившим Распутина в доме княгини Палей. «Темные, длинные и плохо расчесанные волосы; черная, густая борода; высокий лоб, широкий, выдающийся вперед нос, мускулистый рот. Но все выражение лица сосредоточено в глазах льняного-голубого цвета, блестящих, глубоких, странно притягательных. Взгляд одновременно пронзительный и ласкающий, наивный и лукавый, пристальный и далекий. Когда речь его оживляется, зрачки его как будто заряжаются магнетизмом».

При очевидных разночтениях в приведенных текстах одна черта его облика поражала всех: глаза, неизменно притягивающие внимание. Вот что в этой связи написал знаток сектантства, историк и этнограф, апосле 1917 года — известный деятель советского правительстваВ.Д. Бонч-Бруевич:

«Мое внимание прежде всего обратили его глаза: смотря сосредоточенно и прямо, глаза все время играли каким-то фосфорическим светом. Он все время точно прощупывал глазами слушателей, и иногда вдруг речь его замедлялась, он тянул слова, путался, как бы думая о чем-то другом, и вперялся неотступно в кого-либо, в упор, в глаза, смотря так несколько минут, и все почти нечленораздельно тянул слова. Потом вдруг спохватывался: “Что это я”, смущался и торопливо старался перевести разговор. Я заметил, что именно это упорное смотрение производило особенное впечатление на присутствующих, особенно на женщин, которые ужасно смущались этого взгляда, беспокоились и потом сами робко взглядывали на Распутина и иногда точно тянулись к нему еще поговорить, еще услышать, что он скажет».

В последние годы Монархии интерес к Распутину был огромный, что во многом объяснялось таинственно-скандальным ореолом, окружавшим этого человека. Оказавшись желанным гостем в шикарных столичных апартаментах, получив доступ к жизни, о которой он совсем еще недавно даже не подозревал,

сибирский проповедник какое-то время держался.

Общение с Царями пьянило крестьянскую натуру. Он стал мнить себя всемогущим, любил произвести впечатление рассказами о своем влиянии, и эти его застольные повествования (а во многих случаях россказни) передавались из уст в уста. Общественное мнение, осуждая Императрицу за ее веру в этого человека, само стало жертвой распутинского воздействия: безропотно принимая слово за дело.

Товарищ Министра внутренних дел С.П. Белецкий, близко наблюдавший Г.Е. Распутина, много раз встречавшийся с ним, отмечал такую характерную черту его, как «чувство какой-то болезненной чуткости в проявлении к нему знаков внимания со стороны того общества, в среде которого он находился, желание его быть все время центром общего к нему интереса».

Подобную особенность, проявившуюся в Распутине в последние два-три года жизни, подтверждают и другие источники. Вероятно он, как это бессчетное количество раз случалось и с другими, не смог до конца выдержать труднейшего испытание «медными трубами», т. е. славой, или точнее говоря, популярностью.

Из этого отнюдь не следует, что он нравственно «пал», превратился в того «пьяницу», «развратника» и «лицемера», в чем его непрестанно обвиняли. Однако рост самомнения подвергал серьезной угрозе моральный авторитет Распутина, а его тяга к светскому общению и шумным компаниям плохо корреспондировалась с обликом христианского поводыря.

Может быть, главная беда, но не вина Распутина состояла в том, что ему пришлось вращаться в такой среде, где «искренние чувства» и «откровенные слова» служили только ширмой, скрывавшей часто лишь эгоистические интересы и суетные устремления. Да и вообще, кто бы мог в водовороте мирской суеты сохранить первозданную чистоту своей души, кому бы удалось, живя среди людей, остаться во всем ревностным и непорочным хранителем высокого Завета? Существует лишь один случай подобного беспримерного подвига — Иисус Христос. Но это уже история совершенно иного порядка.

Хотя всегда было много разговоров о сторонниках и ставленниках Г.Е. Распутина, однако сколько-нибудь благожелательные высказывания о нем в мемуарах современников можно отыскать с большим трудом. В обществе существовали свои неписаные правила игры. Даже те, кто по той или иной причине искал благорасположения Царского Друга, вынуждены были скрывать эти свои «слабости», никогда не высказывать симпатий и иногда даже публично осуждать

поведение и роль «старца Григория».

Такое умолчание вызывалось опасением подвергнуться моральному террору общества, где возобладало однозначное мнение о том, что любые связи с этим человеком безнравственны и даже преступны. Этот «кодекс поведения» продолжал действовать и в эмиграции. Даже А.А. Вырубова — одна из самых преданных почитательниц «старца Григория», написав воспоминания, не нашла в себе силы подробно изложить потомкам историю своих с ним отношений, причины пиететного отношения к нему. Эту духовную тайну распутинская «другиня Анна» унесла с собой в могилу.

Никаких скандальных эскапад в годы первых визитов в Петербург за Распутиным зафиксировано не было. Вел себя скромно, благочестиво, чем располагал к себе немалое число людей, желающих «найти истинный смысл жизни и настоящую дорогу в ней». Знавший его тогда полковник Д.Н. Ломан позже рассказывал:

«Познакомившись с Распутиным, стал его посещать с женою, а равно и он бывал у меня, но встречи наши не были часты. В то время Распутин вел себя безукоризненно, не позволял себе ни пьянства, ни особого оригинальничинья. Распутин произвел на меня очень хорошее впечатление. Подобно доктору, ставящему диагноз при болезни физической, Распутин умело подходил к людям, страдающим духовно, и сразу разгадывал, чего человек ищет, чем он волнуется. Простота в обращении и ласковость, которую он проявлял к собеседникам, вносили успокоение».

Часто приезжая в Петербург, Г.Е. Распутин долго не имел здесь своего постоянного пристанища. Ему охотно предоставляли кров почитатели, число которых, вопреки распространенным слухам, никогда не было особенно велико. Вначале он неоднократно проживал у епископа Феофана. Много раз его охотно принимали в семье петербургского журналиста правой ориентации, кандидата прав Е.П. Сазонова, которого восхищало глубокое религиозное чувство сибирского мужика.

«Прислуга наша, — свидетельствовал Е.П. Сазонов, — когда Распутин, случалось, ночевал у нас или приезжал к нам на дачу, говорила, что Распутин по ночам не спит, а молится. Когда мы жили в Харьковской губернии на даче, был такой случай, что дети видели его в лесу, погруженного в глубокую молитву. Это сообщение детишек заинтересовало нашу соседку-генеральшу, которая без отвращения не могла слышать имени Распутина. Она не поленилась пойти за ребятишками в лес, и действительно, хотя уже прошел час, увидела Распутина, погруженного в молитву».

Все вышеозначенное пресыщенное воображение совсем не воодушевляло. Ясное дело, что из молитвенного усердия и неброской повседневной жизни изготовить «скандалез» не было никакой возможности. Требовалась информация совсем иного характера. И если ее не было в наличии, то ее, не мудрствуя лукаво, изобретали. При этом ничем не рисковали. Кто же пойдет заступаться за какого-то мужика, доказывать, что его оболгали? Мужик он и есть мужик, поди разберись, где в его прошлом была правда, а где вымысел.

По мере роста известности вниманию публики предоставлялась «масса горячего материала», который просто обжигал. Другу Царской Семьи приписывали пьянство, воровство, принадлежность к религиозной секте, но особенно, уверенно и часто — половую разнузданность. Чад «леденящих кровь историй» о невероятных эротических похождениях Распутина и о немыслимых оргиях пьянил воображение многих и многих.

Некоторые из них якобы были публично оглашены самим «Гришкой-эротоманом». Много шуму наделал, например, рассказ, опубликованный в петербургских газетах журналистом И.Ф. Манасевичем-Мануйловым, поданный в форме доверительного признания:

«Будучи в Сибири, у меня было много поклонниц и среди этих поклонниц есть дамы, очень близкие ко Двору. Они приехали ко мне в Сибирь и хотели приблизиться к Богу… Приблизиться к Богу можно только самоунижением. И вот я тогда повел всех великосветских — в бриллиантах и дорогих платьях, — повел их всех в баню (их было 7 женщин), всех раздел и заставил меня мыть».

На обывателя, погрязшего в неприметных серых буднях, подобные красочные рассказы производили огромное впечатление: светские дамы «в бриллиантах и дорогих платьях», моющие в бане крестьянского мужика, — это видение настолько сильно подействовало на публику, что навсегда осталось в околораспутинской мифологии.

Никто из популяризаторов указанной истории, которая пересказана была с различными вариациями множество раз, не имел представления ни о крестьянской бане вообще, ни о, так сказать, «технологии помыва» в ней в частности. «Семь дам» в крестьянской бане просто не смогли бы проявить свою «преданность». Они даже и без «мехов и бриллиантов» там просто бы не поместились. Для такого одномоментного скопления почитательниц требовались совсем иные помещения, какие-нибудь римские термы или хотя бы номера столичных банных заведений.

Показательно же другое. Если верить описаниям, то почему-то столь любимым «банным развратом» Распутин занимался только в Покровском. Объяснить такую «географию» несложно. В столице какие-то недоверчивые могли начать проверять, устанавливать адрес заведения, время ит. д., и вся подоплека выяснилось бы очень быстро. То же, что происходило в Сибири, можно было подавать в любом освещении и обрамлении. Кто ж о том доподлинно знал?

Уверенно передавали и публиковали в газетах баснословные слухи о темном и даже «преступном» прошлом Распутина. Жизнь его в Покровском изображалась разгульной и разнузданной. Этот образ стал «хрестоматийным» и, хотя лишен какой-либо исторической достоверности, но благополучно дожил до наших дней.

Известный французский писатель русского происхождения Анри Труайя, уделивший в своем творчестве немало места русской тематике (книги о Лермонтове и Пушкине — выдающиеся произведения франкоязычной литературы), не обошел стороной и «Распутиниаду». Его перу принадлежит книга «Распутин», появившаяся в крупном парижском издательстве в 1996 году. В 1997 году она была издана на русском языке и в России.

Написанное рукой мастера, яркое повествование наполнено множеством «красочных картин» и «поразительных деталей» из жизни загадочного сибирского мужика-проповедника. Труайя уверенно бытописует те «христианские радения», которые якобы стал практиковать Григорий Распутин со своими последователями уже в молодые годы в «арендованном доме» в Покровском.

«Здесь читают Новый Завет, много говорят об испытаниях верующих, ищут очищения в молитвах. Затем вновь посвященные дают волю своей любви к ближнему, обмениваются поцелуями с «братьями» и «сестрами». Бывает, все вместе отправляются в баню. Там в жаре и пару мужчины и женщины вместе приступают к очистительному омовению. Хлещут друг друга вениками, чтобы разогреть кровь, как это принято в русской бане. Утоляют страсть кто с кем на мокром полу, не уставая восхвалять Бога за удовольствие, которое он дарует своим ничтожным созданиям».

Приведенная панорама далеко не самая колоритная из тех, которые можно встретить на страницах произведений. Немыслимо далекая загадочная Сибирь, дремучие леса, дичь и глушь, а посреди этой первозданной темноты и варварства голый бородатый сладострастный мужик в окружении голых женских тел — подобные картины стали давно общим местом

«Распутиниады».

Но мэтрам пера и виртуозам кинокамеры из далеких стран в общем-то ничего изобретать не потребовалось. Задолго до расцвета Голливуда залихватские сказания о «банных» и прочих «оргиях» сочиняли и в России. В основе их лежали материалы «расследований», проводившихся как церковными и светскими властями, так и оборотистыми журналистами, видными общественными деятелями, «страдальцами за Россию», как из стен Таврического дворца, так и вне его.

Первое официальное расследование образа жизни, христианского благочестия и прошлого Распутина произошло в 1907 году и было инспирировано настоятелем церкви в Покровском Петром Остроумовым. Весной того года на сходе крестьян-прихожан Распутин предложил несколько тысяч рублей на новый храм.

Казалось бы, что священник должен был испытывать лишь признательность и поминать жертвователя с благодарностью в молитвах. Реакция же оказалась прямо противоположной. Он строчит донос церковному начальству в Тобольск, в котором обвиняет прихожанина своего прихода не больше не меньше как в ереси, в принадлежности к хлыстовству.

Секта хлыстов, или как тогда нередко говорили, «Хлыстунов», «хлыстоверов», была запрещена, и сектанты собирались нелегально. Приверженцы ее отрицали Церковь Иисуса Христа во всех ее частях, в том числе и священство. Они считали, что Христос «продолжал жить» и воплощаться в разных людях, и для «слияния с Ним» прибегали на богослужениях к самоистязаниям. Нередко, войдя в сомнамбулический экстаз, занимались коллективным совокуплением. Сам Распутин называл хлыстов «грязной сектой».

Почему же гнев сельского батюшки вызвало поведение человека, сделавшего такое богоугодное дело, как строительство храма? И зачем якобы раскольнику-хлысту понадобилось приносить пожертвования на православный храм, где молятся люди, не являвшиеся хлыстовскими «братьями» и «сестрами»? Такие вопросы почему-то не возникли.

Сведения о «раскольничьем гнезде» в Покровском вызвали быструю реакцию. В сентябре 1907 года Тобольская духовная консистория по распоряжению епископа Антония (Каржавина) [13 — Епископ (архиепископ) Тобольский и Сибирский (1897–1910).] заводит следственное дело, продолжавшееся восемь месяцев. Для установления истины в Покровское командируется священник из Тобольска Никодим Глуховский, наделенный широкими полномочиями проводить осмотры и дознания. Начал он с дома

Распутиных.

Согласно его отчету, «осмотром помещения, где проживает семейство Распутина-Нового, обнаружено: все комнаты увешаны иконами и картинами религиозного содержания, некоторые из них символического значения. по столам и стенам — масса карточек. На некоторых Распутин-Новый снят с Великими Князьями и другими светскими и духовными особами. Есть карточки, на которых он снят со своими странницами, Скаковой, например, приложенные к данному акту осмотра».

Общее заключение от «хлыстовской обители» было у посланца епископа Тобольского Антония самое нейтральное: «В верхнем этаже обстановка — городская, в нижнем — крестьянская, подозрительного ничего не найдено».

Итак, придирчивый глаз проверяющего ничего предосудительного в доме не обнаружил.

Фотографии, на которых Распутин снят с Великими князьями, о которых говорится в отчете, могли быть только фотографиями двух Великих князей, Петра и Николая Николаевичей, мужей Милицы и Анастасии Черногорских. Ни с кем другим из великокняжеской среды в тот момент Григорий не общался.

Кстати, при всем обилии опубликованных фотоматериалов о Распутине, данные изображения исчезли без следа, так что назвать личности Великих князей, а также «и других светских и духовных особ», запечатленных фотоаппаратом, можно лишь предположительно.

Посланец Консистории с пристрастием опросил односельчан и церковный притч. Ничего не только «крамольного», но даже и «подозрительного» установить не удалось. Все крестьяне говорили примерно одно и то же: Распутинская семья — обычная, христианская, в скандальных историях не замешана. Можно привести пример высказываний односельчан, таких как сосед Распутина крестьянин Михаил Зырянов, который «видел, что к Распутину Николай Распутин, Илья Арсенов, Николай Распопов. Слышал из дома обвиняемого церковное пение. Видел, что живущие у Распутина девицы ведут все его хозяйство, но не замечал, чтобы он ходил под ручку с приезжими женщинами и ласкал их».

Только показания двух приходских священников, Петра Остроумова и Федора Чемагина, звучали диссонансом в этом людском хоре.

Первый, тот самый, кто «сигнализировал» Владыке, заявил, что знает Распутина с 1897 года. За это время, как признавал священник, Григорий и его семейство «неопустительно исполняют долг исповеди и Святого Причастия». Далее свидетель

показал, что сам «слышал в доме Распутина духовные песнопения и молитвы православной церкви. Окружающие Распутина относятся к нему с почтением и уважением, а слышно, что некоторые из них называют его и “отцом Григорием”». Далее «страж правоверия» признал, что, «кроме обыкновенных посещений гостей, особенных молитвенных собраний у Распутина не бывает. В религиозном отношении его и весь его дом можно назвать примерным: строго соблюдаются посты, посещают храм и так далее».

Казалось бы, что после такого «резюме» все прочие разговоры и утверждения неуместны. Однако нет, надо было доказать, что он не зря «обеспокоил Его Высокопреосвященство». Поэтому, не имея прямых «улик», сельский священник сочиняет обвинительный пассаж, из которого явствует, что, несмотря на внешне вполне благопристойную жизнь, Распутин среди селян «пользуется репутацией непорядочного человека, как изменившего-де своей вере православной. Ставят в вину постоянное проживание в его доме женщин и непринужденное с ними обращение, а также смущаются и частыми его поездками».

Другой священник того же прихода, Федор Чемагин, знакомый с Распутиным с 1905 года, добавлял темных красок. Он тоже признавал, что «в религиозном отношении сам Распутин и весь его дом примерно ревностны», но тут же начинает уличать его в «неподобающем поведении». Как зафиксировал посланец консистории, «обвиняемый признался в частных разговорах свидетелю (Чемагину. — А.Б.) в своей слабости ласкать и целовать “барынешек” Сознался, что был вместе с ними в бане, что стоит в церкви рассеянно».

На вопрос церковного дознавателя, правда ли, что, как показал Федор Чемагин, Распутин ходил вместе с женщинами в баню, тот ответил, что это неправда и далее пояснил, что «он в баню ходил задолго до женщин, а сильно угоревши, лежал в предбаннике, откуда вышел действительно парной — незадолго до прихода туда женщин».

Отметим здесь два обвинения, которые бросили по адресу Распутина приходские священники и которые никто больше из прихожан, родственников и соседей не подтвердил: тягу его к «барынешкам» и хождение с ними в баню. Собственно, ничего, кроме каких-то смутных утверждений, обауказанных пастыря привести не смогли. Никто ничего больше не знал. А ведь дело происходило в деревне! Случись нечто подобное на самом деле, то быстро, что называется, весь околоток оказался бы «в курсе».

Здесь вполне уместно сделать пояснения, раскрывающие причину нелюбви местных священников к этому прихожанину.

Когда Распутин стал обретать известность, когда его имя становилось популярным, то, естественно, внимание односельчан этот «Ефимов Гришка» стал притягивать все больше и больше. После же того как стало известно, что он был в доме у Царя, а затем стали приезжать к нему и гости «из России» (первая такая пилигримка прибыла в 1905 году), то это оказало сильное воздействие на деревенское «общественное мнение».

За Распутиным многие признали необычные способности. К нему потянулись люди, стали расспрашивать о виденном, просить советов, обращаться за помощью. Он становился видной фигурой, местным авторитетом, и невольно перенимал ту роль, которую издавна играл сельский священник.

Если к этому добавить, что Распутин был невысокого мнения о «христианской доблести» штатных сельских духовных поводырей, высказывался о них порой критически («за бормотанием молитв души человеческой не разумеют»), то сразу же станет ясно, почему те так невзлюбили Распутина. Они начали чернить его, не гнушаясь при этом наветами. Извечные людские пороки — зависть и злость — делали из священнослужителей клеветников и интриганов. Указанные пастыри в этом ряду были первыми, но далеко не последними.

Свои размышления о священстве Распутин высказал определенно в том же 1907 году в своем «Житии опытного странника». «Трудно в миру приобрести спасение, наипаче в настоящее время. Все следят за тем, кто ищет спасения, как за каким-то разбойником, и все стремятся его осмеять. Храм есть прибежище и все тут утешение, а тут-то как духовенство вообще в настоящее время не духовной жизни, наипаче следят, кто ищет бисера и смотрят с каким-то удивлением, как будто пришли сделать святотатство. Но чего нам об этом печалиться? Ведь Сам Спаситель сказал: “Возьми крест и следуй за Мной”. Мы не к духовенству идем, а в храм Божий!»

Ничего «антиправославного» подобные взгляды не выражали. О том же, что священник может быть недостойным своего высокого пастырского сана, о том говорили еще Отцы Церкви. Сам Институт Священства — устроение Божие, но священники всех степеней далеко не всегда соответствовали своему духовному предназначению. Вся истории Христианства пестрит подобными примерами. Распутин тут ничего не открывал, и для того, чтобы увидеть недостойного священника, совершенно необязательно было ехать в Сибирь.

Он же ощутил вражду со стороны батюшек за дела, не достойные такого отношения. Когда он собрал денег на храм и вернулся в Покровское, то случилось для него неожиданное. «Я с

радостью поехал домой и обратился к священникам о постройке нового храма. Враг же как ненавистник добрых дел, еще не успел я доехать, всех соблазнил. Я им оказываю помощь в постройке храма, а они ищут меня в пагубной ереси обвинять и так чушь порют, даже нельзя высказать и на ум не придет. Вот сколь враг силен яму копать человеку и добрые дела в ничто ставить. Обвиняют меня как поборника самых низких и грязных сект.»

Батюшки лгали на Распутина, одержимые одним из самых страшных грехов — гордыней. То, что люди тянулись к Распутину, искали у него житейского совета, духовной помощи, «душеспасения», как он сам говорил, в том вина лежит именно на штатных пастырях, не сумевших стать настоящим (а не должностным) духовным авторитетом для прихожан. Важно особо отметить, что, высказывая замечания и даже критикуя отдельных представителей паствы, Распутин никогда не поставил под сомнение институт священства. Наоборот. Он постоянно говорил и говорил, что «священника надо чтить», что уже само по себе свидетельствует о том, что никакого отношения к «хлыстовству» он иметь не мог.

Дело о хлыстовстве развалилось, ни малейших подтверждений сектантства обнаружено не было. Однако Консистория, закрыв в мае 1908 года первое следствие, которое, по мнению тобольских церковных чиновников, «было проведено слишком формально, неполно и необстоятельно», решило провести новое «дознание». Человек, которого принималаЦарская Семья, которого в Царском Дворце слушали Венценосцы, вызывал жгучий интерес, пристальное внимание и зависть, зависть без конца.

Уместно особо подчеркнуть, что следствие Консистории 1907–1908 годов неустановило не только хлыстовства Распутина, но и никаких фактов воровства, пьянства или непозволительного обращения с женщинами. Эти «факты» появятся в обращении позднее.

Душа нового Тобольского епископа Евсевия (Гроздова) [14 — Епископ Тобольский и Сибирский (1910–1912).], который и близко не бывал у Монарших покоев, полыхала «разоблачительным огнем». Владыка распорядился предоставлять ему ежемесячные отчеты о «жизни и действиях» Григория Распутина. Такие рапорты покровские священники своему церковному повелителю регулярно и посылали.

В основном сообщали о том, куда и с кем поехал Распутин, кто к нему приезжал в гости, как себя вели гости и хозяин. Чтобы не утомлять читателя подробным изложением священнического рвения, отметим лишь, что никаких компрометирующих данных

на Распутина не только о «еретической прелести», но и об иных «порочных наклонностях» добыто не было. В этих донесениях нельзя не заметить «личной обиды», которую испытывал тот же Федор Чемагин оттого, что распутинские гости при приезде в Покровское, ему, священнику, визита не наносили.

Тобольскому церковному начальству надо было принимать какое-то решение. Новый епископ Тобольский и Сибирский Алексий (Молчанов) [15 — Епископ Тобольский и Сибирский (1912–1913). Ранее он был ректором Казанской духовной академии.], совершая объезд епархии, специально отправился в Покровское, где лично и встретился с Распутиным. Он провел с популярным крестьянином многочасовые беседы о вере, о его жизни и убедился, что циркулировавшие слухи и обвинения ни на чем не основаны.

По решению епископа, Консистория заключила, что «дело о принадлежности крестьянина Григория-Нового к секте хлыстов возбуждено в свое время без достаточных к тому оснований». Владыка подытоживал, что он считает подозреваемого «человеком очень умным, духовно настроенным, ищущим правды Христовой, могущим подавать при случае добрый совет тому, кто в нем нуждается». Исходя из этого, Консистория вынесла определение: «Дело о крестьянине слободы Покровской Григории Распутине-Новом дальнейшим производством прекратить и причислить оконченным».

Это определение в тот же день было утверждено преосвященным Алексием. Под документом стоит: 29 ноября 1912 года. Запомним эту дату. В тот период, когда дело о хлыстовстве и «аморальном поведении» Распутина в Тобольске было окончательно прекращено, в столице бушевал уже «разоблачительный смерч». Здесь к знакомым уже обвинениям в сектантстве и разврате прибавили и новые: пьянство и воровство.

Тенденциозно подобранные фрагменты из досье Тобольской консистории стали фигурировать в качестве «неоспоримых» аргументов и «бесспорных» доказательств. Самое же главное, что собиралось придирчивыми расследователями несколько лет и что никак не подтверждало двусмысленные намеки и облыжные обвинения, — все это попросту игнорировалось. Предположения и догадки обретали характер факта. Никакой «модальности» не было теперь и в помине; там где ранее стояло «якобы», теперь доминировал категорический императив.

Еще задолго до поры «буйства компромата», при первых следственных действиях церковных властей по поводу хлыстовства, весть о том дошла до Царской Семьи. Будучи благочестивыми православными, Царь и Царица придали этим

слухам большое значение. Как уже отмечалось, Александра Федоровна лично попросила своего духовника и тогда инспектора Петербургской духовной академии Феофана поехать в Сибирь и на месте узнать истину. Точная дата этого визита неизвестна, но есть основания считать, что он произошел летом 1908 года, когда Тобольская консистория затевала второй этап расследования.

Царский посланец ознакомился со всеми материалами (с Распутиным ему встречаться не надо было, он и до того его хорошо знал) и, вернувшись, сообщил высокопоставленным почитателям Григория, что «ничего порочного за ним не числится». Эта оценка лишний раз укрепила мнение Царицы о православности Их Друга, в чем Она и до того не сомневалась.

Все разоблачительные инвективы в той или иной степени, но непременно затрагивали вопрос об отношениях сибирского мужика с женским полом. С самых первых шагов зарождения и развития антираспутинской истерии эта тема почти непременно была если и не самой главной, то самой горячей уж наверняка. Как было видно из доносов покровских церковнослужителей, этот сюжет уже ими не был обойден. Еще в 1907 году двум сельским батюшкам показалось, что этот прихожанин слишком «вольно ведет себя с дамами» и даже «бывает ними в бане».

«Дамами» во всех донесениях назывались, конечно, не местные поселянки, а приезжие «из России». Таковые стали появляться в Покровском с конца 1905 года. С этого времени начинает формироваться тот кружок обожательниц, который будет сопровождать «отца Григория» до самой смерти.

Потом, когда уже кончится его земная жизнь и его Венценосный покровитель перестанет быть «владыкой полумира», эта «женская группа» вызовет пристальный интерес как у следователей ЧСК Временного правительства, так и у средств массовой информации. Далее, когда исчезнет и Временное правительство, и все его клевреты и начинания, тема не улетучится.

За дело примутся историки, романисты, драматурги и кинематографисты. Здесь уже вообще не будут ничего исследовать и расследовать, а чуть ли не всех почитательниц Распутина без колебаний будут зачислять в разряд его сожительниц. Этот «любовный список», в некоторых случаях насчитывающий многие сотни имен, будоражит воображение впечатлительных сочинителей и поныне.

Среди множества зафиксированных в этом «документе» фигур на первых местах указывают непременно трех: Ольгу Владимировну Лахтину (Лохтину), Хионию Михайловну Берладскую и Акилину Никитичну Лаптинскую (о некоторых

прочих «активистках» речь пойдет отдельно). Их Распутин по-свойски называл Лелей, Хоней, Килиной. (По обычной деревенской привычке прозвища от него получали многие его знакомые.)

Эти три особы бывали в Покровском, жили там порой по несколько недель и входили в число тех дам, с которыми, как утверждалось, «Распутин ходил в баню». Оставим в стороне банную историю и остановимся на личностях этих, так сказать, «главных фигурантов по делу о разврате». Их, как следовало из доносов священников, неистовый Распутин прилюдно во время прогулок по селу «поглаживал», «обнимал» и «целовал». Правда, кроме этих стражей морали в рясах, никто другой такого не наблюдал. Их же в 1907 году «настиг» в доме Распутина ревизор Консистории и всех троих опросил. Распутинские гостьи дали «показания», в которых рассказали, когда и почему они оказались в зоне распутинского тяготения.

Родившаяся в 1865 году дворянка из Казани Ольга Лахтина, вдова генерала, познакомилась с Григорием Распутиным в Петербурге в 1904 году через своего духовника, упоминавшегося уже не раз архимандрита Феофана. Он рекомендовал его как «человека Божия». К этому времени будущая страстная почитательница сибирского проповедника находилась на жизненном перепутье. Потеряв мужа и став вдовой в тридцать пять лет, она серьезно занемогла и потеряла интерес ко всему.

Давая показания следователю ЧСК в мае 1917 года, генеральша признавалась: «Он меня исцелил. У меня была неврастения кишок, я пять лет лежала в кровати. Я два раза ездила за границу, никто мне помочь не мог, была калека». Необычный человек по имени Григорий открыл ей второй раз «свет в жизни». Сорокалетняя Леля уверовала раз и навсегда в чудодейственные способности Распутина, стала его называть «отцом Григорием». В Покровское Лахтина приехала первый раз вместе с Распутиным в конце 1905 года, чтобы, как самаговорила, «узреть его жизнь по Богу».

Две другие преданные «клевретки» Распутина были значительно моложе генеральши. Хоня родилась в 1876 году, а Килина в 1877 году. У каждой из них была своя печальная ситуация, преодолеть которую и помог сибирский чародей.

Вдова поручика Берлацкая познакомилась с Распутиным в 1906 году в Петербурге. По ее словам, она находилась в тот момент «в ненормальном состоянии из-за самоубийства своего мужа, виновницей которого она считала себя». Душевные беседы с Распутиным успокоили молодую вдову, и она решила поехать в Покровское, чтобы «научиться жить». Атмосфера в доме

сибирского утешителя подействовала на Хоню благотворно. Проводивший опрос священник из консистории сообщал в Тобольск, что «свидетельница ничего странного не находит в привычке Григория Ефимовича приветствовать женщин лобзанием; оно — естественно и заимствовано от наших отцов».

У Килины имелась своя история. Сестра милосердия «крестьянская девица» Лаптинская познакомилась с Распутиным весной 1907 годау генеральши Лохтиной и сразу же была поражена «простотою обращения, добротою и любовью чистою к людям, которой она не встречала у других, а также знанием жизни». Осенью 1907 года она вместе с генеральшей поехала в Покровское, где и оказалась в числе опрашиваемых. Ничего предосудительного о Распутине и его семье сестра милосердия сообщить не могла. Рассказывала, что они днем помогали по хозяйству, а в свободное время «пели церковные песнопения и канты. Распутин читал им Евангелие, объясняя его».

Лаптинская со временем стала не только ближайшей сторонницей Распутина, но и самой непримиримой «к врагам и недоброжелателям отца Григория». Интересные зарисовки ее оставила в своих мемуарах подруга Царицы Лили Деи. Они примечательны тем, что госпожа Ден, хоть и много раз встречала Распутина, но никогда не принадлежала к числу его слепых адептов.

О пресловутой Лаптинской вспоминала: «Акилина изображала сестру милосердия, и многие ей верили. Она имела большое влияние на Распутина, и он, забыв об осторожности, сделал ряд имевших печальные последствия признаний Акилине, которая все услышанное использовала во вред Императорской Семье. Полагаю, что несмотря на ее козни и хитрости, Акилина все же была привязана к Григорию Ефимовичу и подчас ей было стыдно за свою предательскую роль». Далее Лили Ден сообщила, что в первые дни революции «альтэр эго» Распутина покинула Царское Село, а вскоре «мы узнали, что она живет в семье одного из самых главных революционеров».

Неясно, что имела в виду Ден, говоря о какой-то тайне Распутина, которую разгласила Лаптинская. И без откровений такого информатора в петербургском обществе столько всяких нелицеприятных для Царской Семьи утверждений циркулировало, что еще одно в балансе правды и лжи ничего бы существенно не изменило.

Еще более многозначительной представляется вторая обмолвка мемуаристки о том, что после революции Акилина стала служить в доме «одного из самых главных революционеров». Кто под этим определением скрывается,

непонятно, но если это случилось на самом деле, то уроки «христианского благочестия», которые давал ей ее кумир Распутин, для сестры милосердия прошли даром.

Многие из известных почитательниц Григория Распутина, в том числе и все вышепоименованные, несомненно принадлежали к типу невротических женщин, склонных к экзальтации. Однако из этого отнюдь не следует, что они готовы были не только поклоняться кумиру, без которого их жизнь бессмысленна и бледна, но и стать его наложницами. Во всяком случае, кроме каких-то туманных намеков на «банные оргии», никаких сколько-нибудь надежных свидетельств тут не существует.

Естественно, может возникнуть контраргумент, сводящийся к тому, что вообще-то сексуальные отношения между мужчиной и женщиной по большей части — это всегда тайна двух. А если речь идет о «групповом экстазе»? В таком случае, конечно, все участники входят в число посвященных.

Применительно к жизни Распутина в Покровском вообще нельзя говорить ни о каких «оргиях», для этого нет ни малейшего основания. Что же касается «традиционных сексуальных приемов», то и здесь никаких «свидетельств» нет и не было никогда, хотя на такие виртуальные «факты» без устали все время ссылаются разноименные «искатели правды». Да, миф завладел умами прочно и надолго!

Эти «свидетельства о разврате» появились в обращении в Петербурге вскоре после того, как стало окончательно ясно, что сибирский крестьянин стал Другом Царской Семьи. Никакой интимной подоплеки здесь не было и в помине, хотя бесстыжая молва приписывала Распутину чуть ли не роль хозяина Царского Дома, якобы бывавшего там в любое время «по своему усмотрению».

В действительности он появлялся лишь тогда, когда его вызывали, и большей частью в случаях заболевания Цесаревича Алексея. По этому поводу сохранились признания домашних служащих Царской Семьи, которые видели жизнь Монарха и Его близких изнутри. Эти ценные свидетельства до сих пор редко используются при описании жизни и судьбы Григория Распутина.

«Что касается Распутина, то Государыня верила в его праведность, в его душевные силы, что его молитва помогает. Вот только так Она к нему и относилась. Распутин вовсе не так часто бывал во Дворце, как об этом кричали. Его появление, кажется, объясняется болезнью Алексея Николаевича.

Сам я видел его один раз. Он был понят мною вот как: умный, хитрый, добрый мужик» (преподаватель английского языка, англичанин С.И. Гиббс).

«Я не видела никогда столь религиозного человека (как Императрица. — А.Б.). Она искренне верила, что молитвой можно достичь всего. Вот, как мне кажется, на этой почве и появился во дворце Распутин. Она верила, что молитвы его облегчают болезнь Алексея Николаевича. Вовсе он не так часто бывал во Дворце. Я сама лично, например, видела его только раз. Он шел тогда в детскую к Алексею Николаевичу, который тогда болел» (няня Царских Детей А.А. Теглева, прослужившая в Семье 17 лет).

«Я видела у нас Распутина раза два-три. Каждый раз я его видела около больного Алексея Николаевича. На этой почве он у нас и появился: Государыня считала его праведником и верила в силу его молитв» (няня Царских Детей Е.Н. Эрсберг, прослужившая в Семье 16 лет).

Камердинер Государя А.А. Волков свидетельствовал: «Распутина я за все время видел во Дворце сам два раза. Его принимали Государь и Государыня вместе. Он был у них минут 20 ив первый, и во второй раз. Я ни разу не видел, чтобы он даже чай у Них пил».

Но об истинном положении вещей мало кто был осведомлен, да оно и редко кого интересовало. Занимало же совсем другое.

В 1910 году в высшем обществе уже уверенно стали передавать друг другу сенсационную новость: в Царской Семье появился советник, родом из Сибири, какой-то мужик. Говорили, что раньше он был «конокрадом», а потом стал «сектантом-хлыстом», что он обладает даром провидца и врачевателя и что Императорская Чета часто призывает его к себе, чтобы слушать его «откровения» и «наставления».

Распутин становился «модной столичной штучкой». Хозяйка великосветского салона графиня Софья

Игнатьева немедленно разыскала этого загадочного мужика и несколько вечеров «потчевала» им гостей своего дома. Можно предположить, что именно ее имел в виду писатель и журналист Дон-Аминадо (Шполянский), сочинивший хлесткие стихи, обретшие большую популярность.

Была война, была Россия.
И был салон графини И.,
Где новоявленный Мессия
Хлебал французское Аи.
Как хорошо дурманит деготь
И нервы женские бодрит,
Скажите, можно вас потрогать? —
Хозяйка дома говорит.
Ну, что ж, — ответствует Григорий. —
Не жалко. Трогай, коли хошь.

А сам, поднявши очи горе,
Одними глазком косит на брошь.
Не любит? Любит? Не обманет?
Поймет? Оценит робкий жест?
Ее на груздь, на ситный тянет,
А он глазами брошку ест.
И даже бедному амуру
Глядеть неловко с потолка
На титулованную дуру,
На бороденку мужика.

Другая столичная гранд-дама, баронесса Варвара Икскуль фон Гильденбандт, тоже долго не могла успокоиться, пока не заполучила в свои апартаменты этого проповедника. Он очаровал ее. Баронесса, которая ранее считала себя приверженцей Льва Толстого, заимела новое «увлечение», а на ее письменном столе портрет яснополянского графа-писателя сменил портрет сибирского крестьянина.

О том, насколько был велик интерес к Распутину столичного общества, засвидетельствовала эссеистка и фельетонистка Тэффи (по мужу Н.А. Бучинская, урожденная Лохвицкая). На склоне лет в эмиграции в Париже некогда популярная писательница написала очерки воспоминаний о важных событиях и приметных людях, с которыми ей довелось встречаться. Среди них и Григорий Распутин, о котором она справедливо написала: «Человек этот был единственным, неповторимым, весь словно выдуманной, в легенде жил, в легенде умер и в памяти легендой облечется».

Очерк Тэффи содержит немало нюансов и подробностей, которые трудно отыскать у других мемуаристов. Автор признает, что ей совсем не хотелось этой встречи, она совсем ее не искала, хотя вокруг только и говорили о загадочном сибиряке. В некоторых домах, как отмечает Тэффи, она даже встречала транспаранты: «У нас о Распутине не говорят». Но все равно говорили.

Встреча состоялась в марте 1915 года по просьбе философа и писателя В.В. Розанова и журналиста А.А. Измайлова. Особенно настаивал Василий Розанов, который тогда был одержим разгадкой тайны «половых влечений». А кто же лучше Распутина мог ему помочь в этом. Но для получения «откровений» нужна была привлекательная приманка. И лучше Тэффи — видной и известной дамы — никого найти не сумели. Упросили, умолили. Причем непременно, чтобы оделась «пошикарнее». Она без всякой охоты пошла на «литературный обед», назначенный в доме издателя и биржевика А.Ф. Филиппова.

Тэффи прибыла полная предубеждений. Она один раз уже мельком видела Распутина, и хотя с ним не общалась лично, но и так «все знала». «Современную», «образованную», «талантливую» женщину, придерживающуюся «либеральных взглядов», не мог провести «какой-то мужик»! Она ни на что значительное не надеялась, но просто не могла отказать в просьбах «собратьям по перу».

Писательнице отвели место рядом с Григорием. Он заметил соседку, стал оказывать ей знаки внимания: задал два-три вопроса о ее личной жизни. И о себе кое-что рассказал. «Вот хочу поскорее к себе, в Тобольск. Молиться хочу. У меня в деревеньке-то хорошо молиться, и Бог там молитву слушает. А у вас здесь грех один. У вас молиться нельзя. Тяжело это, когда молиться нельзя. Ох, тяжело».

Ясное дело, что публика, собравшаяся за столом, совсем не то хотела слышать. Нужны были «пикантные подробности», требовались дела и слова совсем иного характера. Розанов, обеспокоенный ходом беседы, улучив минутку, отвел Надежду Александровну в сторону и давал наставления: «Вы его разговорите. С нами он так разговаривать не станет — он любит дам. Непременно затроньте эротические темы. Тут он будет интересен, тут надо его послушать».

Тэффи обещала. Но «эротической темы» все никак не получалось. Рядом сидевший Розанов зловеще суфлировал: «наводите его наэротику. спросите его про Вырубову, спросите про всех». Но «интересный разговор» никак не клеился. Распутин раздавал гостям листы со своими текстами, но «примечательного» собравшиеся там не усмотрели. «Набор слов», все о какой-то «отвлеченной любви».

Самой Тэффи Григорий оставил собственноручный автограф. «Надежде. Бог есть любовь. Ты люби. Бог простит. Григорий».

Публика изнемогала. Ничего скандального никак не «вытанцовывалось». Вечер был прерван неожиданно звонком из Царского. Распутин тотчас собрался и отбыл [16 — В дневнике Николая II встреч с Распутиным за март 1915 года не зафиксировано. Значит, если он и приезжал в Царское, то не к Венценосцам, а может быть, к Вырубовой, которая тогда все еще была недвижима и тяжело болела после железнодорожной аварии.]. Все. Хотя Распутин обещал вернуться, но Тэффи покинула «литературное застолье», тем более что был уже первый час ночи.

Писательница не хотела больше встречаться с Распутиным. Ничего «выдающегося». Но через несколько дней встретиться пришлось. По ее словам, ее «опять упросили». Все происходило

там же, за столом — те же. Она опять, как «лакомая приманка», — слева от Распутина. В этот раз «событий» было больше. Григорию щедро наливали любимую им мадеру, он даже якобы плясал русскую, тем более что музыканты были заблаговременно приглашены.

На той встрече прозвучали предсказания, пророческое значение которых Тэффи поняла много позднее.

Про Александру Федоровну: «Молиться надо заНее и за деточек. Плохо. плохо».

О себе: «Вот меня все убить хотят. Как на улицу выхожу, так и смотрю во все стороны. Не видать ли где рожи. Да. Хотят убить. Не понимают, дураки, кто я такой. Пусть сожгут. Одного не понимают: меня убьют, и России конец. Помни, умница: убьют Распутина — России конец. Вместе нас с ней и похоронят». Прошло время, случилось крушение, Тэффи от окружающего распада была на грани нервного срыва и тогда «вспомнила!».

Однако не только дамы света и столичные сплетники проявляли интерес к Распутину. Слухи о его влиянии в Царском Селе тут же породили целую толпу разных темных личностей, которые начали искать знакомства с ним, окружать и обвивать его.

Вся эта шумиха и слухи не прошли мимо внимания властей. В 1909 году Дворцовый комендант В.А. Дедюлин счел своим долгом сообщить начальнику петербургского охранного отделения генералу А.В. Герасимову, что у «Вырубовой появился мужик, по всей вероятности, переодетый революционер», который бывает там в присутствии Царя и Царицы. Довольно быстро удалось установить, что к революционной среде Распутин отношения не имеет и что у него уже в это время существовала известная духовная близость с Самодержцем.

Последнее обстоятельство стало беспокоить Министра внутренних дел и премьера П.А. Столыпина, поручившего в 1909 году товарищу Министра внутренних дел и шефу корпуса жандармов генералу П.Г. Курлову установить за Распутиным наблюдение. Когда весть о том дошла до Царя, то он распорядился прекратить полицейскую слежку. Произошло это в 1910 году.

Приказание было выполнено, но озабоченность ситуацией у премьера не прошла. Он не сомневался, что близость к Царской Семье человека, окруженного скандальным ореолом и толпой каких-то темных личностей, неизбежно станет поводом для дискредитации власти. Враги Трона и Династии получают еще один козырь в свои руки.

Петр Аркадьевич, который мельком видел когда-то этого

мужика, творившего молитву около постели его раненой дочери, решил ближе познакомиться с Распутиным. В начале 1910 года эта встреча в приемной премьер-министра и состоялась. Столыпин пригласил участвовать в ней и «мастера охранного дела» генерала П.Г. Курлова, который через много лет описал то незабываемое свидание.

«К министру подошел худощавый мужик с клинообразной темно-русой бородкой, с проницательными умными глазами. Он сел с П.А. Столыпиным около большого стола и начал доказывать, что напрасно его в чем-то подозревают, так как он самый смирный и безобидный человек. Министр молчал и только перед уходом Распутина сказал ему, что если его поведение не даст повода к иному к нему отношению, то он может быть спокоен, что полиция его не тронет. Вслед за тем я высказал Министру вынесенное мной впечатление: по моему мнению, Распутин представлял из себя тип русского хитрого мужика, что называется — себе на уме — ине показался мне шарлатаном. “А нам все-таки придется с ним повозиться”, - закончил П.А. Столыпин нашу беседу».

Несмотря на деликатный характер темы — Распутин являлся желанным гостем Царской Семьи, — Столыпин решил донести свои опасения до Монарха. «Сильный премьер» был не из числа тех сановников, кто во имя карьеры желал любой ценой добиться лишь благорасположения начальства.

Это была первая серьезная попытка «раскрыть глаза Государю» на нежелательность общения с этим человеком.

Объяснение произошло ранней весной 1911 года. В пересказе третьих лиц сцена выглядела следующим образом: Николай II выслушал все очень внимательно, поблагодарил и в конце заявил: «Я знаю и верю, Петр Аркадьевич, что Вы мне искренне преданы. Быть может, все, что Вы мне говорите, — правда. Но я прошу Вас никогда больше мне о Распутине не говорить. Я все равно сделать ничего не могу». Точная дата этой беседы неизвестна, но 4 июня, затри месяца до трагической гибели премьера, Царь записал: «После обеда имели радость видеть Григория по возвращении из Иерусалима и с Афона».

Состоялся ли этот разговор в действительности, происходил ли он таким образом, какие конкретные «компрометирующие» сведения сообщал премьер Царю; касались ли они личности Распутина, или речь шла лишь о морально-политической стороне дела — на все эти вопросы вряд ли удастся получить ответ. Однако общий контекст этого исторического эпизода, описанного тогдашним Министром финансов В.Н. Коковцовым, представляется исторически достоверным.

«Радость видеть» Император редко от общения с кем испытывал. И уж если этой эмоции нашлось место среди лапидарных и сухих ежедневных дневниковых записей, то надо думать, состояние духа у Него было действительно приподнятым. Как заметила А.А. Вырубова, Царь и Царица «верили ему, как отцу Иоанну Кроштадтскому, страшно ему верили; и когда у Них горе было, когда, например, Наследник был болен, обращались к нему». Распутин нес Венценосцам покой и надежду, но нахождение «Друга Григория» в Царском Селе давало предметный повод для выпадов и нападок.

В 1911 году обстановка вокруг Распутина начала приобретать очертания государственного скандала. Робкие уверения некоторых придворных, что общение Царя и Царицы с «этим мужиком» носит характер лишь «духовного общения», большинство публики не убеждало, да «такие глупости» и слушать не хотели. Для многих такая категория вообще не существовала.

Требовались более «материальные», «осязаемые» и «понимаемые» причины. Поставщики «достоверной информации» их вскоре и предоставили. Именно в 1911 получает распространение бесстыжая сплетня о сексуальной близости Царицы и Распутина.

Глава IV. Генерал с масонской отметиной

С самого начала появления Распутина на петербургском небосклоне многие не сомневались, что «старец» — лишь эмблема, только титул неких закулисных сил, намеревавшихся погубить Власть и Россию. Такая точка зрения быстро возобладала в тех кругах, которые было принято называть «лояльными». Как ранее отмечалось, именно из этой среды и вышли самые шумные и наиболее видные «борцы с тьмой», на самом деле оказавшиеся распространителями антигосударственной пропаганды.

Если поведение Гучкова и Родзянко еще можно как-то объяснить патологической политической близорукостью, изобразить «жертвами» собственного неуемного, даже безумного честолюбия, то в случае с генералом В.Ф. Джунковским (1865–1938) дело обстояло не совсем так. Существуют серьезные основания предполагать, что здесь имелся и вполне определенный, целенаправленный умысел, наличествовала вполне реальная цель — сокрушить государственную систему.

Царский генерал в роли ниспровергателя Царского режима?.. Возможно ли такое? Да, вполне. Подобных примеров более чем достаточно. В этой связи можно вспомнить имена не только офицеров на Сенатской площади в 1825 году («декабристы»), но и сослаться на значительно более поздние примеры.

Немалое число высших военных чинов Империи в последний период ее существования разделяли не только «скептическое» отношение к власти. В их среде были и «либералы», и даже «республиканцы», которые отреклись от клятвенной верности Царю, изменили присяге задолго до того, как Монарх сложил с себя властные прерогативы. И потом соответствующим образом себя и зарекомендовали. Служили на командных должностях кто в Красной армии, а кто в иных органах «славной рабочекрестьянской власти».

Имя генерала М.А. Зайончковского ранее уже упоминалось. Вот еще несколько громких имен, носивших ранее «царские вензеля на погонах», но служивших потом красным. Генерал-лейтенант, генерал от кавалерии, Главнокомандующий (с марта 1916 года) армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилов (1853–1926). ПомощникначальникаштабаВерховного главнокомандующего генерал от инфантерии В.Н. Клембовский (1860–1921). Выпускник Пажеского корпуса и военный Министр

Временного правительства генерал-майор А.И. Верховский (1886–1936). Генерал от инфантерии, военный Министр (10.09.1915—15.03.1916) и председатель Особого совещания по обороне государства А.А. Поливанов (1855–1920). Флигель-адъютант и генерал-майор Свиты Его Императорского ВеличестваП.А. Лечицкий (1856–1923). Генерал от инфантерии и военный Министр Царя (15.03.1916—03.01.1917) Д.С. Шуваев…

В числе таковых беспринципных «служак» оказался и бывший начальник Корпуса жандармов товарищ (заместитель) Министра внутренних дел флигель-адъютант и генерал-майор Владимир Федорович Джунковский, тесно сотрудничавший затем с ЧК-ГПУ-НКВД [17 — Интересные факты об этом приводятся в работах: Голицын С.М. Записки уцелевшего. М., 1990; Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.]. В 1915 году Императрица Александра Федоровна назвала Джунковского «нечестным человеком». Таковым он был и тогда, и остался потом.

Хотя его служба у коммунистов и не изобилует подробностями, но сам факт не подлежит сомнению. Именно он разработал для большевистского руководства «законодательство о паспортах», ставшее одной из форм политико-административного закабаления людей в коммунистической России.

Пресмыкательство перед «народной властью», впрочем, не позволило бывшему блестящему офицеру Преображенского полкаумереть в тишине и покое. В феврале 1938 года по решению «тройки» НКВД его расстреляли на Бутовском полигоне под Москвой.

Прожив более полувека из своих семидесяти трех лет при «ужасном царском режиме», Джунковский успел сделать изумительную карьеру, которой могли позавидовать самые удачливые баловни судьбы. Владимир Федорович окончил Пажеский корпус, затем служил в Лейб-гвардии Преображенском полку, ас 1891 года выполнял обязанности адъютанта при Московском генерал-губернаторе Великом князе Сергее Александровиче. Близость к дяде Царя, аккуратность, воспитанность и распорядительность сделали имя Джунковского известным при Дворе.

Это был по-светски безукоризненный господин, украшение балов и приемов, великолепный бальный кавалер, да и вообще образованный, с широким кругозором человек, живо интересовавшийся не только салонными новостями, но имевший неподдельную тягу к театру и литературе. Вся театрально-богемная Москва знала и уважала «милого Владимира Федоровича». Эта известность однажды спасла ему жизнь.

Когда в 1918 году большевики развернули красный террор, то среди прочих был схвачен и подлежал расстрелу и Джунковский. Однако до этого в тот раз дело не дошло. В Совнарком поступило письмо в защиту Джунковского, под которым стояли имена, не нуждавшиеся ни в каких рекомендациях: А.В. Нежданова, М.Н. Ермолова, О.Л. Книппер-Чехова, В.И. Немирович-Данченко. «Подписанты» умоляли отпустить Джунковского, который «был лояльным советской власти». Голос был услышан; Джунковского отпустили.

Государственная карьера Джунковского началась в 1905 году, после убийства Великого князя Сергея Александровича. В июле того года он получает пост Московского вице-губернатора, а в ноябре становится Московским губернатором. В 1908 году Джунковский получает звание генерал-майора. В 1905 году Царь делает его флигель-адъютантом, то есть включает в состав Императорской Свиты. В январе 1913 года сорокавосьмилетний генерал принимает должность товарища Министра внутренних дел и командира Корпуса жандармов.

Назначение на пост заместителя Министра внутренних дел потребовало от Джунковского переезда в Петербург, где он и обосновывается в начале 1913 года. С этого времени и начинается его борьба «с темными силами».

В своих обширных воспоминаниях, написанных уже после обвала 1917 года, Джунковский немало места уделяет Распутину и своей борьбе с ним. «До назначения моего товарищем Министра я никакого отношения до Распутина и его поведения не имел, но в душе у меня, благодаря доходившим до меня слухам, которые, к сожалению, оказались хотя и преувеличенными, но верными, составилось о Распутине совершенно определенное мнение, и относительно него у меня составилась такая же определенная тактика моего поведения без всяких компромиссов, если бы он решил когда-нибудь явиться ко мне».

Итак, слухи сформировали образ, и хотя они, «слухи», оказались «преувеличенными», но почему-то «верными». Что происходило на самом деле в душе Джунковского, мы уже никогда не узнаем.

Директор Департамента полиции С.П. Белецкий свидетельствовал, что Джунковский с самого начала своей петербургской карьеры относился к Распутину «резко отрицательно». Никогда лично с Григорием Распутиным не встречавшись, ничего доподлинно о нем не зная, генерал уже был «готов к битве». Наверное, Софи Тютчева «просветила», она много лет была его задушевной подругой.

Можно уверенно говорить о том, что этот генерал Царской

Свиты состоял в одной из масонских лож. Русская писательница и публицистка Нина Берберова, которой в эмиграции стали доступны закрытые архивы масонских лож, называет его в числе наиболее видных деятелей русских «вольных каменщиков» [18 — Берберова Н.Н. Люди и ложи. Харьков — Москва, 1997.]. Эту же точку зрения разделяют и многие другие. Сам этот факт полностью опровергает все заверения Джунковского о его «преданности Государю» и монархическому строю, которые он делал много раз. Подобный симбиоз «симпатий» просто был невозможен.

Неизвестно, получал ли Джунковский какие-либо «рекомендации» от своих «братьев» по тактике борьбы с «распутинской кликой», а проще говоря — с Царской властью, но не подлежит никакому сомнению, что его деятельность нанесла огромный вред престижу Монархии.

Стараниями генерала общественные деятели и столичная публика получили целый ворох «улик» и «фактов», которые при ближайшем рассмотрении — всего только фальшивки. Свитский генерал действительно являлся не только, как бы теперь сказали, «промоутером» увлекательного распутинского детектива, но и одним из создателей его «фабулы».

Понадобились многие годы, прежде чем «шедевры Джунковского» начали вызывать сначала скептическое, а затем и критическое отношение. В период же его «бескомпромиссной борьбы» в атмосфере общественного психоза о критическом восприятии таких поделок речи вообще не возникало. Все это воспринималось как «непреложные истины». Остановимся на двух главных «документах», до сих пор остающихся «краеугольными камнями» «Распутиниады».

Во-первых, это так называемые «полицейские донесения» о жизнедеятельности Распутина. Они охватывают несколько лет, и об их происхождении и характере подробно речь пойдет дальше. Второй документ относился к частному эпизоду жизни Распутина, но его воздействие на современников и всю последующую историографию оказалось просто каким-то демоническим. Речь идет о случае в ресторане 26 марта 1915 года. На этом «эпохальном событии» пока и остановимся.

Вечером того дня в известный московский ресторан «Яр» прибыла небольшая компания, которая сняла отдельный кабинет, заказала себе ужин и после некоторого времени отбыла восвояси. Об этом событии никто никогда бы не узнал, если бы не два обстоятельства. Первое — среди ужинавших в ресторане находился Григорий Распутин. Второе, еще более важное, — эту историю решил лично расследовать всесильный тогда шеф

Корпуса жандармов.

Здесь самое время пояснить один момент: в это время к Распутину были приставлены полицейские чины, которым вменялось в обязанность две функции: охранять подопечного и регулярно сообщать начальству о его встречах, поездках и вообще о его времяпрепровождении. Эта информация напрямую поступала к Джунковскому, и он ее внимательно анализировал. По прошествии нескольких недель после того ужина у шефа жандармов при чтении этих сводок «вдруг возникло» желание подробно разобраться в ресторанном событии.

Есть основания предполагать, что в этот период Джунковский готовил досье с компроматом на Друга Царской Семьи. С этой целью еще 11 апреля 1915 года полиция совершила налет на квартиру издателя и публициста А.Ф. Филиппова, входившего в число близких знакомых Григория Распутина. Эта акция была санкционирована командиром Корпуса жандармов, получившим «неофициальную информацию» о том, что у названного лица имеется дома грампластинка (!) с записью разговора Распутина о посещениях Царской Семьи. Полицейский налет результатов не принес, и вот тогда-то обескураженный Джунковский и решил разыграть «ресторанную карту».

Он потребовал от Московского градоначальника (шефа полиции) А.А. Адрианова сделать ему подробное донесение. Тот прибыл в Петроград и предстал перед заместителем Министра лично, так как, по словам Джунковского, ресторанную историю не решился «изложить письменно». Однако именно такое требование он и получил.

Прошло еще некоторое время, но донесения не поступало. Тогда Джунковский послал в Москву «особое лицо с письмом, с тем, чтобы градоначальник препроводил мне свой ответ с этим лицом». Подобное рвение просто восхитительно! В стране столько всего происходило, а глава жандармов обеспокоен лишь одним: получить подробности о поведении Распутина в ресторане через два месяца после события! Нераспорядительность подчиненных Джунковский объяснял тем, что все боялись «возбудить против себя неудовольствие этого проходимца и шарлатана».

В конце концов 27 мая шеф жандармов получил от Московского градоначальника… рапорт пристава 2-го участка Сущевской части подполковника Семенова, содержащий описание события. Этот рапорт, вопреки всем нормам делопроизводства, не имел даты, но такие мелочи обеспокоенного товарища Министра не смутили. Его интересовало лишь пикантное содержание.

«Его превосходительству Московскому градоначальнику. Рапорт. В ночь с 26 на 27 марта сего года в ресторан “Яр” приехал

Распутин в компании с Соедовым, Решетниковой и еще какой-то молодой женщиной и вызвали в ресторан Кугульского. Распутин приехал уже выпивши. Вся компания заняла отдельный кабинет, пригласили русский хор и заказали себе ужин. Распутин требовал, чтобы хор пел, заставлял плясать циничные танцы, сам плясал русскую, подсаживал к себе певиц и говорил с ними всякие двусмысленности, приглашал к себе на квартиру. Распутин позволял себе непочтительно упоминать имя Императрицы, говоря: «Воображаю, как на меня злилась бы, если бы увидела меня сейчас». Затем, показывая на свой кафтан, хвастал певицам, говоря, что кафтан ему шила Сама Императрица. Распутин вообще вел себя крайне цинично с самого начала, как только пришли певицы, он. (далее в тексте было зачеркнуто полторы строчки, что просто немыслимо в официальной бумаге. — А.Б.) говоря, что он всегда так знакомится с женщинами. За все платила бывшая с Распутиным молодая женщина, которую он заставлял платить и певицам. Распутин дал нескольким певицам записки, написанные им. В записках были различные изречения, например, «Люби бескорыстно» и т. д. Вся компания пробыла в кабинете около двух часов и уехала. Распутин всем объявлял, кто он такой. Подполковник Семенов».

Итак, заместитель главы самого мощного ведомства России получил вышеозначенный текст, оформленный с грубейшими нарушениями делопроизводства. Однако это Джунковского не возмутило. Его захватило содержание. На Распутина получена наконец-то «неопровержимая улика». Во-первых, теперь можно документально утверждать, что «Царев Друг» ведет разгульный образ жизни. Во-вторых, что самое главное, позволяет себе непочтительно и даже пренебрежительно отзываться о Высочайших Особах.

«Мастера полицейского сыска» не удивило, что в своем рапорте, описывая происшедшее, Семенов обязан был сослаться на показания конкретных лиц, на основании которых и восстанавливалась картина. Ведь не сам же подполковник пировал в кабинете с Распутиным, ему ведь кто-то об этом рассказал. Кто?

Однако в данном случае обычная технология составления донесения была непостижимым образом нарушена. Все это прошло мимо внимания Джунковского и нареканий с его стороны не вызвало, хотя в иных случаях он был щепетильным до невозможности. «Паркетный генерал» вышел на старт и устремился к намеченной цели — фабрикации компрометирующего досье. В этом он проявил массу усердия и

изобретательности, достойных лучшего применения. Если бы с такой же энергией боролись с подлинными врагами Империи…

Находясь на посту Московского губернатора ряд лет, шеф жандармов прекрасно был осведомлен о кадровом составе службы полицейского сыска и охраны в первопрестольной столице. Он знал, к кому надо обращаться. Перво-наперво он сразу же послал личный приказ начальнику Охранного отделения в Москве полковнику А.П. Мартынову, поручив тому, помимо градоначальника, подвергнуть «донесение о кутеже» дальнейшей разработке.

В отличие от градоначальника Адрианова полковник Мартынов оказался куда более покладистым и «тотчас исполнил данное ему поручение». В своих воспоминаниях Джунковский приводит обширный текст донесения Мартынова, из которого следует, что указанная компания во главе с Распутиным не только была пьяна, а главный герой заставлял исполнять «циничные танцы», ной в оскорбительном тоне отзывался о Царской Семье.

В этом донесении появились новые акценты и детали. Оказывается, «собутыльники» обсуждали важную коммерческую сделку, которую задумали журналисты Н.Н. Соедов и С.Л. Кугульский: получить от казны многомиллионный контракт на поставку белья для армии. Когда они изложили свой план Распутину в кабинете ресторана, тот пообещал проекту полную поддержку и «указывал на несомненное покровительство ему в этом деле, которое он рассчитывал встретить в лице высоких особ».

Небольшое отступление. Полковнику А.П. Мартынову удалось после революции эмигрировать, и там он написал воспоминания «Моя служба в Отдельном Корпусе жандармов», ныне изданные и у нас в стране [19 — См. «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004.]. Обо всей этой истории там нет ни звука, хотя о своих отношениях с Джунковским Мартынов написал подробно. Его восприятие Джунковского не просто критическое, но резко негативное. По его словам, «это был, в общем, если можно выразиться кратко, но выразительно, круглый и полированный дурень, но дурень чванливый, падкий на лесть и абсолютно бездарный человек».

Молчание Мартынова о Распутине не было случайным. По прошествии лет вся эта история выглядела бы совсем непристойно. Ведь Корпус жандармов должен был заниматься охраной политического порядка в стране, а не инспирацией угодных начальству бумаг. Трудно было не понимать, что «событие в Яре» никакого политического значения не имеет, а

потому Мартынов и промолчал.

Джунковский же считал совершенно иначе, но совсем не потому, что «не осознавал». Тут была далеко идущая цель. Кто ее сформулировал и обозначил, не имеет значения, но не подлежит сомнении, что она существовала: дискредитация Императора Николая II и Его Семьи. Начал он заниматься этим недостойным делом сразу же, как только обосновался в петербургских апартаментах.

Первая такая публичная демонстрация состоялась в мае 1913 года в Костроме, где проходили торжества по случаю Трехсотлетия Дома Романовых. В своих воспоминаниях В.Ф. Джунковский писал: «Эти два дня в Костроме никогда не изгладятся из моей памяти, я был счастлив, что Господь сподобил меня быть свидетелем этого ни с чем не сравнимого патриотического подъема в народе. Одно только, что оставило во мне осадок, — это присутствие Распутина».

Командир Корпуса жандармов ведал в Костроме охраной порядка. Почему же появление Григория Распутина так взволновало генерала и «оставило осадок»? Неужели возникала «угроза безопасности»? Конечно же нет. Никто без него и не узнал бы, что Распутин в числе многих и многих тысяч в те дни посетил Кострому и молился в храме. Достоянием публики этот факт сделал Джунковский. Именно он раструбил о пребывании Распутина в Костроме, уверяя всех и каждого, что это было сделано «по личному распоряжению Императрицы».

Дворцовый комендант В.Н. Воейков по этому поводу писал, что на него «такое вмешательство в личную жизнь Царской Четы произвело удручающее впечатление». По его словам, такие люди, как Джунковский, «вероятно», не понимали, «что их вредная болтовня вносит расстройство в неустойчивые умы». Да все они понимали. Это не какая-то «высшая математика», это же азбука монархизма.

Надо было действительно быть полным «дурнем», чтобы не осознавать, что раздувание антираспутинской кампании на руку лишь врагам Коронной Власти. Но Джунковский, при всей его очевидной нравственной ущербности, умственной отсталостью все-таки не страдал.

В 1915 году Джунковский уже одержим «идеей борьбы». «Факты» из донесения полковника Мартынова показались шефу жандармов столь «важными», что он счел необходимым «составить на основании их докладную записку и представить ее Государю, так как не высказать своему Монарху правду о Распутине я считал для себя нарушением присяги». Итак, правоверный подданный решил «исполнить свой долг» и

«раскрыть глаза» правителю при первой же возможности. Случай не заставил себя долго ждать.

В мае 1915 года в Москве произошли беспорядки, вызванные слухами о «немецком засилье» и принявшие форму погромов многих магазинов, контор и промышленных предприятий, которые якобы принадлежали немцам. Эти события очень обеспокоили Царя, и Он потребовал от Министерства внутренних дел немедленного их прекращения, проведения расследования и предоставления Ему полного отчета.

Эта миссия и была возложена на Джунковского, который на два дня выезжал в Москву для «личного ознакомления» с событиями на месте. Первое, что было сделано высоким ревизором из столицы для «наведения порядка и наказания виновных», — снятие с должности «несмышленого» градоначальника А.А. Адрианова, хотя его вина в «бездействии» во время погромных событий и не была очевидной.

Московские беспорядки генерал расследовал, одновременно ведя и параллельное дознание о мартовской пирушке в «Яре». Джунковский не сомневался, что одной из причин беспорядков, вызванных слухами о предательской деятельности русских немцев, являлось «наглое поведение Распутина, имевшее место в Москве еще так недавно», которое, по мнению «честного верноподданного», «бросило тень на Царскую Семью». Это просто абсурдное умозаключение бывший генерал не постеснялся включить в мемуары!

Упомянутая выше «тень» показалась «верноподданному» недостаточно выразительной, и вся его деятельность была направлена к тому, чтобы, во-первых, краски были гуще и мрачней, а во-вторых, чтобы об этой «ужасной истории» узнало как можно большее число людей.

… Вечером 1 июня 1915 года шеф Корпуса жандармов делал доклад Царю о расследовании причин беспорядков. В дневнике Николай II записал: «В 10 часов принял Джунковского по возвращении его из командировки в Москву по случаю беспорядков и погромов».

В тот вечер Царь услышал не только об этом. Дальнейшее известно лишь со слов Джунковского. По окончании официальной части, докладчик попросил у Монарха разрешения «высказать то, что давно меня как верноподданного волнует». Николай I «несколько изменился в лице» и сказал: «Пожалуйста, говорите». Прозвучал монолог Джунковского о времяпрепровождении Распутина, о его «кутежах», «пьяных дебошах», «связях с сомнительными личностями». Закончив обвинительную речь, заместитель Министра внутренних дел достал из портфеля свою

записку и передал ее Монарху. При этом он особо подчеркнул, что записка существует лишь «в единственном экземпляре».

Далее, если верить Джунковскому, а верить ему можно лишь с большой осторожностью, Николай II убрал сей документ в ящик письменного стола, сказав: «Благодарю вас». Перед расставанием Он якобы попросил подданного и в дальнейшем так же верно исполнять свой долг и все Ему сообщать «непосредственно».

Окрыленный успехом, генерал, что называется, выпорхнул из Царского кабинета и вернулся домой «в большом волнении». Закончив описание этого своего «патриотического» поступка, Джунковский резюмировал: «после этого в течение двух месяцев Государь не пускал к себе Распутина, а ко мне все время был более милостив, чем когда-либо, очевидно, моя записка произвела впечатление».

Произвела, несомненно, но не на Царя, а на столичную публику, к которой она попала с подачи Джунковского уже вскоре после приема у Венценосца. Однако только этим подлогом дело не ограничивается. Вся эта ресторанная история, в том виде, как ее изобразил генерал и каковой она стала достоянием публики и газет, вся она не просто тенденциозна, но и лжива.

Начнем с конца. Доклад состоялся 1 июня, а уже 9 июня Царь занес в дневник: «Вечером посидели с Григорием». Ясно, что разговор о «двух месяцах» отлучения Григория от Царского Дома не имеет под собой никаких оснований. Теперь, что называется, углубимся в существо вопроса и поговорим более подробно о пресловутом ресторанном кутеже.

Вначале о действующих лицах «веселой компании». Их, помимо Распутина, как помним, было четверо: двое упомянутых журналистов и две женщины: Решетникова и некая молодая незнакомка, «плативша за все», личность которой осведомителям Джунковского так установить и не удалось.

Никого из поименованных полиция почему-то не опросила. Никаких показаний ни от «певичек» из хора, «исполнявших циничные танцы», ни от официантов, ни от владельца заведения полиция не получила. Следы таких действий нигде в полицейских документах не отразились. А это уже, что называется, «полный нонсенс». Так русская полиция не работала, там было достаточно высоких профессионалов, но генерал Джунковский был не из числа таковых. Ему хватило и сплетен.

Теперь о Решетниковой. Звали ее Анисьей Ивановной, она была вдовой московского купца и ревностной христианкой. Именно в ее доме не раз останавливался Распутин, когда бывал проездом в Москве. Беспощадная молва зачисляла ее в разряд самых бесстыжих последователей «старца» и даже приписывала

ей «половую разнузданность». А «развратнице» к моменту указанного события было без малого почти 80 лет! (Решетникова родилась в 1837 году.) Постановщики «Распутиниады» врали без оглядки, без всякой видимости правдоподобности.

Обосновывая свое желание донести до Монарха «правду», Джунковский писал: «Все эти факты (!!! — А.Б.), собранные о Распутине, показались мне вполне достаточными, чтобы составить на основании них докладную записку и представить ее Государю». Какие «факты»? Рапорт пристава? Но там ведь не было ничего такого, что могло бы заставить обеспокоиться шефа жандармов. Была лишь обмолвка о том, что Распутин якобы «непочтительно упоминал имя Императрицы». Кто это слышал? Кто был свидетелем? О том — ни звука.

«Докладная записка» Джунковского не сохранилась, но ничего подлинного она не могла содержать, так как такового материала в распоряжении шефа жандармов попросту не имелось. Были слухи, сплетни, предположения, но ведь этого мало для того, чтобы обращаться к повелителю Империи. Это для таких нервных деятелей, как Родзянко, это для возбужденной публики — «пуля». Кто там будет разбирать, рассматривать, устанавливать, «факты» ведь.

Здесь уместно сделать еще одно отступление. Хотя «записка» Джунковского не найдена, но существует другой «умопомрачительный» документ, относящийся, очевидно, к началу 1914 года. Он носит название: «Официальная справка о Распутине» и был опубликован сравнительно недавно [20 — Официальная справка о Распутине // Русское прошлое. № 6, СПб., 1996.]. Публикаторы предположили, что авторство принадлежит директору Департамента полиции С.П. Белецкому. Однако есть основания считать, что тут «руку приложил» именно В.Ф. Джунковский, так как некоторые тезисы «справки» текстуально совпадают с пассажами из его мемуаров. Приведем лишь два фрагмента, ясно демонстрирующие, какой образ «лепили» Григорию Распутину люди, подобные Джунковскому.

«Многим (!!! — А.Б.) приходилось слышать, что в доме Распутина очень часто происходит какое-то сектантское моление (!!! — А.Б.), причем после пения и скакания (!!! — А.Б.) до неистовства, участвующие идут попарно спать, иногда же бывает общая свалка.» Это о жизни в Покровском. Теперь о Петербурге. «В то время, когда Распутин остается один, его довольно часто (!!! — А.Б.) можно встретить (!!! — А.Б.) пристающим на Невском проспекте к проституткам, откуда, взяв одну из них, он отправляется в бани или гостиницу».

И этот шизофренический, иначе и не назовешь, текст

назывался «официальной справкой». Хороши же были «официальные лица», составляющие подобные «документы», а потом преподносившие их как «факты» в своих мемуарах!

Однако вернемся в 1915 год, когда генерал Джунковский, выражаясь метафорически, «скакал до упаду», раскручивая «Распутиниаду».

«Эпохальный доклад» у Царя Джунковский имел 1 июня. Однако и после этого деятельность по сбору компрометирующих сведений о Распутине не прекратилась. Донесения к нему под грифом «Совершенно секретно. Лично» шли от Мартынова и после указанного числа.

Еще 31 мая 1915 года шеф жандармов отправил «смышленому полковнику» Мартынову телеграфный приказ: «подробно изложить» имевшую место 26 марта историю в ресторане «Яр» и «выяснить участие в этом кутеже всех лиц, окружавших Распутина».

Мартынов очень старался угодить. Высокий патрон в Петрограде оказал ему такое внимание, удостоил такой «чести»: лично составить и представить требуемую бумагу «государственной важности». 5 июня ответ был готов и на бланке Начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве за подписью Мартынова был препровожден в Петроград.

Надо думать, шеф жандармов был удовлетворен, «факты» носили куда более «сочный» характер, чем раньше. Подобного рода документы под грифом «Совершенно секретно. Лично» составлялись в одном экземпляре, и он сохранился в архиве. Изложение событий построено на пересказе рапорта подполковника Семенова, который был полностью воспроизведен выше. Однако «вариант № 2» во многом дает уже новую трактовку, рисует куда более неприглядную картину.

В «донесении» содержались некоторые туманные данные только о роде деятельности Соедова и Кугульского. Последний, как утверждал жандармский офицер, «дал известную денежную сумму на устройства кутежа». А как же «молодая дама», платившая «за все»? О ней больше речи не было, и, несмотря на «тщательную разработку», ее имя так и не установили. Это просто удивительно!

Теперь оказалось, что вся компания уже во время прихода в ресторан «была навеселе» (надо думать, что и старуха Решетникова тоже). Потом был приглашен хор, исполнивший несколько песен, а затем протанцевал (весь хор!) «матчиш» и «кэк-уок». Дальше — больше. Распутин, как утверждал Мартынов, «распоясался», начал откровенничать с певичками, затем

отозвался с пренебрежением о Царице.

Теперь же внимание: сейчас будет воспроизведен фрагмент, который потом будут репродуцировать множество раз как особо «смачный» эпизод всей «Распутиниады». Это безусловно ярчайший образец грязного мастерства пиартехнологов начала XX века. Сразу отметим, что ни о чем подобном в первом донесении вообще не упоминалось.

«Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он будто бы обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде: “люби бескорыстно”, - прочие наставления в памяти получивших их не сохранились. На замечание заведующей хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя перед женщинами, и продолжал сидеть в том же виде».

Сцена просто омерзительная! Правда, полковник предвосхитил описание эксгибиционистского акта стыдливым «будто бы», но в общем потоке деталей эта мелочь проходит мимо внимания читателя, а при многочисленных цитированиях обмолвка обычно вообще пропадает.

Отложим в сторону на время все документы и свидетельства и попробуем поразмышлять над описанным. Пьяный мужик в ресторане совершает гнусное непотребство, и, кроме робкого «замечания заведующей хором», ни у кого никакой протестной реакции так и не возникло. Ни у спутников Распутина, ни у состава танцующих и поющих хористок, ни у официантов.

А куда подевались агенты Охранного отделения, обязанные неотступно находиться при персоне Царева Друга? Еще 25 марта 1915 года Охранное отделение Москвы получило из Охранного отделения в Петрограде за подписью его начальника полковника К.И. Глобачева секретную телеграмму, гласившую: «25 марта курьерским № 1 поездом выехал в Москву Григорий Распутин кличка наблюдения “Темный” установить неотступно совершенно секретное наблюдение случае выезда сопровождайте». Куда агенты-то подевались? Они что, тоже впали в состояние оцепенения при виде сего «эротического ревю»? И почему они потом не представили отчета?

Вопросы, вопросы, вопросы без конца, а документальный ответ на каждый из них требует сложных, трудоемких изысканий. Инспираторы исторических фальшивок во все времена именно на это и рассчитывают. Лживая «сенсационная весть» прогремит на весь свет, сыграет свою роль в требуемый момент, а о каких-то

там поздних опровержениях узнают единицы. Так случилось и в данном случае. О выставленных напоказ в ресторане «распутинских гениталиях» можно прочесть в бессчетном множестве публикаций, а о лживости всей этой истории повествуют лишь отдельные авторы.

Надо отдать должное Джунковскому: сей шедевр усердия полицейского полковника — описание выставленных на всеобщее обозрение гениталий — он в свои мемуары не включил. Не рискнул. Уж слишком вульгарным все это выглядело. Генерал же был эстетом, меломаном, любителем «высокого искусства». Однако и оставлять без движения сей «сокрушительный материал» тоже сил не хватило.

Это «совершенно секретное и личное» донесение, составленное в «одном экземпляре», было тиражировано и пошло гулять по рукам. Толи «масонские братья» подсказали генералу такой «удачный ход» в деле формирования угодного общественного мнения, то ли «преданный Государю» товарищ Министра сам додумался. Того уж не узнать. Да и неважно это. Примечательно здесь другое: текст донесения очень скоро попал к Илиодору, который подробно, с новыми «красочными деталями», всю эту сцену и воспроизвел в своей книге «Святой черт».

Конечно, будучи достаточно хитрым и расчетливым человеком, Джунковский не мог не понимать, что для того, чтобы продолжить опасную для карьеры игру с компроматом, надо было соблюдать хотя бы видимость правдоподобности. Требовались «вещественные доказательства»; расторопный и услужливый полковник Мартынов скоро одно из «бесспорных» и предоставил.

Уже 7 июня 1915 года Джунковский получил новое послание от своего подопечного из Москвы. В нем говорилось: «В дополнение к донесению моему от 5-го июня сего года за № 291834, имею честь представить при сем Вашему Превосходительству одну из собственноручных записок Григория Распутина, из числа розданных им певичкам женского хора ресторана “Яр”, при посещении им этого увеселительного заведения 26-го марта сего года. Записка написана карандашом на обрывке листа писчей бумаги и крайне неразборчиво по малограмотности ее автора, но, по-видимому, читается так: “Твоя красота выше гор. Григорий”».

Не может не вызвать удивления, что начальнику Московского охранного отделения при всем старании удалось раздобыть лишь одну «улику», непонятно от кого полученную. Имя той «певички», которая якобы получила сей бесценный дар от Распутина, названо не было. Теперь о самом тексте. Указанный рапорт Мартынова,

как и конверт с вложенным тестом, дошли до наших дней. В силу малограмотности автора все распутинские письменные тексты нуждаются в своеобразном переводе на понятный язык. Не является исключением и данная записка.

Выглядит она следующим образом: на листе писчей бумаги нацарапано пять слов, из которых легко различить можно лишь одно: подпись «Григорий». Остальные четыре прочесть невозможно, их можно восстанавливать лишь по догадке. Если даже Мартынов и правильно «перевел» их, то и тогда ничего «криминального», «дискредитирующего» записка Распутина не содержала.

«Твоя красота выше гор» — что в этой аллегории вызывает подозрение? Ну, допустим, что Распутин действительно в ресторане увидел красивую девушку и дал ей такую записку. Здесь, конечно, на первый план выпячивается не сама эта безобидная писулька, а атмосфера распутинского «разгула», подлинность которого и удостоверяется «бесспорным доказательством».

В то время распутинских записок циркулировало довольно много. Он их писал, когда к нему обращались бесконечные просители; немало было и фальшивок изготовлено. Указанную выше записку можно квалифицировать как подлинную. Но признание этого факта тут же поднимает вопрос: писалась ли она в ресторане, или ретивые полицейские чины переслали в Петроград одну из тех, которые получали просители.

Ясное дело, что в том переводе, который дает Мартынов, записка могла быть адресована не просительнице, а некой красавице, пленившей воображение Распутина. Все бы так и выглядело, если бы не существовали и другие «переводы», которые при «визуальном анализе» представляются более адекватными. «Твое прошение вышли скорей. Григорий». При таком звучании становится понятно, что данная «улика» к делу о «разгуле в ресторане» не имеет никакого касательства.

Вся эта деятельность по инспирированию дела на Распутина, слухи и сплетни, которыми обрастала «ресторанная история», не прошли мимо внимания Царя и Царицы. Вскоре после получения «записки»

Джунковского Николай II поручил флигель-адъютанту Н.П. Саблину поехать в Москву и на месте выяснить подробности. Посланец миссию выполнил.

Уволенный градоначальник Адрианов показал, что «по проведенному им самим расследованию, Распутин не принимал участия ни в каких неприличиях и непристойностях в ресторане “Яр”. Перепуганные полицейские чины в один голос заявили, что

все «документы переданы генерал-майору Джунковскому». Естественно, что, выполняя волю Монарха, Саблин к этому должностному лицу и обратился.

В своих обширных мемуарах с удивительной скрупулезностью Джунковский восстанавливал события давно ушедшего времени, воссоздавал, часто с мельчайшими подробностями, нюансы своей служебной деятельности на различных постах, свои разговоры, речи других. Однако в этой летописи времени и хроники жизни он ни звука не проронил по поводу вышеуказанного события. Думается, что это не случайная забывчивость. Может быть, стыдно стало? Маловероятно. Скорее, «добросовестный мемуарист» не хотел вспоминать то глупое положение, в котором оказался: Саблину ему представить было нечего.

Свои воспоминания Джунковский писал при советской власти, и одно издательство даже намеревалось издать их в серии «Литературные памятники». Думается, что их уместней бы было печатать под иным грифом, например в серии «Шедевры диффамации», но таковой серии изобретено не было. А жаль! Данное сочинение могло бы по праву занять там достойное место.

Точно неизвестно, как подобное непристойное поведение генерала воспринял Николай II. Исходя из того, что Император всегда не любил лжецов, можно быть уверенным, что к Джунковскому Он потерял расположение.

Царица же вполне обоснованно нашла поведение Джунковского «подлым». Ее больше всего возмутило, что свитский генерал не только составил тенденциозно-клеветническую «записку», но и показывал ее разным лицам, хотя обещал Государю, что у него лишь «один экземпляр».

Сам же «преданный и верный» рассказывал своим друзьям и знакомым, как всегда «по секрету», что его борьба с «негодяем Распутиным» вызвала «ярость распутинской клики», которая «интригует против него», а Императрица «беснуется», устраивает Супругу «истерики», требует «его отставки». Одним словом, «честный патриот» и «преданный монархист» страдал за правое дело.

Но и здесь «верноподданный» беззастенчиво лгал. Царица, считая Джунковского врагом, никаких «истерик» не устраивала и никаких «требований» по поводу его отставки не выдвигала. Это не исследовательская версия, а исторический факт, который подтверждает. Сама Царица. В письме Супругу от 22 июня 1915 года Она писала:

«Он (Джунковский. — А.Б) нечестный человек, он показал Дмитрию (Великому князю. — А.Б.) эту гадкую, грязную бумагу».

Царицу возмущало, что генерал «перевирал» слова Царя, что он «Меня ненавидит». Это была сущая правда, и Александра Федоровна картину нарисовала точную.

Однако даже после признания столь недостойного поведения Она рекомендовала Супругу Самодержцу не «изгнать» ненавистника со службы, а провести с ним «серьезный разговор». «Если Джунковский с тобой (Царь находился в Ставке. — А.Б.), призови его к Себе, скажи ему, что Ты знаешь (не называя имен), что он показывал по городу эту бумагу и что Ты ему приказываешь разорвать ее и не сметь говорить о Григории. Так, как он это делает, он поступает как изменник, а не как верноподданный, который должен защищать Друга своего Государя, как это делается во всякой другой стране».

Чистая душа! Она думала, что какими-то «беседами» можно пробудить в таких людях, как Джунковский, чувство долга, которое те давно утеряли.

Документы не сохранили свидетельств того, имел ли Монарх объяснение со Своим подданным. Скорее всего, такой нравоучительной беседы не было. Николай II подобного рода занятий терпеть не мог, прекрасно понимая, что нельзя взрослых людей учить кодексу Монархизма. Долг ведь нельзя объяснить, его человек обязан чувствовать сердцем, это ведь фактически синоним понятия чести, а если у людей ее нет, то уже и не будет.

Стало бы вполне оправданным и заслуженным, если бы Царь с позором выгнал со службы этого «верноподданного» сразу же после доклада Саблина. Но Самодержец был слишком чистосердечным человеком, Ему были просто непредставимы темные глубины человеческой подлости. Это, так сказать, нравственная сторона дела.

Другая же состояла в том, что, выгнав одного, надо было призвать другого. А где его найти? Людей крепких монархических убеждений становилось все меньше и меньше. Эту горькую реальность Царь в полной мере осознавал. В результате Джунковский должности свои сохранял еще более двух месяцев. Он «вылетел со свистом» со своих постов лишь тогда, когда сомнений в его непристойном поведении у Царя уже не осталось никаких.

Потерпев поражение в глазах Императора, генерал одновременно обрел популярность в столичных салонах, его чествовали как героя. Особенно в этот период его славословила влиятельная клика, группировавшаяся вокруг Великого князя Николая Николаевича. Когда летом 1914 года началась Первая мировая война, этот двоюродный дядя Царя был назначен на пост Верховного Главнокомандующего, который он и занимал до

августа 1915 года. Затем его сменил Николай II.

Получив пост Главнокомандующего, Николай Николаевич вошел в «фавор», став по влиянию и значимости вторым человеком в Империи. Его верный неразлучный «альтэр эго» младший брат Петр Николаевич тоже вознесся. Но самое главное: получили огромное влияние их жены, те две «черные женщины», те урожденные черногорские Принцессы Милица и Анастасия (Стана), которые когда-то открыли Распутина, ввели его в Царский Дворец. Эти твердохарактерные дамы без труда и прочно подчинили своему влиянию своих великорослых, но довольно бесхребетных мужей.

Черногорки, как уже упоминалось, примерно с 1908 года находились в числе первых и самых непримиримых врагов Царицы и Распутина. Естественно, что на этой позиции «неколебимо» с того же времени стояли «Николаша» и «Петюша». Николай Николаевич, прекрасно зная, что Распутин бывает в Царском Доме, не стесняясь, публично называл того «мерзавцем», «проходимцем», «хлыстом».

Наверное, в силу своего кругозора он просто был не в состоянии понять, что такие оценки дискредитируют не столько Распутина, которого когда-то он сам чуть ли не боготворил, но в первую очередь Семью Монарха. Его же жена-интриганка «ненаглядная Стана» тоже могла мало что понять.

Но вот супруга «Петюши», Великая княгиня Милица Николаевна, при которой Стана исполняла лишь партию «второго голоса», понимала все значительно лучше. По сути дела, именно «глубокая интеллектуалка» Милица, «доктор алхимии»(!), и являлась мозговым центром всего этого «черного кружка». Грозный с виду Главнокомандующий Николай Николаевич озвучивал в обществе то, что подавала ему Стана с «кухни» Милицы.

Последнюю же просто сжигала ненависть к Царице, которая мало того что перестала слушать ее советы и даже отлучила их от Дома, но и «вредит» ее маленькой родине, любимой Черногории, настраивая «мягкотелого» Николая II против их отца-правителя. Оставим в стороне суть вопроса об отношениях России и Черногории, которой Царская Империя помогала чуть ли не двести лет. Ничего в этой политике не изменилось и при Последнем Самодержце. Интересен в данном случае не «изгиб мировоззрения» пресловутых «черных женщин», а тот факт, что Джунковский и его компромат оказались очень желанными в этой компании.

Черногорки принимали Джунковского, всегда были с ним любезны и «откровенны». Именно они поведали генералу

грустную историю своего знакомства, а затем «полного разрыва» с Григорием Распутиным. В изложении Джунковского это случилось потому, что Григорий Распутин «распоясался и стал поносить покойного отца Иоанна Кронштадтского, которого они почитали как святого». Это же надо такое сочинить! Нет нужды опровергать злонамеренную ложь. Григорий Распутин неизменно и всегда высоко чтил отца Иоанна.

Да и вообще он никого «не поносил». Распутину была неведома злобная непримиримость, приобретавшая у таких людей, как Джунковский, характер истерии. Как справедливо свидетельствовал перед ЧСК Министр внутренних дел А.Д. Протопопов, Григорий Распутин «зло не говорил про людей». Он мог «не любить» какого-то человека, но он не умел ненавидеть.

Свои «конфиденциальные сведения» шеф Корпуса жандармов регулярно поставлял ко Двору Николая Николаевича, которому некоторые салонные «пифии» предсказывали роль «спасителя Отечества». Нетрудно догадаться, что влиятельного «спасителя» окружала многочисленная пестрая толпа прихлебателей, приспешников, клевретов, которая и распространяла по всем краям и весям «взгляды» и «мысли» своего кумира. Хозяин же «николаевского Двора» испытывал к «поставщику низкопробного товара» в лице Джунковского, как прилюдно заявлял, «давнюю, искреннюю симпатию».

При наличии такой мощной защиты, как симпатия Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича, Джунковский чувствовал себя уверенно. После бесславного провала «ресторанной истории» он не только не прекратил сбор инсинуаций, но и продолжал «шить дело» на Распутина, надеясь таким путем в очередной раз опорочить Царя и Царицу.

Проиграв в глазах Царя, Джунковский выиграл во мнении многих, обретя ореол «честного борца» и «страдальца». Восторг публики воодушевлял на новые «подвиги». После окончания разработки «оргии в ресторане» с подачи Джунковского на свет появилась новая история: о «пьяном дебоше на пароходе».

Сюжет, как обычно, был незатейливый; богатством фантазии мастера черного пиара явно не отличались. Но он удачно вписывался в общий контекст разухабистого образа Григория Распутина, который к тому времени прочно запечатлевался в сознании публики «с хорошей генеалогией». Его подробно изложил в своих воспоминаниях будущий «советский служащий» В.Ф. Джунковский. Суть дела вкратце такова.

В начале августа 1915 года Джунковский получил донесение, что Распутин, проходивший в полицейских сводках под кличкой Темный, ехал на пароходе «Товар-пар» из Тюмени в Покровское.

Как нетрудно предположить, он был «пьян». На палубе он встретил группу солдат, которых «заставил петь песни». Затем он дал им денег, повел в ресторан, но туда их не пустили.

Тогда Темный устроил скандал, оскорблял присутствующих, а с ехавшим Тюменским купцом Михалевым чуть не вступил в драку. Потом он ушел к себе в каюту и там «свалился на пол и лежал на полу до самого села Покровского» и в таком виде «омочился».

Картина безотрадная. Какое мнение могло сложиться у любого мало-мальски пристойного человека при таком описании. Только отвращение. Надо полагать, на создание такого «общественного мнения» и рассчитывали инсинуатор Джунковский и некоторые его послушные подчиненные.

В основе этой тенденциозно изложенной истории лежали реальные факты. Во-первых, Распутин действительно ехал на пароходе; во-вторых, он действительно общался с солдатами и хотел их накормить за свой счет, но их не пустили в ресторан. Тогда он купил еду в буфете и передал ее солдатам, а после их трапезы они на самом деле вместе пели песни. И все. Остальные «детали» и «факты» — плод воображения полицейского чиновника.

Чтобы не утомлять описанием «подробностей» сего события и и его детальным опровержением, ограничимся лишь главным. Никакого «дебоша» не было и в помине, никакого купца Михалева обнаружить никому не удалось. И самое важное: Распутин «пьяным» не был.

Джунковский намеревался состряпать новую «записку», в которую включить все «имевшиеся в наличии факты», в число коих, помимо вышеуказанного, входили и другие, столь же «надежные»: о том, что Распутин якобы вел разговоры о необходимости заключения сепаратного мира, о том, что Распутин всем повествует о будущих, с его подачи, отставках и назначениях Министров, о том, что он рассказывает «в оскорбительном тоне» о встречах с «Августейшими Особами».

Эти «сведения» вызвали резонанс. В августе 1915 года глава Думы М.В. Родзянко даже обратился к Министерству юстиции с призывом «арестовать врага». На заседании Правительства 24 августа 1915 года это стало одной из тем обсуждения. При этом Министр юстиции А.А. Хвостов сообщил, что против Распутина «нет материала».

«Конфиденциальные данные», собранные Джунковским о событиях на пароходе от подчиненных, в первичной форме до нас не дошли, даже если таковые и существовали. Трудно сомневаться, как и в случае с ресторанной историей, что все

«тексты Джунковского» не более чем приготовление очередного «удачного хода» в борьбе с властью. Если бы компромат в «чистом виде» наличествовал, то уж можно не сомневаться, что его такие «верноподданные», как Джунковский, не только берегли бы «пуще глаза», но немедля сделали бы достоянием публики. Но не сберегли и не сделали. Из этого с несомненностью следует, что и беречь-то нечего было.

Напомним еще раз, что при Распутине неотлучно состояли два чина полиции, которые регулярно сообщали в Петербург-Петроград о каждом дне жизни Распутина. Казалось бы, что вот эти материалы и могли бы стать надежной основой для оценки жизни и морального облика Распутина. Наверное, оно так и было бы, если бы не одно «но»: подлинных донесений фактически нет. Существуют они лишь в «сводках» и «выдержках», и степень их соответствия оригиналу была известна лишь узкому кругу лиц, куда входил и «активист масонского движения» Джунковский.

О том, куда подевались истинные донесения полицейских агентов и что осталось в наличии, речь пойдет отдельно. Пока же вернемся к «пароходной истории» и предположим на минуту, что все, что написал Джунковский, соответствует истине. Помимо отрицательных эмоций, негодующих ахов и охов, один вопрос по адресу Джунковского все-таки возникает: куда глядели приставленные им чины, почему они не вмешались и не предотвратили «дебош»? Причину нерадивости своих подопечных шеф не раскрыл. Да если бы и стал объяснять, то правды от него никто бы все равно не услышал.

Однако долго раскручивать пароходный «пикант» товарищу Министра внутренних дел не пришлось. 15 августа 1915 года Министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов получил собственноручное распоряжение Монарха, гласившее: «Настаиваю на немедленном отчислении Джунковского от должности с оставлением в Свите».

Такая формулировка, означающая фактическое изгнание со службы, хоть и была сдобрена указанием на оставление в Свите, но фактически являлась приговором. В редчайших случаях сановники подвергались подобному суровому наказанию. Обычно чиновники высокого ранга удалялись с соблюдением ритуала: получали благодарственные указы, удостаивались прощальной аудиенции, получали награды орденами, чинами, денежными выплатами. Ничего этого не было, потому что человек оказался во всех отношениях недостойным. Поэтому и выгнали, как прислугу, уличенную в воровстве хозяйских серебряных ложек.

Джунковский был потрясен. При его связях, при его послужном списке получить такой общественный «реприманд»

было страшно обидно. Он написал Царю «обиженное» и лицемерное письмо. «Тяжел, конечно, самый факт отчисления без прошения от ответственных должностей в такое серьезное время, переживаемое Россией, но еще тяжелее полная неизвестность своей вины, невозможность ничего сказать в свое оправдание, невозможность узнать, какой проступок с моей стороны нарушил внезапно то доверие, которым я всю свою долголетнюю службу пользовался со стороны Вашего Величества, которым я так гордился, которое так облегчало тяжелые минуты, которые мне приходилось переживать по роду своей службы».

Немало и других проникновенных слов запечатлел в своем послании Джунковский, этот «добродетельный верноподданный», с которым так «бездушно и некрасиво» поступил неблагодарный правитель. Так должна была воспринимать всю эту историю публика.

Чтобы предвосхитить появление других версий, генерал тут же сочинил обширное послание своему негласному покровителю Великому князю Николаю Николаевичу. Мотив тут уже совершенно иной.

Он не только сообщил о факте своего увольнения, интерпретировав его в нужном ракурсе, но и полностью воспроизвел свое «личное» послание Царю. Джунковский знал, что делал. Не прошло и двух дней, как «черный агитпроп» во главе с Милицей растиражировал сочинение Джунковского. Естественно, «весь Петроград», чины Ставки и главные «этуали» думского «кабаре» были соответствующим образом проинформированы.

Джунковский не сомневался, что резолюция об изгнании его со службы была продиктована Николаю II Царицей. «Иначе и быть не могло», — резюмирует он свои размышления.

Как же он «хорошо» знал Монарха, Кому якобы «честно служил» многие годы, чтобы писать нечто подобное. В состоянии какого же злобного умонастроения надо было находиться, чтобы и через годы воспроизводить этот домысел на страницах воспоминаний. Хотя ко времени их написания уже имелись в обращении бесспорные документы, которые подобные выводы и умозаключения Джунковского опровергали категорически.

Помимо прочего, былауже опубликована перепискаУбитых Венценосцев! Бывший генерал, имевший тягу к историческим сочинениям и документам, не мог не заметить эту сенсационную трехтомную публикацию. Там бы он смог прочесть подлинные слова Александры Федоровны, что Она «сильно огорчена» из-за того, что Ее «имя всегда упоминают так, как будто это Я изгнала Орлова и Джунковского из-за нашего Друга».

Из этих документов «оскорбленный и униженный» мог бы наконец узнать, что ничего и никогда Царица Супругу не «диктовала», да и Николай II вообще был не тот человек, которому можно что-либо «продиктовать».

Причина увольнения товарища Министра и шефа Корпуса жандармов находилась совсем не там, куда указывал пострадавший. Сам он об этой «последней капле» в чаше Царского терпения никогда не упоминал. Между тем, может быть и помимо воли Джунковского, на авансцену общественной жизни выплеснулись его инсинуации, которые генерал так искусно конспирировал в тиши кабинетов и уюте салонов.

14 августа 1915 года популярная столичная газета «Биржевые ведомости» начала публиковать серию статей о похождениях Распутина, где почти слово в слово воспроизводились домыслы об «оргии в ресторане» из того досье Джунковского, которое тот якобы в одном экземпляре представил Царю еще 1 июня. Терпение Царя лопнуло, все сомнения насчет добропорядочности этого офицера окончательно рассеялись.

Однако Джунковский не успокоился, продолжая лгать без зазрения совести. Императрица Александра Федоровна сообщала Супругу 8 октября 1915 года: «Джунковский, после того как его уволили, снял копии со всех бумаг против нашего Друга, хранящихся в Министерстве внутренних дел (он не имел никакого права этого делать) и показывал их направо и налево среди московского дворянства. Жена Павла (княгиня Палей. — А.Б.) еще раз рассказала Ане, что Джунковский уверял честным словом, будто Ты зимой ему приказал строго судить Григория. Он это сказал Павлу и его жене и повторил это Дмитрию и многим другим в городе. Я называю это бесчестным, в высшей степени нелояльным поступком.»

Получив «несправедливый удар» от Царя, Джунковский тут же обрел шумную поддержку среди рыцарей «борьбы с тьмой». Первым номером в этом ряду шел А.И. Гучков, который уже 17 августа прислал генералу восторженное письмо: «Дорогой Владимир Федорович, всей душой с Вами, знаю, что Вы переживаете. Но не скорбите, а радуйтесь Вашему освобождению из плена. Вы видите — «они» обреченные, Их никто спасти не может».

Гучков ошибся: в той реальной исторической диспозиции обреченными являлись все, а не только «Они». Когда наступил тот желанный миг, который и Гучков и Джунковский приближали, как могли, — отречение Царя, то сольные номера любимцев публики на «авансцене жизни» быстро закончились. Непримиримым «врагам тьмы» пришлось думать теперь только об

одном: как спасаться от «света революции».

Купеческий сын Гучков с огромным трудом, только переодевшись в платье лютеранского пастыря, смог проскользнуть сквозь революционные заслоны и укрыться в Западной Европе. Его же «искренний друг» потомственный дворянин «дорогой Владимир Федорович» остался в красной России, прожил, а точнее сказать, просуществовал здесь в роли жалкого изгоя до самого конца.

Неизвестно, испытывал ли старый Джунковский раскаяние перед смертью, были ли у него предсмертные озарения, понял ли он одну горькую очевидность: подвал дома Ипатьева в Екатеринбурге, где окончила Свои дни Царская Семья, и подвал НКВД в доме на Лубянской площади в Москве, где провел долгие месяцы в заключении «бывший генерал», — по своей исторической сути один и тот же подвал. И прокладывая дорогу «Им» в Екатеринбург, Джунковский готовил и себе ту участь, которую и получил.

Глава V. Круговорот столичной суеты

В 1912 году Царь и Царица окончательно заключили: Григорий послан Им Всевышним, он человек необычного предназначения. Он спас, вырвал из плена смерти Их «Бэби», Их «Солнечного Луча» — Наследника Алексея.

Эту убежденность никак не колебали наветы на него, которым Царь и Царица, после документального опровержения слухов, не придавали больше серьезного значения. Как следует из воспоминаний Дворцового коменданта В.Н. Воейкова, его попытки донести до Государя негативные суждения о Григории Распутине заканчивались всегда одинаково. «Все то, что Вы Мне говорите, — прерывал собеседника Монарх, — Я слышу уже много лет. Столыпин производил по этому делу расследование, и ни один из распространенных слухов подтверждения не получил».

Как признавался Воейков, «было чрезвычайно трудно возражать на такой аргумент, тем более что как у Государя, так и у Императрицы сложилось (достаточно обоснованное) убеждение, что всякое пользующееся Их доверием лицо тем самым обрекается на нападки завистников и клеветников». Дворцовый комендант на личном опыте мог в том убедиться. Ему совершенно бездоказательно навешивали ярлык «ставленника Распутина». И даже в эмиграции «современники событий» не успокоились; подобное абсурдное клише встречается в немалом количестве мемуаров эмигрантов «первой волны».

Нравственная чистота и бескомпромиссность Императора Николая II сами по себе исключали возможность неформального и многократного общения Его с любым аморальным субъектом. Ему, живущему Верой и в Вере, не нужны были никакие «досье», чтобы понять искренность

Богопреданности Григория. Но как политик он обязан был «реагировать». Потому и возникали «расследования» и «узнавания», которые всегда заканчивались одинаково: кроме туманных слухов ничего подлинного. Государь верил Своим глазам и Своему православному чувству.

В свою очередь и Александра Федоровна доверяла сердцу, личным наблюдениям и Своему житейскому опыту. А все это заставляло признать с несомненностью и принять с благодарностью общество Григория.

Прекрасно ознакомленная с Библейской Историей и житиями Святых, Императрица хорошо знала, как часто люди бывают не

правы, с какой жестокой одержимостью человеческая толпа может преследовать и поносить тех, кто выше и значимее простых смертных. Самым ярким примером для нее всегда служила земная судьба Спасителя, Которого шельмовали и предавали при жизни.

Ложь и клевета неизбежно сопровождают путь праведников на земле. «Испорченность мира все возрастает, — заметила Она в апреле 1916 года в письме Супругу. — Во время вечернего Евангелия Я много думала о нашем Друге, как книжники и фарисеи преследовали Христа, утверждая, что на их стороне истина. Действительно, пророк никогда не бывает признан в своем отечестве. Он живет для своего Государя в России и выносит все поношения ради нас».

В случае с Их «Другом» вечная людская незрячесть давала о себе знать. Он человек необычных дарований: невероятной интуиции, наделенный умением распознавать истинное, видеть скрытое, но главное — молитвой добиваться недостижимого для обычных людей. Потому Она нередко и советовала людям, которые были вхожи в Их Дом, познакомиться с Григорием. Кто-то соглашался, кто-то под благовидным предлогом уклонялся.

Командир яхты «Штандарт» контр-адмирал Н.П. Саблин, давая показания ЧСК в 1917 году, говорил: «Кажется, в 1908 году, когда во время плавания на яхте “Штандарт” я ближе подошел к Царской Семье, Государыня стала в беседах со мной намекать, что Она знает Распутина. Она стала говорить о том, что есть люди, молитва которых, вследствие их аскетического образа жизни, имеет особую силу, и, наконец, заявила, что и в России имеется такой человек, а именно Распутин, и предложила мне с ним познакомиться».

Однако даже среди тех, кто встречался, общался, признавал необычность Распутина, редко кто отваживался пойти против людской толпы, выступить против злобной молвы. Или молчали, ато и возводили напраслину. В их числе оказался и друг Семьи Саблин, побоявшийся после Революции сказать правду о Распутине, с которым многократно общался и к которому выказывал глубокое почтение.

Все стало окончательно ясным для Царя и Царицы в октябре 1912 года. В тот год в России отмечалось большое национальное торжество: столетие Бородинской битвы 1812 года. Царь с семейством участвовал в празднествах в Москве, а затем отбыли на отдых, сначала в имение Беловеж, а затем в Спалу (недалеко от Варшавы), куда прибыли в начале октября. Там и начались драматические события.

Незадолго до приезда в Спалу Цесаревич Алексей, прыгнув в

лодку, ударился ногой, и коварная гемофилия тут же дала о себе знать. Быстро образовалась обширная гематома (кровяная опухоль). Дальнейшие события Царь описал в письме к матери.

«2 октября Он начал жаловаться на сильную боль, и температура у Него начала подниматься с каждым днем больше. Боткин объявил, что у Него случилось серьезное кровоизлияние с левой стороны и что для Алексея нужен полный покой. Выписали сейчас же прекрасного хирурга Федорова, которого мы давно знаем и который специально изучал такого рода случаи, и затем доброго Раухфуса. Дни от 6 до 10 октября были самые тягостные. Несчастный Мальчик страдал ужасно, боли охватывали Его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой температуры Он бредил и днем и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль. Спать Он почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: “Господи, помилуй”. Я с трудом оставался в комнате, но должен был сменять Алике при Нем, потому что Она, понятно, уставала, проводя целые дни у Его кровати. Она лучше меня выдерживала это испытание».

Николай II рассказал матери о многом, но один важный момент опустил, чтобы упоминанием имени Распутина не нервировать лишний раз матушку, изнемогавшую под грузом салонных сплетен. Еще в феврале 1912 года, незадолго до речи А.И. Гучкова и доклада М.В. Родзянко, Мария Федоровна имела объяснение с Сыном и Невесткой. Она высказала свое удивление, что Они принимают «этого ужасного Распутина», что это «тревожит общество», что его следует удалить из Петербурга.

Александра Федоровна сразу же стала горячо возражать, говоря, что петербургское общество только и занято тем, что распространяет «грязные сплетни», что сановники, поддерживающие их, «подлецы», что Распутин «удивительный человек» и что «дорогой Мама» следовало бы с ним познакомиться. Этот диалог Цариц Монарх не прерывал, но в конце заметил, что «как же Он может выслать человека, ничего противозаконного не совершившего?».

Беседа носила довольно нервный характер, Вдовствующую Императрицу ни в чем не убедили, но Николаю Александровичу и Александре Федоровне стало раз и навсегда ясно, что во имя семейного блага лучше с матушкой эту тему не затрагивать. Она ведь все равно не поверит, она уже настроена соответствующим образом, и мнение свое вряд ли переменит. Поэтому, описывая драматический случай в Спале, имя Распутина Император и не упомянул.

Положение же в Спале складывалось просто безысходное. Гувернер Алексея Николаевича швейцарец Пьер Жильяр

вспоминал: «Цесаревич лежит в кровати, жалобно стонет, прижавшись головой к руке матери, и его тонкое, прекрасное, бескровное личико было неузнаваемо. Изредка он повторяет одно слово: “Мама”, вкладывая в это слово все свое страдание. И Мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто этой лаской Она могла облегчить Его страдания, вдохнуть в Него жизнь, которая, казалось, Его уже покидала».

Тянулись тягостно-безнадежные дни. Император не находил себе места; не знал, что делать, что говорить, как поддержать Алике. Несмотря на все Свое огромное самообладание, комок подступал к горлу и несколько раз с трудом сдерживал слезы. Один раз не выдержал, и при виде просто умирающего Сына слезы потекли из глаз.

Царица же не сдавалась, отчаяние Ею не овладело. Муж просто поражался энергии и самоотверженности Жены. Она перед этим неважно Себя чувствовала, но как только пришло несчастье, проявила непостижимую самоотверженность. Почти не спала. О Себе совсем не думала. Не отходила от Алексея ни днем ни ночью, часами баюкала Его на Своей груди, делала перевязки, ставила компрессы. Очевидец тех событий Анна Вырубова вспоминала:

«Последующие недели были беспрерывной пыткой для Мальчика и для всех нас, кому приходилось постоянно слышать, как Он кричит от боли. Целых одиннадцать дней эти ужасные крики слышны были в коридорах, возле комнаты, и те, кто должен был там проходить для исполнения своих обязанностей, затыкали уши. Государыня все это время не раздевалась. Не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживая у кроватки Своего Сына, который лежал почти без сознания, на бочку, поджав левую ножку так, что потом чуть ли не целый год не мог ее выпрямить. Восковое личико с заостренным носиком было похоже на покойника, взгляд огромных глаз был бессмысленный и грустный. Родители думали, что Алексей умирает, и сам Он, в один из редких моментов сознания, сказал Матери: “Когда Я умру, поставьте Мне в парке маленький каменный памятник. ”»

После нескольких дней отчаянных усилий врачи опустили руки и в один голос заявили, что надо готовиться к самому худшему, что медицина бессильна. 10 октября Цесаревича причастили, готовя в дальний путь. Но даже в это черное мгновение Александра Федоровна не теряла надежды, ждала чуда, Она безоговорочно верила в него.

В Покровское ушла телеграмма с просьбой к Григорию помолиться за Цесаревича. Через несколько часов, в самый критический момент, пришел ответ из Сибири. Телеграмма Распутина гласила: «Маленький не умрет. Не позволяйте докторам Его мучить». И случилось, казалось бы, невозможное. Состояние Наследника стало резко улучшаться. Начала падать температура, Он пришел в сознание и скоро впервые за неделю заснул ровным и глубоким сном.

Вечером того дня Царица вошла в комнату, где в похоронном настроении сидели придворные, врачи и сестра Царицы Принцесса Ирэна Прусская, приехавшая из Германии, чтобы поддержать Алике. Александра Федоровна впервые за несколько дней предстала перед глазами столь многочисленного общества. Ее лицо сияло. Она знала, что страшное позади, и уверенно объявила об этом.

Собравшиеся же не проронили ни слова, некоторые решили, что Александра Федоровна «тронулась умом». Они не знали того, что открылось уже Матери: молитва дорогого Друга дошла до Всевышнего, и Он послал спасение.

Последствия жестокой болезни сказывались на Цесаревиче долго. Почти целый год Он хромал и не мог долго стоять. Когда в 1913 году начались праздничные церемонии, связанные с Трехсотлетием Дома Романовых, и Царская Семья многократно представала перед народом, то Алексея почти всегда носил на руках специально приставленный к нему «дядька» — боцман с яхты «Штандарт» А.Е. Деревенько.

Мать и Отец понимали, что это производит на некоторых неблагоприятное впечатление, что в толпе шушукаются о том, что «Царский Сын — калека». Но иного выхода не было.

Александра Федоровна была убеждена, что когда Алексей окончательно поправится, а в благоприятном исходе Она не сомневалась, то люди забудут об этом зрелище. Она всегда Сама придирчиво отбирала фотографии Алексея, которые должны были воспроизводиться в газетах, книгах и на открытках (без одобрения Министерства Императорского Двора изображения Особ Царской Фамилии публиковаться не могли). Неизменно предпочтение отдавала тем, где Наследник запечатлен стоя во весь рост.

Главное же, в чем тогда безусловно уверилась Александра Федоровна, что рядом с ними есть человек, который является хранителем Их семейного благополучия: оберегает жизнь Наследника Престола. В этом Она видела залог благополучия не только Семьи, но Династии и Империи.

Венценосцы ни разу не имели случая видеть Григория Распутина в нелицеприятном виде. Как написала Лили Деи, «Я должна торжественно заявить, что, когда он находился в нашем обществе в Царском Селе, ни словами, ни манерами, ни поведением Распутин ни разу не скомпрометировал себя». Это абсолютно достоверный факт, и только особо оголтелые клеветники решались оспаривать его.

Распутин неизменно представал перед «Мамой» и «Папой Земли Русской» правоверным христианином с молитвой на устах. Ничего для себя не желал, печалившийся только о судьбе простых людей и просивший лишь за униженных и оскорбленных. Это обстоятельство необходимо особо подчеркнуть: за несколько лет «неформальных отношений» Царский Друг ничего у Монархов для себя не попросил, хотя, казалось бы, какие возможности открывались!

Вера в силу молитвы Распутина позволяла Царице переживать с огромным самообладанием собственное нездоровье, разочарования в людях, шквал клеветы, с чем Ей постоянно приходилось сталкиваться. Она обожала Свою Семью, с неувядающей свежестью чувств любила Ники, искренне любила

Россию. Это были Ее богатства и Ее опоры во враждебном мире. Но над всем и над всеми для Нее был Бог, Который только Один и давал, и отнимал, и наказывал, и одаривал. Она всегда искренне и горячо старалась заслужить Его милость.

Высокопоставленный чиновник Министерства Императорского Двора генерал А.А. Мосолов вспоминал: «Я часто имел случай видеть Императрицу на церковных службах. Она обычно стояла как вкопанная, но по выражению Ее лица видно было, что Она молилась. Когда Отец Александр стал Ее духовником, он громко читал все молитвы, даже обычно читаемые вполголоса в алтаре. Царица очень любила его службу и выстаивала ее всю. Заболев, Она слушала службу из своей молельни, в Ливадии, откуда, открыв двери, можно было хорошо видеть и слышать. В Царском Селе Александра Федоровна любила ходить молиться в темные пределы Федоровского собора (собор построен в Царском Селе в ознаменование 300-летия дома Романовых и освящен в 1912 году. — А.Б.)».

Товарищу обер-прокурора Синода князю Н.Д. Жевахову Царица однажды призналась: «Я не виновата, что застенчива. Я гораздо лучше чувствую себя в храме, когда Меня никто не видит. и Мне тяжело быть среди людей, когда на душе тяжело». Жизнь так распорядилась, что радостных минут в жизни Александры Федоровны становилось все меньше и меньше.

Следуя христианскому завету милосердного служения, Александра Федоровна в годы Первой мировой войны занялась деятельностью просто немыслимой в Ее положении, которая не имела аналогов в отечественной истории. Окончив фельдшерские курсы, Она и Ее старшие Дочери стали работать сестрами милосердия в царскосельских госпиталях. Царица обмывала раны солдат и офицеров, в том числе и такие, от лицезрения которых некоторые молодые санитарки падали в обморок; делала перевязки, ассистировала при операциях. «Сколько горя вокруг! — восклицала Она в письме к мужу в марте 1915 года, — Слава Богу за то, что Мы, по крайней мере имеем возможность принести некоторое облегчение страждущим и можем им дать чувство уюта в их одиночестве».

В этой деятельности Александра Федоровна смогла проявить свою давнюю тягу к непарадному человеческому общению. Для нее не имели значения ни происхождение, ни чины, ни титулы, ни звания. Она всю жизнь искала простоты и веры, и эти Ее устремления осуществились в госпитальных палатах. Она проводила часы среди простых солдат, беседуя с ними на разные темы, внимательно слушая их нехитрые рассказы о жизни и о войне, благословляла их после выздоровления на новые подвиги,

даря на счастье ладанки и иконки.

Это общение доставляло Ей больше радости и удовлетворения, чем вымученные завтраки, чаи и обеды с родственниками и придворными. Роль сиделки у постели раненых солдат и офицеров Она выполняла с большим внутренним подъемом и часто занималась этим даже в период недомогания.

«Когда я чувствую Себя очень угнетенно, — писала Супругу в октябре 1915 года, — Мне отрадно ходить к самым больным и приносить им луч света и любви».

Царица как бы следовала завету своей матери Гессенской герцогини Алисы, которая прославилась в Дармштадте невероятной преданностью делу помощи больным и неимущим. Ее младшая Дочь отличалась в этом деле не меньшей энергией.

Александра Федоровна никогда не использовала милосердное служение для рекламы Собственной персоны, к чему Ее призывали не один раз. Этим «промыслом» беззастенчиво «занимались» многие аристократические красавицы и матроны, охотно занимавшие почетные и необременительные должности попечительниц лазаретов, богаделен, санитарных поездов и госпиталей. Нередко светские «львицы» и «пантеры» рассматривали эти занятия как способ престижного светского самоутверждения, позволявший не только демонстрировать себя, но и заводить важные и нужные знакомства и связи.

Со знанием «предмета» о том написала последняя подруга Царицы Лили Ден: «Благотворительные базары представляли собой как бы светские вечера, где можно было блеснуть своими туалетами, нередко участники таких базаров меняли туалеты три раза в день. В воздухе стоял густой аромат духов, повсюду множество цветов, а дамы, продававшие вещи, устав, подкреплялись лучшими сортами шампанского». Война мало изменила этот мир. Лишь наряды стали скромнее, но никто из дам высшего света не пошел работать в госпиталь. Они оставались, как и раньше, только «патронессами» и распорядительницами «благотворительных базаров». Царица же как истинная христианка никогда не была рабыней светских «традиций».

То, что Императрица перешагнула через условности и стала работать «простой фельдшерицей», в головах у «господ из хорошего общества» не укладывалось. В этой деятельности одни увидели дискредитацию власти, другие — позу. Царице отказывали в праве на искренность и здесь, считая, что Она «ищет популярности». Публичных выпадов по этому поводу не было, так как «профессиональные спасатели России» всех мастей отдавали

себе отчет в том, что данная ипостась Коронованных Особ не позволяет эффектно бросить в Них очередной ком грязи.

Императрица скептически оценивала окружающий мир и нравы его. «Уже давно нет крупных писателей ни в одной стране, нет также знаменитых художников или музыкантов — странное явление, — размышляла Она весной 1916 года. — Мы слишком торопимся жить, впечатления чередуются чрезвычайно быстро, машины и деньги управляют миром и уничтожают всякое искусство, а у тех, которые считают себя одаренными, — испорченное направление умов».

Царь и Царица имели к этому времени уже Свой взгляд на Распутина и не желали уступать давлению родни и общества, призывавших и требовавших выдворения «дорогого Григория» из Петербурга. Помимо прочих соображений, Николай II, в силу особенности Своей натуры, не мог принять решение, которое Ему навязывалось. Отказ прогнать «исчадие ада» от подножия трона Государь ясно и просто объяснял Министру Двора В.Б. Фредериксу: «Сегодня требуют выезда Распутина, а завтра не понравится кто-либо другой и потребуют, чтобы и он уехал».

Сам Григорий Распутин понимал, какое необычное положение он приобрел, чувствовал, что окружающий мир его не любит и хочет его гибели. Он каждый год на несколько месяцев уезжал из Петербурга или к себе на родину, или по скитам и монастырям. С его отъездом разговоры о нем стихали, а возвращение вызывало всегда новую волну интереса и слухов.

Со временем жить где придется в Имперской столице становилось неудобным. Нужна была постоянная крыша над головой. Свое последнее пристанище в Петербурге старец-проповедник получил незадолго до начала Первой мировой войны, когда для него была снята обширная квартира из нескольких комнат на третьем этаже большого доходного дома по Гороховой улице, 64. Здесь он жил с весны 1914 года и до последнего дня своей жизни, то есть в то время, когда достиг вершин славы, обрел всемирную известность (о Распутине писали во время войны многие иностранные издания). Отсюда же холодной декабрьской ночью 1916 года он уехал на встречу со смертью.

Старшая дочь Распутина Матрена (Мария) оставила подробное описание жилища своей семьи в Петербурге. «Наша квартира состояла из 5 комнат. Роскоши никакой у нас не было. Все это вранье, что писалось тогда в газетах про нас. Комнаты наши и обстановка их были самые простые. В столовой стоял у нас стол, обыкновенные венские стулья и оттоманка, самая роскошная вещь из всей обстановки — подарок какого-то

Волынского, освобожденного из тюрьмы по ходатайству отца. В спальне отца — кровать железная, американский стол, в котором хранились у отца под замком многочисленные прошения разных лиц; в кабинете отца — письменный стол, на котором ничего не было, кресло и диван; в приемной были одни стулья. Только одну нашу детскую мы обставили по своему вкусу: у нас были в ней кровать, кушетка, столик, диванчик, кресла, туалет, гардероб».

Квартирка явно не походила на богатые апартаменты, хотя здесь бывали не только высокопоставленные сановные господа, но и некоторые «короли биржи», известные финансовые воротилы, которые обитали совсем в ином повседневном интерьере.

В числе магнатов, проложивших себе путь на Гороховую, 64, находились два одиозных еврея-бизнесмена: Игнатий Порфирьевич Манус и Дмитрий Львович Рубинштейн. Репутация этих гостей распутинского дома была далеко не блестящей. Связь с этими финансовыми деятелями плодила предположения о том, что Распутин — член «темной компании». Некоторые шли в своих предположениях дальше, утверждая что Распутин — «купленная марионетка».

Кто жв те годы не слышал о Манусе и Рубинштейне! О них писали статьи и фельетоны, их высмеивали в едких куплетах на сценах кабаре, и редкое сатирическое издание не посвящало им язвительных карикатур. Каждый из них имел свою историю восхождения на верх делового мира, ной у того и у другого это не был путь упорного многолетнего труда, создания неких предприятий, долгого накопления средств.

Они вознеслись на уровень деловой элиты совсем иначе — путем выгодных, но не очень законных манипуляций с ценными бумагами. Суть этих операций хорошо известна и проста «как огурец»: купить за копейку, а продать за рубль. Однако указанные герои, преследуя эту традиционно вожделенную коммерческую цель, в отличие от большинства других, пользовались недоброкачественными средствами. Они в совершенстве овладели мастерством «околоделовых» махинаций: распускали недоброкачественные слухи, инспирировали появление в прессе критических статей о положении дел конкурентов, давали взятки, получали конфиденциальную информацию из государственных ведомств, которую удачно использовали в интересах личной финансовой выгоды. Утверждали даже, что они прибегали к деловым подлогам.

Многие представители торгово-промышленной корпорации не без основания величали их «аферистами», но Мануса и Рубинштейна плохое «реноме» в деловом мире не смущало. Они

стали миллионерами и заставили с собой считаться. Накануне Первой мировой войны Рубинштейн состоял директором Русско-французского коммерческого банка и занимал директорские посты еще почти в десятке крупных компаний. Манус же, хотя банком и не руководил, но имел должности в целом ряде машиностроительных, страховых и транспортных фирм.

После начала летом 1914 года Первой мировой войны многие стали подозревать Мануса и Рубинштейна в «шпионской» деятельности в пользу Германии.

Появление в столице Империи необычной фигуры Распутина, и его доступ к самому кормилу власти не прошли мимо внимания финансовых махинаторов. Доступность Царского Друга, его открытость людям сделали возможность знакомства с ним делом весьма несложным.

В 1915 году в квартире Григория на Гороховой стали появляться Рубинштейн и Манус. Они окружили его заботой и вниманием, которых не удостаивались даже высокопоставленные министерские чиновники, с которыми эти финансовые «акулы» тоже «дружили». Подарки и пожертвования посыпались чуть ли не как из рога изобилия. Слухи об этом быстро распространились, и вскоре возникла версия: Распутин «куплен этими проходимцами».

Может быть, они и хотели «прикарманить» хозяина квартиры на Гороховой, использовать его влияние в личных видах, но ничего существенного не добились. Правда, Манус получил чин действительного статского советника, но не за «подарки» Распутину, а за пожертвования нескольких сот тысяч рублей на благотворительные цели во время войны. Герой же столичных куплетов «Митька Рубинштейн» тоже хотел получить высокий чин, готов был раскошелиться, но не успел. За финансовые махинации в 1916 году он был арестован и встретил Февральскую революцию в тюрьме.

Общение с «финансовыми гениями» и их «подарки» не только не отразились на повседневном укладе жизни распутинской семьи, но и никак не сказались на будущем ее материальном обеспечении. Средства, передаваемые Распутину разными лицами на «богоугодные дела», он все и раздавал многочисленным просителям, которые в последние месяцы его жизни с раннего утра до позднего вечера обивали порог его квартиры. Редко кому отказывал. Из «дарственных щедрот» почти ничего не перепадало даже двум дочерям, которые так и не стали столичными франтихами.

Даже за квартиру Распутин платил не сам; это тоже было «благодарственное подношение».

Оплачивал арендные счета за нее управляющий

Императорской канцелярией и отец А.А. Вырубовой А.С. Танеев. Точно не известно, из каких фондов черпались средства, но неисключено, что на эту цель выделяла собственные деньги Александра Федоровна. Сохранилось уведомление личного секретаря Царицы и заведующего ее канцелярией графа Я.Н. Ростовцева, направленное Александре Федоровне, в котором говорилось: «Во исполнение высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, последовавшего в 19 день марта 1914 г., известному Вашему Императорскому Величеству лицу переведено 75 000 рублей».

Что это было за лицо, получившее по высочайшему повелению столь внушительную сумму, достаточную для покупки имения, так и осталось невыясненным. Для сравнения заметим, что собственные расходы Императрицы за весь 1914 год составили немногим более 36 тыс. рублей, из которых более 20 тыс. руб. пошли на пособия и пожертвования. Зная природную расчетливость и экономность Царицы, можно быть вполне уверенным, что подобный расход она могла произвести лишь в экстраординарном случае, о котором можно только догадываться.

Нельзя исключить, что эти деньги предназначались для Распутина, хотя для найма квартиры и для повседневного существования его семьи размер указанной субсидии слишком велик; годовая аренда хорошей квартиры в Петербурге в тот период не могла стоить более 10 тыс. рублей. Конечно, можно было снять и куда более дорогие апартаменты, категории «люкс», которые обычно назывались «барскими», но квартира Распутина к «элитному» типу жилья явно не относилась.

Остановимся подробней на одном из самых популярных вопросов «Распутиниады»: существовал ли в действительности тот Царский «финансовый дождь», который «орошал алчные аппетиты» Друга Царской Семьи, или это лишь досужие домыслы? Как только стало зарождаться «распутиноведение», то в кругах столичных «распутиноведов» распространилось убеждение, что «на взятках просителей и Царских подношениях» Распутин «составил себе многомиллионное состояние». Это мнение даже не перечеркнул тот факт, что после убийства Царева Друга его семья вообще ничего не получила.

После падения Монархии сказания о «Гришке-миллионере» запестрели на страницах газет. Все же энергичные попытки различных «следопытов» отыскать «распутинские миллионы» или даже какие-то следы их окончились полным провалом. Нельзя же документально подтвердить то, чего не существовало в действительности.

Дочь Матрена, близко наблюдавшая жизнь отца в Петербурге-

Петрограде, по этому поводу заметила: «Целый день у отца уходил на прием разных просителей. К нему обращались очень многие с очень разнообразными просьбами: его просили о местах (службы. — А.Б.), о помиловании разных лиц, сидевших в тюрьмах. Вот, главным образом, с такого рода просьбами и обращались к нему. Ему разные лица давали деньги, но очень многие просили и у него. Никогда никому в денежных просьбах не отказывал. Он действительно одной рукой брал, а другой отдавал. Обращались к нему и за духовной помощью: просили совета, жаловались на тяжелую душевную жизнь. Он давал советы, старался помочь душевно, как мог».

Распутин не просил и не получал денег у Царской Четы. Императрица была чрезвычайно щепетильной в финансовых вопросах, всегда болезненно реагировала на любые попытки приближенных добиться определенных льгот или материальных выгод. Ладанки, иконки, пояски, вышитые рубашки, платки и другие подобные мелочи и изделия домашнего рукоделия — это все, чем Распутина одаривали в Царской Семье. Он, в свою очередь, посылал Высочайшей почитательнице освященные куличи, пасхальные яйца, иконки, но главное, чему Она всегда искренне радовалась, напутствия и пожелания, даваемые лично или отправляемые по телеграфу.

В своих показаниях, данных в казематах Петропавловской крепости в 1917 году, А.А. Вырубова затронула эту тему. «На какие средства жил Распутин я не знаю, но приблизительно в 1910–1911 году и в последующее время Император и Императрица, когда Распутин уезжал из Петрограда, что бывало раза три в год, передавали деньги из Своих личных средств на дорогу, но никогда не более чем в сумме ста рублей в один раз. От Распутина я слыхала, что его поклонники дарят ему деньги, причем таковые иногда он находит неизвестно кем положенными в карманах его пальто. По моим сведениям, после смерти Распутина никаких денег не осталось, и дочери его бедствуют. Император и Его Семья предполагали обеспечить самого Распутина, но до революции не успели сделать этого». Вырубова была совершенно права: никаких средств своей семье «старец Григорий» не оставил.

Обосновавшись в столице Империи, превратившись в центр интереса и восхищения для «господ», Распутин не подлаживался под существовавшие стандарты жизни и принятые нормы отношений. Не изменил он и повседневные привычки. По словам дочери Матрены, «свою личную жизнь, свои вкусы, свой уклад жизни отец нисколько не изменил после приближения к Царской Семье. Он ходил в русской рубашке, русских шароварах,

заправляя их в сапоги, и в поддевках. Мяса он не ел до самой смерти. Его обед состоял из одной ухи. Кроме того, он еще употреблял редиску и любил квас с огурцами и луком. Больше этих кушаний он ничего дома не ел».

О жизни в квартире на Гороховой сохранились различные свидетельства, в том числе и самые необычные. Сосед по дому, служащий Синода, вел дневник, в котором зафиксировал некоторые детали обихода одиозного человека. «Обедает “он” на кухне со всеми домашними. Садится “он” посредине, с одной стороны черненький господин, по-видимому, агент в роли “его” секретаря, с другой стороны простая какая-то женщина, деревенская, в черном платье, с белым платочком на голове, затем какая-то сестра милосердия и девочка в коричневом коротком платье, лет 16–18, в роли прислуги-горничной. Едят суп из одной все миски деревянными ложками. “Он” сам очень часто во время приема посетителей своих приходит на кухню, берет закуску, фрукты: апельсины, яблоки, землянику — и несет сам в комнаты. Кухня “его”, кстати сказать, как раз напротив моей кухни, так что все прекрасно видно, по вечерам почти всегда бывает спущена штора».

Распутин не подстраивался под нормы жизни состоятельных господ. Он, несомненно, знал, что своеобразный облик, простые крестьянские манеры, необычный стиль поведения и речи — все это то, что во многом и делает его притягательным для привыкших к роскоши и комфорту людей.

Не желая меняться, Григорий Распутин все-таки менялся. Испытание властью и лестью трудно было выдержать. При всем своем природном уме, он все-таки оказался слишком простым, открытым и незащищенным для той специфической среды, в которой оказался, где ханжество, лицемерие, корысть, интрига — непременные «нормы жизни».

Ему признавались в обожании, а потом эти же люди бежали к знакомым и с хохотом рассказывали, как общались с этим «пройдохой»; ему со слезами на глазах рассказывали «о муках душевных», просили совета, а затем пересказывали с массой выдуманных деталей реакцию «этого мужлана»; ему клялись в верности, с трепетным вниманием ловили его высказывания, а затем публиковали разухабистые фельетоны в газетах, где перевирали все, от начала и до конца.

В июне 1914 года на страницах популярной столичной газеты «Вечернее время» было помещено интервью с Распутиным, в котором Царев Друг выплеснул наболевшее: «Неужели не о чем больше писать и говорить, как обо мне. Я никого не трогаю. Да и трогать не могу, так как не имею силы. Дался я им. Видишь,

какой интересный. Каждый шаг мой обсуждают, все перевирают. Видно, кому-то очень нужно меня во что бы то ни стало таскать по свету и зубоскалить. Говорю тебе, никого не трогаю. Делаю свое маленькое дело как умею, как понимаю. То меня хвалят, то ругают, только не хотят оставить в покое. Если что плохо делаю, рассудит Господь. Искренне говорю тебе: плохо делать не хочу. Поступаю по умению».

Так до самой смерти Распутин не мог понять и объяснить этот удушливый и бездушный столичный мир, где «молитве тяжело». Он, как и Александра Федоровна, видел лживость и двуличие его, но, в отличие от Императрицы, всеми силами стремившейся от этого мира отгородиться, Григорий к нему тянулся.

Ему стало нравиться быть центром внимания, его натуре начала льстить популярность. Это искушение он не смог преодолеть, особенно в последние годы. Он начал любить застолье, стал потреблять спиртное. Хотя пил он по преимуществу мадеру, но большие дозы выпитого, столь любезно предоставляемого «искренними почитателями», приводили не раз его в состояние алкогольного веселья, когда он даже плясал русскую. Организаторы и очевидцы таких случаев потом с упоением передавали виденное, дополняя его смачными деталями, по-своему разумению.

Конечно, подобное поведение невозможно было сочетать с традиционным старческим благочестием. Однако с обычных позиций особо предосудительного в том нельзя было бы усмотреть, если не другое его качество, которое как раз и проявлялось в состоянии «подшофе». Он иногда начинал рассказывать о Царской Семье. Собственно, с этой целью его нередко как раз и «накачивали».

Хотя документально можно подтвердить не более трех случаев подобного рода, и ничего скабрезного, вопреки распространенным мнениям, он при этом не говорил, но сам факт разглашения таких сведений трудно признать уместным. Злого умысла тут у Распутина не было никакого, но это вряд ли можно поставить в заслугу. Недопустимые повествования на почве «приема мадеры» начались уже тогда, когда земная жизнь Распутина приближалась к концу.

Ранее, когда он был не застольным гостем дорогих столичных гостиных, а являлся лишь духовным авторитетом, то не позволял себе ничего подобного. Суета и мишура богатого мира тогда его не искусили. Он выступал в своем исконном образе утешителя и наставника.

Смысл распутинских наставлений касался важнейших

религиозно-нравственных категорий: любви и смирения. Современному читателю, наверное, стоит пояснить, что «любовь» в данном случае являлась высокой нравственной категорией и никакого касательства к плотскому воплощению не имела.

Сохранилась целая тетрадь наставлений и изречений Григория, которая принадлежала дочери Николая II Татьяне. Приведем ряд типичных распутинских пассажей: «Любовь есть свет и ей нет конца. Любовь — большое страдание. Она не может кушать, не может спать. Она смешана с грехом пополам. Все-таки лучше любить. В любви человек ошибается, но зато страдает и страданием искупает свои ошибки. Если любить сильно — любимые счастливы. Им сама природа и Бог дают счастье. Надо Бога просить, чтобы Бог научил любить светлое, ясное, чтобы не мученье была любовь, а радость. Любовь чистая, любовь ясная есть солнце. Солнце греет, а любовь ласкает. Все в любви, любовь и пуля не возьмет».

Однако одной только любви для праведной жизни, наставлял он, недостаточно. Только тот найдет истинную дорогу к Богу, кто преодолеет свою гордыню, отрешится от земной суеты и слабостей, научится спокойно воспринимать все те испытания, которые ему ниспосылаются свыше для проверки крепости веры.

Судить о распутинских представлениях можно на основании текстов его книг. Многие не знают, что от его имени издано несколько брошюр, составленных, как заметила А.А. Вырубова, примерно в тех же выражениях, которые он произносил и на своих встречах.

Существует несколько таких книжек. «Житие опытного странника» (1907), «Великие дни торжества в Киеве! Посещение Высочайшей Семьи! Ангельский привет!» (1911), «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванное им размышление по различным вопросам» (1915). Они в открытую продажу не поступали, а рассылалась автором близким людям.

Во всех этих книжицах много искреннего чувства, передаваемого неповторимым распутинским языком. Распутин знал и не сомневался, что Православие — опора России. «Я уверен, если больше веры будет, никакой варвар не подточит корень ее (Родины)».

Описание образов и ситуаций — точное и выразительное. Вот как он описал католическую Пасху, свидетелем которой был в Иерусалиме, высказав и свои суждения о русском Празднике Светлого Христова Воскресения.

«Я был очевидцем и сравнивал их Пасху с нашей — у них неделей раньше она была. Что же сказать про их Пасху? У нас все,

даже неправославные, радуются. В лицах играет свет и видно, что все твари веселятся. А у них в основном самом храме никакой отрады нет, точно кто умер и нет ожидания: выходят, а видно, что нет у них в душе Пасхи, как у избранников, а будни. Какое же может быть сравнение с Пасхой Православия! Совсем это другое. Ой, мы счастливые православные! Никакую веру нельзя сравнить с православной. У других есть ловкость — даже торгуют святыней, а видно, что нет у них ни в чем отрады, вот обман, когда даже в Пасху служат, и то лица мрачные, поэтому и доказывать можно смело, что если душа не рада, то и лицо не светло — вообще мрак, — ау православных, когда зазвонят и идешь в храм, то и ногами Пасху хвалишь, даже вещи, итев очах светлеют. Я не берусь судить. А только рассуждаю и сравниваю католическую Пасху с нашей, как я видел во Святой Земле служили Пасху у греков. А премудрости глубину не берусь судить! Я чувствовал, как у нас ликуют православные, какая у нас величина счастья, и хотелось бы, чтобы нашу веру не унижали, а она без весны цветет над праведниками, для примера указать можно на о. Иоанна Кронштадтского, и сколько у нас светил — тысяча мужей Божиих».

Может вызвать удивление, что человек, едва умевший выводить на бумаге корявые, часто трудно читаемые слова, смог осилить сочинение книжек. Несомненно, Г.Е. Распутину помогали, а в его окружении всегда были люди из числа тех, кто сам писал или занимался издательской деятельностью. Во-первых, это упоминавшиеся уже Е.П. Сазонов и А.Ф. Филиппов.

Близкими к Г.Е. Распутину являлись и еще два возможных помощника: бывший сторонник Илиодора, писатель консервативного направления И.А. Родионов и богатый купец из Москвы Н.И. Решетников. Заметим попутно, что последний — сын той самой Анисьи Решетниковой, которая в возрасте 78 лет, как уверяли «надежные полицейские источники», «пировала с Распутиным» чуть ли не до утра в московском ресторане «Яр» в марте 1915 года.

Независимо от того, кто был редактором этих книг (иногда даже упоминают имя Александры Федоровны, но документальных свидетельств того не сохранилось), все основные положения формулировались самим Григорием Распутиным. Здесь он был всегда очень требовательным, и, например, когда кто-то его цитировал, он требовал буквального пересказа.

Наставление письменным словом было любимо Распутиным. Однако в ряду распутинских письменных источников основными были все-таки не книги, а «малые формы»: записки и телеграммы. Первые — это почти всегда просьба о чем-нибудь к кому-нибудь,

которые Григорий щедрой рукой раздавал ходатаям и просителям, обращавшимся во множестве к нему за помощью в своих житейских нуждах. Такому человеку вручался листок, на котором было написано что-нибудь вроде «милай сделай», «милай выслушай ево», «милай-хороший помоги ей». Этот клочок бумаги в силу удивительного положения писавшего часто срабатывал в чиновных канцеляриях.

Слухи о влиянии Распутина прокладывали дорогу его действительному влиянию без всякого «Высочайшего» вмешательства. Клочки бумаги с распутинскими каракулями порой позволяли просителю попасть на самый верх сановного мира, туда, куда без подобной рекомендации проникнуть было бы невозможно. Эти удивительные «рекомендации» во множестве сохранились в бумагах целого ряда государственных деятелей.

Среди документов премьера и неоднократного Министра И.Л. Горемыкина, например, находятся такие собственноручные распутинские обращения, два из которых приведем с сохранением орфографии и стиля: «Дорогой божей старче выслушай их ежели возможно извиняюсь Григорий»; «дорогой старче божей выслушай ево он пус твому совет и мудрости поклонитца роспутин».

Возникает вопрос, кому и зачем помогал Г.Е. Распутин. Как уже упоминалось, оказывал содействие он многим. Его квартира на Гороховой превратилась постепенно в своего рода «департамент ходатайств». Человека, близкого к Царю, просили «замолвить словечко» и помочь в разных случаях. В отдельные дни он принимал у себя на дому по несколько сот просителей.

Эта деятельность, о которой было так широко известно не в последнюю очередь благодаря распутинским запискам, вызывала общественное негодование. Как он смеет вмешиваться в государственные дела?! Это возмутительно и недопустимо! Подобные стенания часто можно встретить на страницах различных мемуаров и других свидетельств того времени.

На допросах в ЧСК А.А. Вырубова заметила, что к ней «все лезли со всякими вопросами» и что у нее «вечно не было покоя от них». При этом она часто просителей не только лично не знала, но раньше даже и не слышала о них. Все они стремились разжалобить сердце Царской подруги и добиться удовлетворения разных своих надобностей. То же самое, но в еще большей степени, происходило и с Г.Е. Распутиным. Для некоторых он стал последней надеждой, а для других — желанным шансом.

У Распутина имелись свои приближенные. В 1917 году ЧСК провела скрупулезное исследование того, кто же конкретно входил в распутинское окружение. Потребности революционного времени требовали выяснить и назвать всех поименно. Была

произведена своеобразная регистрация «распутинцев», при которой принималось в расчет участие в воскресных посиделках-собеседованиях у него на Гороховой, визиты в дом самого Распутина, переписка с ним и т. п. Однако это расследование никаких сенсационных открытий не сделало. Мало того, оказалось, что число «распутинцев» очень невелико: всего 68 человек.

Основную часть их составляли женщины, о которых невесть что говорили! Приняв безоговорочно все разговоры о любвеобильности Григория Распутина за правду, общественное мнение было почти единодушно: в его квартире на Гороховой собирались ненормальные, сексуально неудовлетворенные и психически неуравновешенные женщины, предававшиеся там, как считали многие, невероятному, «просто разнузданному разврату». Говорили, что он гипнотизировал сознание разговорами о любви, а затем «овладевал» очередной жертвой, которая уже не могла освободиться от его чар и оставалась преданной ему до конца. Так или примерно так рассуждали многие, от кухарок в богатых домах до собеседников в профессорских кабинетах.

Необходимо подчеркнуть, что многие дамы петербургского света из числа тех, кто посещал квартиру на Гороховой или принимал его у себя, никогда не забывали об огромной социальной дистанции, отделявшей их от «старца Григория». Они встречались с ним, слушали его приятные душевные беседы о

любви и смирении, но не забывали, что перед ними сидит простой мужик, который тем не менее близко стоит к Царю, вхож в его семью. При случае они были не прочь использовать это в своих сугубо земных, сиюминутных и суетных интересах. Затронем здесь вкратце одну примечательную в этом смысле историю.

В числе самых именитых «распутинок» часто фигурировало имя очень высокопоставленной дамы — жены дяди Царя Великого князя Павла Александровича Ольги Валерьяновны, до 1915 года носившей титул графини Гогенфельзен, а затем ставшей княгиней Палей. После заключенного в 1902 году морганатического брака Великий князь и его супруга, урожденная Карнович, почти десять лет провели в Париже, где ждали Царского прощения и дозволения вернуться в Россию.

Незадолго до начала Первой мировой войны они окончательно перебрались в Петербург, так как их брак был наконец-то признан и узаконен. Однако полного удовлетворения у графини не было. Она хотела заиметь княжеский титул, стать «светлостью», превратиться в полноправного члена Императорской Фамилии, войти в круг избранных, окружавших Императора.

Женское честолюбие не давало Ольге Валерьяновне покоя. Она жаждала добиться приема во Дворце, что означало окончательное признание. Однако Императрица Александра Федоровна не проявляла желания видеть новоявленную родственницу, считая ее одной из главных возмутительниц спокойствия в среде Романовых, женщиной, «окрутившей бедного Павла».

Для графини отказ от аудиенции был настоящей драмой, всю глубину которой мог понять только тот, кто вращался в среде русской аристократии. Она была безутешна. Что же делать? Как вымолить признание? Однако неожиданно удача оказалась совсем рядом! Сестра графини, Любовь Валерьяновна Головина, и ее дочь Мария Евгеньевна (Муня) были уже несколько лет поклонницами «старца Григория» и принадлежали к числу самых близких ему людей. Они-то и предложили Леле свести ее с этим человеком, для которого открыты души Царя и Царицы и который «может совершать невозможное».

За исключением Венценосцев, среди Романовых сторонников у Распутина уже не было, и графиня Гогенфельзен, пойдя на эту встречу, рисковала репутацией. Но другого выхода, как она считала, не было! Ее любимым девизом было: «Женщины возражений и поражений не признают» — и этим принципом руководствовалась всю свою жизнь.

Сохранившийся дневник графини-княгини содержит ряд интересных штрихов всей этой истории, когда Г.Е. Распутину удалось в первый и последний раз «внедриться» во внутримонархические отношения. Великие князья и Великие княгини, опасаясь людской молвы, всячески избегали с ним любых встреч.

Графиня же была человеком решительным и не боялась сплетен: за свою жизнь эта почти пятидесятилетняя женщина к ним привыкла. В конце января 1914 года состоялась знаменательная встреча, которую она описала так: «Утром пришел Бэби (ее сын от первого брака А.Э. Пистолькорс. — А.Б.) и мы должны были. сейчас пойти к Гр. Еф. Впечатление странное, но чарующее. Он меня целовал, прижимал к сердцу, “тяжко полюбил” и обещал, что все сделает “у Мамы” (Императрицы), хотя “Она строптивая”».

«Чарующее впечатление» скоро было омрачено, по ее словам, «дурной и тяжелой сценой», или, проще говоря, скандалом, который ей устроил Великий князь Павел Александрович, узнав об этом знакомстве. Он наотрез отказался встречаться с Григорием, о чем тот просил, «чтобы все окончательно устроить».

Однако сестра Люба и племянница Муня продолжали уверять: «отец Григорий» обязательно поможет, тем более что к графине у него возникла большая симпатия. Невзирая на возражения мужа, она втайне от него через несколько дней после первой встречи опять виделась с Распутиным накануне его намечавшейся поездки в Царское Село. Он собирался просить там за нее.

На следующий день после долгожданного визита, 3 февраля 1914 года, в девять часов утра — небывало раннее время для аристократки, она примчалась к Распутину на Гороховую, чтобы узнать подробности. Известия были обескураживающими: «Он с грустным и ласковым видом мне сообщил, — записала графиня, — что ничего не добился! В глазах Императрицы я все та же интриганка, желающая играть роль и одурачивающая даже его, Григория Ефимовича! Он говорил с 8 до 12 часов, и что слова его и Ани (Вырубовой. — А.Б.) сильно продвинули дело».

Хотя надежда оставалась, но она куда-то отодвигалась, а пока ничего не менялось. Еще через неделю она увиделась с Распутиным в доме своей сестры, и эта встреча вообще произвела на нее гнетущее впечатление. В дневнике запись: «Григ. Еф. заперся со мною в Любиной спальне, и я ничего не понимаю. Говорил, что любит меня так, что ни о чем другом думать не может, целовал меня, обнимал, и мой глаз не мог не заметить его волнение. Взял у меня по секрету 200 рублей! Господи, что это за

люди!»

Потрясение графини можно понять. Какой-то мужик ее обнимает, целует, объясняется в любви, а затем берет деньги! Господи, неужели все эти унижения не будут вознаграждены?

Она вместе с мужем вскоре отправилась в Париж, где отдыхала от всех переживаний на родине. Когда в мае 1914 года они вернулись в Петербург, то мечты графини стали осуществляться. Однако вряд ли тут определяющую роль сыграл Распутин. За Павла и его жену просили их родственники и некоторые влиятельные сановники, в числе которых были Великие князья Дмитрий Павлович, Кирилл Владимирович и Министр юстиции И.Г. Щегловитов.

Первой ее приняла Вдовствующая Императрица, а затем, 5 июня, — Александра Федоровна, которая, по наблюдению графини, «сначала волновалась и дышала тяжело, потом оправилась и мы говорили обо всем». После этого интерес графини к «отцу-утешителю» стал падать, и, наконец, проведя с ним вечер у сестры, 17 июня она записала: «Ничего он из себя не представляет». И хотя время от времени она продолжала встречаться с Григорием, но уже ни о каком «чарующем впечатлении» речи больше не шло.

Искренних и надежных последовательниц у Распутина было сравнительно мало. Среди них одной из самых надежных, если не считать самой верной, была упоминавшаяся выше племянница княгини Палей, дочь камергера Мария Евгеньевна Головина, которую Распутин всегда называл Муней.

Несколько последних лет жизни сибирского проповедника она виделась с ним очень часто, всегда с интересом и трепетом внимая его размышлениям и наставлениям.

Эта девушка (родилась в 1887 году) была по натуре очень верующей и добродетельной, много и постоянно помогавшей другим, а в годы Первой мировой войны работала медсестрой в госпитале. Ее желание помочь, угодить, услужить было хорошо известно, и эти ее качества ценила в ней Императрица. В 1917 году следователь ЧСК записал, что она в 1910 году «потеряла человека, которым увлеклась, и вследствие этого заболела каким-то нервным расстройством».

Трудно сказать, насколько это утверждение соответствовало действительности. Можно лишь с уверенностью констатировать, что она много лет безответно любила старшего брата князя Феликса Юсупова Николая, погибшего на дуэли в 1908 году. Она поддерживала «сердечные отношения» и с Феликсом. Именно Муня познакомила Распутина с князем Юсуповым, ставшим впоследствии его убийцей.

Молодая Головина, несомненно, была человеком, потерявшим опору в жизни и пытавшимся обрести ее «в отце Григории». Сохранилось примечательное письмо, отправленное Муней в начале июля 1914 года своей тетке графине Гогенфельзен вскоре после покушения на Распутина, в котором она объясняет свое видение этого человека. Подобных признаний сторонников Распутина сохранилось чрезвычайно мало, что придает документу особое значение.

«Дорогая Мама-Леля! Я была взволнована и напугана ужасным случаем с дорогим Григорием Ефимовичем! Благодарю Вас, дорогая Мама-Леля, за Ваше участие в нашем страшном беспокойстве за его жизнь. Эта жизнь так дорога для всех, кто его знает и понимает, что страх лишиться ее не может сравниться ни с чем. Это не только мое к нему чувство, это сознание, что среди нас живет такой человек, который добровольно взял на себя все наши тяжести и несет за них ответственность перед Богом, отдавая Ему всего себя, получая взамен от Бога все те богатые духовные дары, которыми он нас же питает, а от людей, ради которых он приносит себя постоянно в жертву, — одни насмешки, одно непонимание, одну холодность, неблагодарность и злобу! За его безграничную любовь и жалость к людям ему платят подозрением в самых низких чувствах, которые для него — служителя и избранника Божьего — давно не существуют! Клевета его всегда преследовала и будет преследовать, потому что в этом его подвиг и потому что истинных Божьих подвижников всегда презирали, гнали, судили и осуждали!».

Взгляд Муни на Григория Распутина очень близок, почти идентичен восприятию его Императрицей, которая судила о нем часто буквально в тех же выражениях. Эта уверенность не поддавалась никакой девальвации.

Глава VI. Полицейский микроскоп с фальшивыми линзами

Летом 1914 года имя Распутина вырвалось на первые полосы газет. Повод был неординарный: на Друга Царской Семьи было совершено покушение. Случилось событие 29 июня в селе Покровском. По описанию товарища Министра внутренних дел В.Ф. Джунковского, дело выглядело следующим образом.

«Распутин вышел из дому, направляясь в сопровождении сына в почтово-телеграфную контору. В это время какая-то женщина подошла к нему и попросила у него милостыню. Не успел Распутин ответить, как она, выхватив из-под платка большой тесак, ударила им его в живот, отчего Распутин упал, обливаясь кровью».

Сохранился и рассказ самого пострадавшего, которого уже в больнице опрашивал следователь, ведший дело о покушении на убийство.

«Вчерась, после обеда, часа в 4 дня, я побежал дать телеграмму и вышел из ворот своего дома на улицу; вижу, ко мне от правой калитки наших ворот подошла незнакомая мне женщина с завязанным ртом и лицом так, что видны были одни лишь глаза. Как ее звали, не знаю. С поклоном я приготовился дать ей милостыню и вынул из кармана портмоне. В этот момент у нее блеснул в руках предъявляемый мне кинжал, и она им меня один раз ткнула в живот около пупка, и я почувствовал, что из меня полилась кровь, сделала она это молча, а раньше как бы просила у меня милостыню. Я ее принял за прошательницу. Я бросился от нее бежать по улице к нашей церкви, поддерживая обеими руками рану на животе. За мной и побежала эта женщина с кинжалом, и мы добежали до моста Дорофеевых. Собрался народ, и меня не стала резать эта женщина».

Полиция арестовала злоумышленницу, а местный исправник провел проверку жителей Покровского на предмет наличия подозрительных элементов. И один такой «элемент» обнаружился: корреспондент из Петербурга, по происхождению мещанин Киевской губернии, Вениамин Борисович Дувидзон (псевдоним «Паганини»), у «коего установленного вида на жительство не оказалось». Причину своего пребывания в Покровском он внятно объяснить не мог, но и его причастность к покушению не просматривалась. Корреспондента отпустили.

Злоумышленницей оказалась тридцатитрехлетняя крестьянка Сызранского уезда Симбирской губернии Хиония Гусева,

почитательница Илиодора. На первом же допросе она сразу признала свою вину и объяснила причину. По мнению этой больной сифилисом несчастной, Распутин, как она убедилась из наставлений «кроткого Илиодора», на самом деле «лжепророк, и она, ревнуя о правде Христовой, решила его убить, подобно тому, как Святой Илья Пророк ножом убил 400 лжепророков». Неофитка Илиодора утверждала, что соучастников у нее не было, «убийство задумала она одна».

Вопрос о том, сама Гусева подняла нож или кто-то ее все-таки направлял, возник сразу же. Никаких прямых указаний на заговор не имелось, но существовали некоторые удивительные странности. Главный вопрос: как оказался и что делал упомянутый Дувидзон в Покровском? Ждал события? Получалось, что дело обстояло именно так. Он первый сообщил в Петербург о покушении, а через два дня в газете «Петербургский курьер» за его подписью появляется интервью с Гусевой. Ясно, что этот обширный первоочередной материал был переправлен в столицу по телеграфу и, можно себе представить, в какую «копеечку» он обошелся редакции. Но на сенсациях не экономят.

Шедевр Дувидзона под названием «Исповедь Гусевой» перепечатали и другие издания с желтой окраской и либеральной ориентацией. Сюжет просто «хватал за душу» и «рвал сердце» своей проникновенной страстностью. Поклонница Илиодора и последовательница Ильи Пророка, «истерически рыдая», поносила Распутина на всю страну.

«Пользуясь полной безнаказанностью, он открыто живет с девушками, пороча честь без зазрения совести, без стыда. Мою близкую подругу, Ксению, он растлил на моих глазах. Он порочит, поносит и губит людей, пользуясь своим влиянием. Он сгубил кроткого Илиодора! Я — простая христианка, но больше не могла выносить поругания церкви! Я неизлечимо больна. Жизнь моя мне не дорога. Я еще в прошлом году пыталась убить его, но это мне не удалось. В Ялте я не могла добраться до него, его скрывали светские поклонницы. Жалею, что рука и на сей раз дрогнула».

Уловили лейтмотив, стержневой во всей этой тираде? Именно «безнаказанность» и «влияние» должны были здесь сыграть главную роль. Любому читателю было в то время ясно, что подобный «мерзавец» мог творить свои черные дела лишь под надежным прикрытием сильных мира сего. А кто же в тот период из кругов «просвещенной публики» не знал, кто стоял, кто покрывал, кто защищал «растлителя» и «богохульника»? Знали все, и даже вопроса не задавали. Возмущались и негодовали не столько даже по поводу поведения самого Распутина, сколько его

высокопоставленных покровителей. В контексте такого мировосприятия Гусева представала не психопаткой-уголовницей, а «несчастной жертвой режима». Черный пиар приносил свои ядовитые плоды. И когда одним из первых решений Временного правительства стало распоряжение А.Ф. Керенского об освобождении Гусевой, то удивляться уже не приходилось.

Однако вернемся к тексту «интервью», которое было так оперативно добыто Дувидзоном. Пиар-продукт вообще, а данный продукт в частности, рассчитан на то, чтобы его потребляли, не задумываясь, как знакомое и понятное кушанье. Он нацелен лишь на подтверждение и укрепление определенного мировоззренческого стереотипа. Любое критическое осмысление для него смерти подобно; глупость и фальшь высвечиваются сразу же. То же самое происходит и в данном случае.

Ни одна газета не задалась, казалось бы, таким уместным и логичным вопросом: насколько вопли «рыдающей» правдивы? Когда речь идет о бульварной прессе, для которой «горячая информация», «сенсация» — главные источники существования и доходности, то здесь не о чем и говорить.

Однако ложь «оскорбленной христианки» без смущения публиковали и «гранды» отечественной печати, претендовавшие на респектабельность, исповедовавшие «либеральные ценности». Скажем, газета «Утро России», издаваемая на деньги крупных предпринимателей «прогрессивного направления» во главе с известным промышленным и банковским дельцом Павлом Павловичем Рябушинским. Это издание «скушало» поделку Дувидзона без всяких сомнений.

«Прогрессивные капиталисты», как еще раньше и звезды политического Олимпа в лице таких деятелей, как Гучков и Родзянко, просто потеряли способность адекватно воспринимать окружающий мир. Если Александра Федоровна ничему не верила из того, что хоть как-то чернило Ее духовного наставника, то многие другие всему верили.

Если вернуться к вышеозначенному «интервью», то уже его текст вызывает недоумение. Сама Гусева, как можно заключить из приводимых слов, с Распутиным лично знакома не была. А как же «растление на глазах»? Что же делала в тот момент «зрительница», эта «жертва режима»; она что, акафисты читала или свечки у образов зажигала? Глупость, да и только. «Дело Ксении» в предыдущих главах уже было разобрано, и не будем к нему возвращаться.

Примечателен во всем этом эпизоде не бред несчастной сифилитички, а совсем другое. Никакого интервью после ареста у Гусевой никто не брал, да и вообще никто из посторонних к ней

не допускался. Это со всей категоричностью было заявлено чинами полиции сразу же после появления в печати «исповеди».

Значит, одно из двух: или Дувидзон выдумал все от начала и до конца, или он «взял интервью» еще до покушения. В первом случае подозрение в соучастии кажется малоубедительным.

Если же дело развивалось по второму варианту, то тогда журналист не просто «случайный очевидец», а соучастник готовившегося преступления. Согласно правовым нормам, действовавшим в России, знание преступного умысла и недонесение о готовящемся преступлении — уголовно наказуемое деяние. Однако «Паганини» не только не был привлечен к делу ни в каком качестве, но у журналиста не были взяты даже показания о причине его местонахождения в момент покушения в столь неожиданном месте. К причине такой странной оплошности местной полиции вернемся чуть позже.

Пока же обратим внимание на другое. Вскоре после покушения Распутину в Покровское из Петербурга пришло послание без подписи, гласившее: «Я вышел победителем из этой борьбы, а не ты, Григорий, — писал аноним, опровергая старое утверждение Распутина, что “его охраняет Бог”, который отведет от него любую злую руку. — Твой гипноз рассеялся как дым, под лучами солнца. Говорю тебе, что ты умрешь, несмотря ни на что. Я — твой мститель. Узник». Это послание было тут же передано полиции, при этом Распутин заявил, что оно принадлежит Илиодору, «почерк которого я немного знаю». Распутин не ошибся, на самом деле так оно и было.

В русле прерванного изложения примечательно не само это «демоническое послание», а один сопутствующий момент. О его содержании знал не только Распутин и чины полиции, приобщившие данный документ к делу о покушении. О нем знал и вездесущий Дувидзон, упомянувший о нем в своих «горячих репортажах». Тут невольно напрашивается вывод о том, что журналист — «соучастник покушения.

Конечно, сам по себе репортер, невзирая на всю его нахрапистость и оборотистость, являлся слишком «мелкой сошкой», чтобы спланировать и осуществить столь громкую акцию. Если за всем этим стояла какая-то организация, то во главе ее находились куда более масштабные фигуры. Однако никаких документальных подтверждений версии о наличии подобной организации не обнаружено.

Более правдоподобным кажется предположение о существовании сговора ряда лиц, в числе коих Гусевой отводилась лишь роль пешки-исполнительницы. Трудно сомневаться в том, что Илиодор принимал здесь живейшее

участие. Кто-то и в Петербурге был к этому делу приставлен, так как послание «Узника» было отправлено из столицы, где Илиодор в тот момент не находился.

Более точные и подробные данные вряд ли когда-нибудь обнаружатся. Но существует одна деталь, которая позволяет предполагать наличие у этой постановки тайных и могущественных режиссеров. Как было отмечено, Дувидзона при задержании в Покровском даже не опросили и очень скоро отпустили на все четыре стороны. Обоснование освобождения: поступивший приказ из Петербурга. Кто его отдавал конкретно, что в нем буквально значилось, о том следов в архивных делах нет.

Почему вообще задержание в далекой Сибири некоего лица, находившегося там без регистрации, то есть совершившего административное правонарушение, вызвало такую молниеносную реакцию высокопоставленных инстанций в столице Империи? Вряд ли выяснится когда-то вся подноготная этого темного дела. Однако некоторые предположения, обусловленные косвенными документами и знанием общих социальных условий, сделать можно.

В тот момент, когда Гусева бегала по Покровскому с ножом за Распутиным, все сколько-нибудь важные дела охраны порядка и полицейского дознания прямо или косвенно были подконтрольны товарищу Министра внутренних дел генералу В.Ф. Джунковскому. О нем речь подробно шла выше, и повторяться тут нет смысла. Обратимся к его воспоминаниям, где, как уже отмечалось, он подробно, с живописными деталями, излагал историю «разгула» Распутина в ресторане «Яр» и «дебош» на пароходе.

Случай с покушением Гусевой он описывает необычно кратко. Изложив его очень приблизительно, в нескольких строках, заявляет, что «дело это пустяшное». О том же, что расследование «пустяшного случая» происходило под наблюдением Министра юстиции, что несколько месяцев проводились дознания, о наличии послания Илиодора и ряде других обстоятельств дела он вообще не упомянул.

Примечательно, что Министр внутренних дел Н.А. Маклаков отдал своему заместителю Джунковскому письменное распоряжение в связи с этим покушением «истребовать с места подробные сведения об этом деле, взять расследование под ближайшее наблюдение». И как же выполнил этот приказ подчиненный? Никак. В своих воспоминаниях, комментируя этот эпизод, генерал меланхолично заметил, что «подробные сведения о деле мне запрашивать не пришлось, я уже их имел, да и все

газеты были полны ими, под ближайшее наблюдение взять расследование тоже не пришлось, так как оно пошло судебным порядком».

Это пассаж выдает двурушничество Джунковского с головой. Распоряжение Министра было датировано 30 июня, покушение состоялось 29 июня, а уже в день получения письма Министра генерал подробные сведения «уже имел». От кого? Каким образом? Местные полицейские власти в Тюмени их еще не имели, а командир жандармов в Петербурге их «уже имел». Чудо, да и только!

Совершенно абсурдным выглядит и ссылка на сообщения газет о событии, которые почему-то отменили необходимость специального полицейского дознания. Неужели генерал не знал, что подобные вещи не являются взаимозаменяемыми? Конечно, он все знал и все понимал, но, очевидно, надеялся на невежество читателей, которым и адресовал столь примитивные объяснения. Уж лучше бы ничего не писал.

Ни разу не прозвучало на страницах воспоминаний Джунковского и имя Дувидзона. В других случаях имена кучеров, *censored*ТОК и официантов называл, а тут промолчал. Не знал? Сомнительно. Во-первых, фамилия этого репортера часто мелькала на страницах столичных газет, а, во-вторых, все, что касалось Распутина, генерал Джунковский никогда не пропускал мимо своего внимания. А тут взял и пропустил. Конечно, исходя из этого умолчания, нельзя выводить «факт соучастия», но такая избирательность при описании событий у Джунковского невольно рождает, по крайней мере, удивление.

Может быть, Джунковский и ни при чем, но существуют признания другого полицейского «мэтра», занимавшего до начала 1914 годапост директора Департамента полиции — Степана Петровича Белецкого, который вскоре после «вылета» Джунковского со службы в августе 1915 года занял должность товарища Министра внутренних дел. Оба эти господина, хоть и должны были делать одно дело, но друг с другом не ладили. Однако в данном случае интерес представляют не их отношения, а исповедь Белецкого в казематах Петропавловской крепости после крушения Монархии.

Сломленный морально и физически, потерявший опору и надежду, бывший сановник написал целый трактат признаний, где рассказал не только о том, что знал и что было, ной о том, чего не знал и чего не было. В одном из мест этой сумбурной и путаной исповеди вдруг совершенно неожиданно всплывает имя упомянутого журналиста Дувидзона (Давидсона). Оказывается, он «специализировался» на Распутине и в качестве такового

пользовался большим спросом в столичных редакциях.

Пресловутый Дувидзон-Паганини не только следовал по пятам за своим героем и «кормильцем», но одно время был вхож в его дом, где стал разыгрывать роль претендента на руку старшей дочери Распутина Матрены. Игра в жениха продолжалась недолго. Вскоре бесстыжего «щелкопера» из распутинского дома изгнали, когда узнали о его порочащих статьях.

Для того чтобы представить, какой просто подзаборный уровень являла собой журналистика Дувидзона, приведем отрывок из одного из его репортажей о Распутине: «Нарочито ест “руками” за общим столом в аристократических домах и дает облизывать свои засаленные пальцы высокопоставленным поклонникам. “Смирись, смирись, графинюшка, — говорит он. — Смирением одолеешь беса. Ну-ка, пальцы-то у меня данные от варенья твово слижь, будь другом”, - и графиня в присутствии многочисленной челяди обслужила пальцы старца».

Пошлого писаку никогда ни в одном приличном доме не принимали, так что судить о том, какая обстановка царит там, он мог, лишь опираясь на свою жалкую фантазию. Удивительно другое. Почему никто из рядов благородного сословия, читая такую чушь, не увидел здесь оскорбления всей своей родовой корпорации, почему никто не возмутился, и уж если не потребовал сатисфакции (с щелкоперами на дуэли драться было ниже всякого достоинства), то уж, по крайней мере, не набил физиономию. Однако никто не возмутился и никто Дувидзона не «проучил действием». Да, дворянство действительно явно вырождалось.

Однако вернемся к признаниям Белецкого. Наиболее интересны в них данные о том, что именно благодаря ему — начальнику Департамента полиции — пресловутый «Паганини» оказался в Петербурге и получил здесь право на жительство. Это еще не все. Бывший шеф полиции обронил признание, что он этому журналисту «давал деньги из секретного фонда полиции». Именно из этих средств оплачивались все тайные операции полиции и строго законспирированные сотрудники-осведомители. Этому утверждению Белецкого можно верить: вербовка сотрудников и их содержание входили в его прямую компетенцию.

Неизвестно, какую иную осведомительную деятельность выполнял сексот «Паганини», но его распутинский «скрипичный концерт» прогремел на всю Россию, а отзвуки его до сих пор звучат на страницах некоторых сочинений. Исходя из признаний Белецкого, можно предположить, что как только весть об аресте «Паганини» долетела до Петербурга, то там сразу же дали

команду отпустить «нашего человека». С большой долей вероятности можно утверждать, что подобного рода санкция исходила от всесильного тогда генерала Джунковского. Двойная, ато и тройная игра для таких людей давно стала служебной повседневностью.

Покушение на убийство Распутина стало на несколько дней первоочередной сенсацией в российской прессе. Сообщения о подробностях происшествия публиковались под броскими заголовками на страницах всех крупных газет. Регулярно сообщалось и о состоянии здоровья легендарного Григория. Рана была серьезной, и первые день-два даже распространились сведения о его смерти. Многие ликовали. Другие же горевали и переживали.

Потрясение испытала Царская Семья и особенно Императрица, пославшая семье «доброго Друга» и ему самому несколько телеграмм. «Глубоко возмущены. Скорбим с Вами. Молимся всем сердцем. Александра» (30 июня), «Мысли, молитвы окружают. Скорбим неописуемо, надеемся на милосердие Божие. Александра» (2 июля).

Сочувствие выражали и другие, в том числе и те, кто не был сколько-нибудь близок к Распутину, но решил, воспользовавшись удобной минутой, засвидетельствовать свою преданность Царской Семье таким необычным путем. Старый светлейший князь, флигель-адъютант и обер-егермейстер (заведующий Императорской охотой) Д.Б. Голицын послал телеграмму: «Глубоко возмущены ужасным злодеянием, молим Бога о ниспослании исцеления защитнику сирых и обиженных». Через несколько дней его сын, Н.Д. Голицын, последовал тому же примеру: «Глубоко потрясены известием о зверском покушении на Вашу жизнь. Молимся Вам здоровье. Семья князя Голицына».

Для близких же к Распутину лиц происшедшее стало настоящим потрясением. Преданная Муня Головина в своем эмоциональном послании восклицала: «Дорогой, дорогой Григорий Ефимович! Это мое первое письмо после того ужасного

злодейства, которое перевернуло всю душу и заставило еще больше убедиться, что Вы, как солнце, освещаете нашу жизнь и разгоняете мрак, что при одной мысли, что Вас могут у нас отнять, мрак этот стал надвигаться со всех сторон, и свет померк. Я только и прошу у Бога научить меня, как Вам помочь, чем послужить и доказать все то, что я чувствую».

Покушение изменило общественный статус крестьянина Тобольской губернии. Уже 30 июня 1914 года Император отправил Министру внутренних дел Н.А. Маклакову телеграмму: «В селе Покровском Тобольской губернии совершено покушение на весьма чтимого нами старца Григория Ефимовича Распутина, причем он ранен в живот женщиной. Опасаясь, что он является целью злостных намерений скверной кучки людей, поручаю Вам иметь по этому делу неослабное наблюдение, а его охранять от повторения подобных покушений». Отныне Григорий Распутин стал находиться под постоянным полицейским контролем, что, впрочем, его не спасло.

Вернулся Распутин в столицу уже после начала Первой мировой войны, в конце августа 1914 года, и сразу же встретился с Венценосцами. 22 августа Царь записал: «После обеда видели Григория, в первый раз после его ранения». Началась последняя глава жизни этого человека.

Именно эта глава в наибольшей степени обеспечена разнообразным документальным материалом.

Два года — с конца 1914-го до конца 1916-го — чаще всего и привлекают «распутиноведов» всех мастей. Во-первых, потому, что, как утверждается, именно в это время крестьянин из Сибири стал «почти правителем» Российской Империи, а во-вторых, потому, что этот период насыщен «бесспорными свидетельствами», которые, как заметил один специалист от истории, «оспорить невозможно».

Здесь на первом месте стоят данные полицейских агентов о времяпрепровождении Распутина. В ряду «краеугольных камней» «Распутиниады» этот безусловно самый крупный, особо весомый и наиболее значимый. К нему мы и обратимся.

Как следовало из приведенного выше приказания Императора, с лета 1914 года полицейской службе вменялось в обязанность охранять жизнь Григория Распутина. Однако интерес к его личности полиция начала проявлять значительно раньше. На первом этапе, еще при П.А. Столыпине, собирали надежные сведения об этом странном человек. Начался первый период полицейского «дознания» в 1910 году, и в том же году закончился.

Генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов, тогдашний

товарищ Министра внутренних дел (в тот момент Министром являлся премьер П.А.Столыпин) и командир Корпуса жандармов, вел все это дело. Позже в своих воспоминаниях он написал, что получил приказание от Столыпина составить на основании данных Департамента полиции письменный доклад о Распутине. «Данные эти касались главным образом его частной жизни, в которой отмечались кутежи, заканчивавшиеся иногда скандалами, любовь к женщинам и сношения с целым рядом авантюристов, его, по-видимому, эксплуатировавших». Курлов не уточнил, когда точно он составлял доклад, но по имеющимся обмолвкам можно заключить, что дело происходило как раз в 1910 году.

Доклад, составленный для Столыпина, до сего дня не найден. Трудно сказать, какие именно «данные» позволили Курлову заключить, что Распутин вел тот образ жизни, который ему привиделся. Сам генерал-лейтенант с Распутиным в тот период не общался. Один раз они виделись в присутствии Столыпина, но Курлов играл тогда лишь роль наблюдателя. Интересно другое. Несмотря на нелицеприятную оценку, которую якобы давали уже в тот ранний период «полицейские данные», генералу Курлову пришлось-таки близко сойтись с Распутиным.

После того как Курлов потерял все свои высокопоставленные посты в результате покушения на Столыпина в сентябре 1911 года, когда его стали обвинять не только в халатности, ной в «пособничестве», отставленный генерал-лейтенант превратился чуть ли не в изгоя. Тогда, а именно в начале 1912 года, ему удалось познакомиться и близко пообщаться с Распутиным.

Насколько можно судить, разговор был долгий и «носил общий характер». Впечатления у генерала остались совершенно иные, чем двумя годами ранее. «На этот раз меня поразило только серьезное знакомство Распутина со Священным Писанием и богословскими вопросами. Вел он себя сдержанно и не только не проявлял тени хвастовства, но ни одним словом не обмолвился о своих отношениях к Царской Семье. Равным образом я не заметил в нем никаких признаков гипнотической силы. И, уходя после этой беседы, не мог себе не сказать, что большинство циркулировавших слухов о его влиянии на окружающих относится к области сплетен, к которым всегда был так падок Петербург».

Потом у Курлова случились и другие неофициальные встречи с Григорием Распутиным, и ни разу он лично не удостоверился в каких-либо непозволительных высказываниях или «непотребном» поведении этого человека. Однако существовал тот свод данных — доклад 1910 года, который навсегда запечатлелся в памяти

генерала. Мы не знаем, какие материалы легли в его основу, но есть основания полагать, что ими явились главным образом те самые «сплетни», которые, как справедливо заметил Курлов, так «любили в Петербурге».

В очередной раз хочется подчеркнуть одно важное обстоятельство. Распутина шельмовали в первую очередь потому, что он был «непозволительной фигурой», потому, что он, вопреки своему происхождению и положению, попал туда, куда являться ему, по всем канонам чиновно-дворянского мира, было «неположено».

Здесь крылась главная причина нелюбви, а потом и ненависти, которую Распутин вызвал в среде служилого люда и в среде благородного сословия. Поэтому многие свидетельства и сообщения о Распутине тенденциозно интерпретировались даже в тех случаях, когда никакой установки на это ни от кого и не поступало. Думается, что генерал Курлов, пересказывая выводы доклада 1910 года, тоже принял сплетни за реальность, а затем и упомянул об этих «фактах» в своих воспоминаниях.

Для того чтобы яснее представить, в каком направлении развивалось исследование обстоятельств жизни Распутина, приведем два документа с грифом «секретно», относящихся к началу 1910 года. Первый — рапорт жандармского унтер-офицера из Покровского о жизни Распутина.

«Распутин Григорий Ефимович отроду имеет около 45 лет, крестьянин Тюменского уезда села Покровского, семейный, занимается хлебопашеством. Постоянно ездит в Россию, бывает даже в Петербурге, имеет даже знакомство с Милицей Николаевной, которая была в 1907 году в селе Покровском, посылает постоянно из России деньги переводом Распутину. Живет богато, помогает бедным своим односельчанам. Образ жизни ведет трезвый. Иеромонах Иллиодор (так в тексте. — А.Б.) был в селе Покровском, был с целью, чтобы расширить церковь больше. Хотел пожертвовать двадцать тысяч. По этому поводу приезжал, где пробыл около пятнадцати дней. Около 20 декабря выехали вместе с Распутиным, по сведениям, в Петербург». Под донесением стоит дата 4 января 1910 года и подпись: унтер-офицер Прилин.

Такой рапорт ушел к уездному начальству в Тюмень. Там на основании этого материала жандармский ротмистр Калмыков для своего губернского начальства в Тобольске составляет доклад, где появляются неожиданные штрихи на портрете героя.

«По собранным на месте данным оказалось, что Григорий Ефимович Распутин возраст имеет около 45 лет, крестьянин села Покровского Тюменского уезда, семейный, занимается

хлебопашеством и вообще в домашнем быту ведет образ жизни, как и все его односельчане, исполняя всю крестьянскую работу. Смолоду отличался разными поступками, то есть пьянствовал, занимался мелкими кражами и прочее. Затем куда-то исчез и на родине появился снова лет пять тому назад духовно переродившимся, то есть стал необыкновенно религиозным. Помогает бедным советом и материально. В средствах не нуждается, так как почти со всех концов России получает денежные переводы от разных лиц, включая сюда и высокопоставленных. В народе слывет “праведным” и “прозорливым”. Иногда ездит в Россию, бывает в Москве и Петербурге, как указывают, у высших духовных лиц, а весной 1907 года к нему инкогнито изволила приезжать Ее Императорское Высочество Великая княгиня Милица Николаевна. Иеромонах Иллиодор приезжал в Покровское с целью, как говорят, расширить местную церковь и хотел на это дело пожертвовать 20 000 рублей, но почему-то факт этот осуществлен не был. Пробыл в Покровском около 15 дней, Иллиодор выехал вместе с Распутиным 20 декабря минувшего года, как слышно, в Петербург. Когда Распутин вернется обратно в Покровское, сведений не имеется». Дата этого «второго донесения» 7 января 1910 года.

Прошло всего три дня, а какая проведена «вивисекция» информации! Упоминание в рапорте унтер-офицера о том, что Распутин «образ жизни ведет трезвый» вообще пропадает. В то же время сколько новых подробностей появляется! Тут и пьянство, и кражи, и «прочее». Можно только догадываться, какие новые «подробности» были добавлены уже в Тобольске, прежде чем отправить полицейскую сводку в Петербург, где она легла на стол генерала Курлова. Судя по тому, что он рассказал в воспоминаниях, там уже живописались и «связь с женщинами», и «скандалы», и «связь с аферистами».

Возглавивший в начале 1912 года Департамент полиции С.П. Белецкий по сравнению с Курловым отличался куда большей ретивостью в деле добывания агентурных данных о Распутине. Этот энтузиазм подпитывался тем, что его непосредственные начальники, Министры внутренних дел А.А. Макаров (с 20 сентября 1911 года по 16 декабря 1912 года) и сменивший его Н.А. Маклаков (находился на посту до 5 июня 1915 года) испытывали стойкое отвращение к «грязному мужику». Подобное настроение было характерно и для премьера В.Н. Коковцова, который заменил убитого Столыпина в сентябре 1911 года и сохранил эту должность до начала 1914 года. Настроению начальства надо было «потрафлять», и С.П. Белецкий очень

старался.

В начале 1912 года, когда развернулась публичная кампания поношения Распутина, Царь попросил Министра внутренних дел А.А. Макарова организовать охрану жизни Распутина. Министр поручил это дело Белецкому.

Об этом господине стоит сказать несколько слов. Он родился в 1873 году и не отличался знатностью рода, но в силу своего усердия и умения угождать начальству довольно быстро сделал удачную карьеру. После окончания юридического отделения Киевского университета он служил в канцелярии Киевского генерал-губернатора. Затем женился на дочери генерал-лейтенанта, уже в 1899 году добился должности заведующего канцелярией Ковенского генерал-губернатора. В 1907 году, в возрасте 34 лет, его назначают Самарским вице-губернатором, а 31 июля 1909 года он возносится и того выше — получает должность вице-директора Департамента полиции; в самом же начале 1912 года возглавляет это подразделение Министерства внутренних дел.

Здесь уместно дать одно пояснение. В составе МВД имелось два структурных подразделения с полицейскими функциями: Корпус жандармов и Департамент полиции. Корпус, имевший мощную военизированную структуру и сеть отделений по всей Империи, должен был заниматься делами охраны. Департамент же полиции — это, по сути дела, тайная полиция государства, занимавшаяся полицейским розыском и имевшая сеть осведомителей. На практике оба этих подразделения существовали в тесном взаимодействии, обусловленном и схожестью функций, и тем, что руководитель Департамента полиции напрямую подчинялся шефу Корпуса жандармов, которым обычно являлось одно и то же лицо: или сам Министр, или его заместитель.

Для того чтобы стать в тридцать девять лет директором тайной полиции, надо было обладать способностями незаурядными. Белецкий ими обладал. Он прекрасно понимал, что, заняв одно из ключевых мест в системе Министерства внутренних дел, должен проявлять чудеса служебной эквилибристики, тонко улавливать малейшие изменения настроений среди различных группировок наверху власти. Его должность, позволявшая получать конфиденциальную информацию самого различного свойства, открывала большие возможности. Он старался этим воспользоваться в полной мере.

Распутин, который к моменту занятия Белецким должности директора Департамента полиции все еще являлся неразгаданной шарадой, чрезвычайно его заинтересовал. Необычное Царское

распоряжение об охране «этого мужика» лишь умножило интерес. Он знал, что при Курлове проводилось полицейское дознание, но, как быстро установил начальник тайной полиции, его «следов в Департаменте не осталось».

Белецкий решил полностью во всем разобраться и стать хранителем уникальной информации, которая ему, как он не сомневался, пригодится в собственных карьерных видах. В 1912 году полицейское наблюдение за Распутиным возобновляется. Главную же задачу начальник полиции видел не в «охране», а в сборе информации. Сам Белецкий позднее обрисовал свой план, который он и претворял в жизнь.

«Мною с полковником Коттеном был выработан план охраны, сводившийся к командированию развитых и конспиративных филеров (агентов. — А.Б.), коим было поручено, кроме охраны Распутина, тщательно наблюдать за его жизнью и вести подробный филерский дневник, который, к моменту оставления мною должности, представлял собой в сделанной сводке с выяснением лиц, входивших в соприкосновение с Распутиным, весьма интересный материал к обрисовке его, немного односторонне, не личности, а жизни».

Ясное дело, что этот замысел не вытекал из Царского повеления, предусматривавшего только охрану Распутина. Но на закате Монархии воля Императора не являлась уже для многих должностных лиц непререкаемым законом. Они «делали свою игру». Не составлял исключения и Белецкий.

В соответствии с давней полицейской традицией надо было «заагентурить» осведомителей. Это оказалось непросто. Пришлось специально посылать своего человека для жительства в Покровское. Завербовать же агентов из односельчан Распутина не удалось, так как, по словам Белецкого, «крестьянство местное жило с ним в хороших отношениях, и он многое сделал для своего селения».

Ну, естественно, какой может быть ценный агент, если он находится с «объектом наблюдения» в «хороших отношениях». Не дай Бог, станет посылать «розовые сводки». В Петербурге же ждали совсем иного.

Белецкий задумал составить досье с компроматом, чтобы использовать его в своих видах. И он его составил. Все, что поступало к директору Департамента полиции, в «письменной форме я держал у себя в служебном кабинете и не сдавал в Департамент; и при моем уходе я эти сведения в форме дела оставил в несгораемом шкафу, внеся его в опись, представленную мною Н.А. Маклакову, но на другой день, по требованию Маклакова, в числе нескольких других дел, его

заинтересовавших, ему сдал и это дело. У себя лично я только оставил копию сводки его (Распутина) образа жизни».

Итак, высшие государственные служащие — Министр внутренних дел и директор тайной полиции — самовольно организуют целую полицейскую акцию, которая длится два года. Мало того, получаемую информацию директор Департамента полиции заносил в особое досье, которое находилось в его личном распоряжении, а после удаления с поста «оставил у себя копию» служебных бумаг. Это просто вопиющий случай служебного самоуправства!

При этом речь шла не о досье на врагов государства, которых в тот момент было более чем достаточно и которых Департамент полиции успешно «разрабатывал». В руководящих органах революционных партий России тайная полиция имела немало «ценных сотрудников». В Департаменте полиции знали не только, о чем говорил и что делал в тот или иной момент лидер большевиков Владимир Ульянов-Ленин в своем эмигрантском далеке. Руководители полиции могли получать надежную информацию о нюансах повседневного времяпрепровождения «пламенных революционеров» вплоть до ежедневных меню. Но вне рамок служебных занятий быт и нравы революционной среды Белецкого не занимали, эти данные он не копировал.

Он собирал материал на человека, которого принимали Венценосцы и которого он, как глава тайной полиции, обязан был лишь охранять. Удивительно, но в близком окружении Распутина не нашлось человека, которого полиции удалось бы «заагентурить». Поэтому информацию получали от тех, кто должен был выполнять функцию охраны. К Распутину был прикомандирован постоянно целый наряд в составе 8—10 полицейских. Филеры поставляли сведения, которые Белецкий собирал, «обрабатывал» и «конфиденциально» показывал премьеру В.Н. Коковцову, Великому князю Николаю Николаевичу, чете Богдановичей и некоторым другим лицам, горевшим желанием «разоблачить Распутина».

Неизвестно, какие именно «факты» были представлены на обозрение сим лицам, но, судя по тому, как опростоволосился Николай Николаевич, можно судить об их откровенной тенденциозности. Когда Великий князь в 1914 году решил провести «решительное объяснение с Ники», то он очень рассчитывал на информацию Белецкого, любезно ему и предоставленную. Встретившись с Монархом, двоюродный дядя стал убеждать Его «изгнать Распутина», который «позорит Династию», подрывает веру в Царя. По словам Великого князя, это «развратник» и «хлыст».

Осталось неустановленным, какие чувства испытал Николай II во время этого разоблачительного монолога; ведь его поносил тот, кто некоторое время назад был самым горячим сторонником старца, но когда дошло дело до «фактов», то тут же возразил. Во-первых, «хлыстовство», твердо заявил Монарх, было опровергнуто расследованием духовной консистории. Что же касается «разврата», то ведь в этот вечер, который, по данным Николаши, Григорий якобы пировал в обществе женщин легкого поведения в ресторане, весь тот вечер Распутин провел вместе с Их Семьей. Николай Николаевич был обескуражен и бесславно ретировался и больше за «надежной информацией» к Белецкому не обращался.

Великий князь Николай Николаевич и его жена «ненаглядная Стана» (Анастасия) последние годы просто люто ненавидели не только Распутина, но и Императрицу. Великий князь даже не стеснялся прилюдно делать публичные заявления такого рода, на которые другие ненавистники не осмеливались. Вот образчик его размышлений в Ставке в 1915 году, сохраненный для потомства протопресвитером отцом Георгием Шавельским: «В Ней — все зло. Посадить бы Ее в монастырь, и все пошло бы по-иному, и Государь стал бы иным». Эти слова не какой-нибудь генеральши Богданович, а члена Династии!..

Период «охраны» в 1912 году продолжался всего несколько месяцев и в конце того же года по распоряжению Царя был прекращен. Насколько можно судить, Николай II так и не узнал той горькой правды, что руководство полиции выполняло не столько приказ об охране Друга Его Семьи, сколько занималось главным образом сбором компрометирующих сведений. Всего этого Царь не ведал. Поэтому, когда после покушения Гусевой отдал теперь уже письменное повеление начать охрану Распутина, Ему и в голову не могло прийти, что сие распоряжение лишь только усилит деятельность по сбору дискредитирующих сведений и раздует антираспутинскую истерию в стране.

Обратимся теперь к главным документальным результатам полицейской «разработки» Распутина, но прежде проясним несколько вопросов. Что собирали? Кто собирал? Как обрабатывали и как препарировали информацию?

Уже замечено выше, что существовало как бы три периода, когда полиция интенсивно собирала сведения о Распутине. Первый, «курловский», о котором сохранилось чрезвычайно мало сведений, а итоговые материалы, которые составлялись в высоких полицейских кабинетах Петербурга, до нас вообще не дошли.

Второй этап, «период Белецкого», пришелся на 1912 год, и он тоже не отличается обилием сохранившегося материала. Однако

в это время были отработаны приемы и методы сбора исходной информации. Важно то, что сохранились поденные филерские донесения о поездках и встречах Распутина, которые фиксировали агенты полиции.

Ценность этого первичного материала в том, что их не касалась рука «обработчиков». Остановимся на этих документах подробней, тем более что «профессиональные разоблачители» эти материалы не тиражировали и не популяризировали. Некоторые из этих донесений впервые появились в печати уже в наше время в книге О.А. Платона о Распутине.

Прежде чем цитировать данные документы, поясним некоторые аспекты технологии. Агент (филер) или агенты в конце каждого дня наблюдения за «объектом» составлял описание виденного. В них Распутин шифруется кличкой “Русский”, а его поклонницы еще более живописными прозвищами, не все из которыхудалось раскрыть: “Ворона” (М.А. Сазонова), “Галка” (Ю.А. Ден). “Ряженая” (О.В. Лахтина) и так далее.

Перед нами донесение за 19 ноября 1912 года. “Русский”, Николаевская ул., дом № 70. В 9 час. утра на извозчике приехала “Ворона”. А в 9.30 утра пришел к “Русскому” неизвестный монах. В 10 час. утра “Русский”, “Ворона”, “Банная” и неизвестный монах вышли из дома, дойдя до Ивановской улицы, расстались. “Ворона” и “Банная” пошли по Ивановской улице к Загородному проспекту, а “Русский” с монахом дошли до Кузнечного переулка, тоже расстались. Монах пошел без наблюдения по Невскому проспекту, а “Русский” зашел в сапожный магазин в дом № 27 по Николаевской улице. Через 10 минут вышел, сел на извозчика и поехал на Мойку, дом № 10, слез с извозчика и зашел в подъезд, было время 10 час. 40 мин. Через 30 минут в этот же дом на извозчике приехала “Галка”, где пробыла 20 минут, вышла, села на извозчика, поехала без наблюдения, а “Русский” пробыл 3 час. 50 мин, вышел вместе с “Вороной” и “Банной”. На двух извозчиках отправились в Царскосельский вокзал, где “Ворона” купила билет 2 класса, отдала “Русскому”, и все трое пошли на отходящую платформу в Царское Село. В 3 час. “Русский” уехал».

Примерно по такому же принципу составлены и все прочие донесения филеров за 1912 год: «вышел», «поехал», «зашел», «встретился» с указанием времени и зашифрованных имен нескольких почитательниц. Никакой, как говорят французы, «compromettre» (компрометации) тут усмотреть невозможно. Ни тебе банных «оргий», ни пьяных «дебошей», ни «сквернословия», ни «связей с *censored*ТКаМН». Ничего ожидаемого!

Правда, уже тогда в донесениях встречались некоторые намеки, которые так и остались робкими предположениями.

Например, 6 августа 1912 года филер фиксировал: «“Русский” пошел по Гончарной улице, где в доме № 4 встретил неизвестную барыньку, по-видимому, *censored*ТКу, и зашел в упомянутый дом, где помещалась гостиница, пробыл с нею двадцать минут». Даже если это и действительно была «жрица любви», то совершить некие интимные действия за указанное время было просто невозможно. Надо было зарегистрироваться в гостинице, подняться в номер, ну и так далее. При этом филер ничего не утверждал наверняка. Он и не мог ничего безусловно констатировать.

Важное пояснение. Служба наружного наблюдения возникла как один из способов контроля за лицами, «прикосновенными к революционному движению». В 1907 году в «Инструкции» [21 — См.: Инструкция начальникам Охранных Отделений по организации наружного наблюдения. Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения // Река времен. Книга истории и культуры. М., 1995. С. 259–274.] начальникам охранных отделений говорилось, что это лишь «вспомогательное средство». Что для полноты картины обязательно требуются и сведения внутренней агентуры. При отсутствии же «попутного освещения со стороны внутренней агентуры не следует допускать чрезмерного развития наружного наблюдения, так как, будучи весьма растяжимо, оно может давать весьма обширный, непонятный материал, крайне затрудняющий работу филеров и Отделения».

«Инструкция» строго регламентировала деятельность филеров, их задачи, цели, способы, приемы.

Все эти детали полицейского «сопровождения» и «проглядки» могут показаться неважными. Однако их смысл раскроется в полной мере при обращении к филерским донесениям последнего периода. От этого времени остался тот самый «непонятный» материал, который можно назвать как угодно, но только не «филерскими сводками».

Этот период начался летом 1914 года после покушения Гусевой, когда Император и отдал распоряжение Министру внутренних дел Н.А. Маклакову обеспечить охрану Распутина. Никаких других распоряжений не отдавалось. Однако некоторые «сопутствующие» меры руководители МВД приняли по собственной инициативе. Монарха же о том не уведомили.

Джунковский позже объяснял, что им лично было отдано распоряжение учредить за Распутиным «двойное наблюдение, два агента открыто следили за ним, записывали всех приходящих к нему и официально числились как охраняющие его, другие два вели негласное наблюдение. Теи другие доносили ежедневно

Департаменту полиции для доклада мне; Распутин именовался “Темным”».

Дело тотальной слежки за Распутиным, начатое Джунковским, довел в 1915 году до полного совершенства С.П. Белецкий, который о том и поведал в своих показаниях ЧСК в 1917 году.

«Я учредил двойной контроль и проследку за Распутиным, не только филерами Глобачева (Константин Иванович, генерал-майор, начальник Петроградского охранного отделения. — А.Б.), но и филерами Коммисарова (Михаил Степанович, жандармский генерал-майор, которого Белецкий назначил заведовать охраной Распутина. — А.Б.), заагентурил всю домовую прислугу на Гороховой, 64, поставил сторожевой пост на улице, завел для выездов Распутина особый автомобиль с филерами-шоферами и особый быстроходный выезд с филером-кучером. Затем все лица, приближавшиеся к Распутину или близкие ему, были выяснены и на каждого из них составлена справка. Далее была установлена сводка посещаемости Распутина с указанием дней посещения и проследка за теми из случайной публики, которые так или иначе возбуждали сомнение, и самое тщательное наблюдение и опросы в швейцарской обращающихся к Распутину лиц, хотя это не нравилось и ему и его близким».

Итак, хозяева полицейского сыска довели до грандиозных размеров не столько охрану, сколько полный контроль за времяпрепровождением. Казалось бы, что при таком усердии должна остаться подробная хроника последних двух лет жизни Григория Распутина, которая помогла бы внести ясность при воссоздании человеческого облика и общественной роли этого человека. Удивительное дело, но «продукта деятельности» лучших соглядатаев Департамента полиции не существует, хотя они, по распоряжению Джунковского, должны были каждый день строчить отчеты начальству.

Нет ежедневных донесений целой орды филеров: при Белецком этим важным «государственным делом» было занято несколько десятков наиболее способных полицейских агентов. Невольно напрашивается восклицание: на что же уходили лучшие силы тайной полиции Империи почти накануне крушения Монархии!

Естественно, напрашивается и недоуменный вопрос: почему сохранились лишь крохи от груды того материала, который должен был остаться от многомесячных усердных занятий полицейских чинов? Неужели революционный смерч все уничтожил? Да, он на самом деле многое уничтожил. Что же касается данной информации, то «поводыри бури» надежно бы

хранили ее. Это же «бесспорные доказательства» «гниения» и «разложения». Кто же мог покуситься на столь «ценные свидетельства истории»!

Наблюдательный читатель может заметить в этой связи, что во многих исторических работах приводятся ссылки на филерские дневники. А значит, они должны же существовать. Вот здесь-то мы подходим к одной из самых громких мистификаций истории России XX века.

Подчеркнем еще раз: никаких первичных донесений филеров не существует. Имеется лишь груда листков с напечатанным на машинке текстом. Кто печатал, когда печатал, кто читал — о том никаких свидетельств и даже пометок не осталось. Называется этот пиар-продукт незатейливо: Выписки из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным. Они сохранились за отдельные дни 1914, 1915 и 1916 годов. Наиболее растиражированными являются «Выписки» за период с 1 января 1915 года по 10 февраля 1916 года. В 1924 году их опубликовал советский журнал «Красный архив», через год перепечатал эмигрантский «Архив Русской Революции», а затем множество раз переиздавали.

Допустим, что данные фрагменты — часть подлинного источникового пласта. Однако и при таком «допуске» — это лишь некая произвольная выжимка, тенденциозная выборка из некогда существовавшего обширного материала, тех самых филерских поденных сообщений, которые исчезли без следа. За целый 1915 год, например, лишь за 101 день есть какие-то беглые и куцые, от одной до нескольких фраз, «данные» о времяпрепровождении Григория Распутина. Причем почти исключительно о встречах с «проститутками» и «пьянстве». А где же все и все остальное?

Забавно, но авторы «Выписок» умудрялись зачислять в разряд «*проституток» или «любовниц» Распутина молодых девушек и дам сразу же, как только они появлялись «на горизонте наблюдения». Такое «углубленное» знание «материла» просто восхищает! Ведь не на лбу же у них сие было написано. Откуда подобные сведения? Конечно же они, как и другие «пикантные» подробности «Распутиниады», — покрыты навек мраком неизвестности.

«Испарились» первичные филерские сводки еще до падения Монархии, так как уже ЧСК Временного правительства их не обнаружила. Сам характер зафиксированного материала, подбор событий и фактов свидетельствуют о сюжетной заданности этих «Выписок». Приведем целиком их за ряд дней конца 1915 — начала 1916 года.

«14 октября. Распутин вернулся домой в час ночи совершенно

пьяный, на лестнице кричал на швейцариху, что она якобы взяла 25 рублей взятку с какого-то Министра и добавил: “Меня хотели похоронить, но теперь самого раньше похоронили”».

«22 октября. К Распутину около 8 часов вечера пришла неизвестная дама, которая через 10 минут вышла очень взволнованная. Ее на лестнице догнала прислуга и сказала: “Просят Вас с ним поговорить, а то ему скучно”. Дама сначала смутилась, отказываясь вернуться, говоря, что зайдет завтра, а то ему сегодня нездоровится. Потом согласилась и вернулась».

«5–6 ноября. Распутин на моторе уехал в Царское Село и вернулся 6-го числа в 10 часов 50 минут на моторе вместе с Вырубовой. Выйдя из мотора, Распутин перекрестил Вырубову, и та уехала».

«14 ноября. Распутин пришел домой с Татьяной Шаховской, очень взволнованный, и вместе сейчас же ушли. Вернулся домой в два часа ночи совершенно пьяный».

«21 ноября. Распутин вернулся к себе домой, неся две бутылки вина».

«22 ноября. Распутин вернулся домой в 8 часов утра, после отсутствия со вчерашнего дня».

«3 декабря. Распутин ушел из квартиры с Филипповым и вернулся пьяный. Вскоре после его возвращения пришла в первый раз Лейкерт, урожденная Мордвинова, просить за мужа. Распутин предложил ей поцеловать его, но она отказалась и ушла, а потом пришла содержанка Мамонтова — Воскобойникова, которой Распутин предложил зайти в час ночи».

«14 декабря. Около двух часов ночи с 13 на 14 декабря Распутин вышел из д. № 11 по Фурштадской ул. от Свечиной вместе с женой потомственного почетного гражданина Марией Марковной Ясинской, 28 лет, проживающей в д. № 104 по Мойке, и на моторе отправились в Новую Деревню, в ресторан “Вилла Роде”, куда за поздним временем их не пустили. Тогда Распутин стал бить в двери и рвать звонки, а стоявшему на посту городовому дал 5 рублей, чтобы не мешал ему буянить. Отсюда Распутин вместе со своей спутницей поехали в д. № 49 по 1-й линии к Новой Деревне в цыганский хор Масальского, где пробыли до 10 часов утра, а потом, сильно подвыпившие, поехали на квартиру к Ясинской, где Распутин пробыл до 12 часов дня и отсюда вернулся домой. На ночь ездил в Царское Село».

Продолжим цитирование уже за 1916 год.

«1 января. У Распутина были гости до 1 час. ночи, пели песни».

«10 января. В этот день (именины Распутина) его посещали много лиц и принесли много подарков и несколько корзин с

винами, играли на гармошке, гитаре, балалайке, танцевали и пели песни, а потом, позднее, молитвы и “многие лета”. Гости от Распутина разошлись в 1 час ночи».

«11 января. Распутин говорил по телефону в Царское Село из квартиры Соловьевых (свой телефон был испорчен)».

«13 января. Распутин послал телеграмму в Царское Село Вырубовой следующего содержания: “Сам Бог его исповедует в радости истинной пусть правда на детях моих вовек, не пришло время видеть воотчую”».

«14 января. Распутин вернулся домой в 7 часов утра, совершенно пьяный, в компании Осипенко и неизвестного мужчины; разбил большое стекло в воротах того дома, где живет, и заметна опухоль около носа, по-видимому, где-нибудь упал. В 4 часа 30 минут Распутин с Рубинштейном и двумя дамами уехали в Царское Село, ав 7 часов 41 минута вечера вернулся домой один, причем во время пути обратно обратился к агентам со словами: “Кто-то из вас передал кому-то, что будто бы я держал на коленях какую-то даму. Это нехорошо говорить. Вы ведь посылаетесь для охраны, а передаете другое”. Нейштейн, проживающий по той же лестнице, проходя мимо агентов, обратился к ним: “Вашего патрона скоро назначат в Царское Село управлять всеми лампадами”».

«1 февраля. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с мужчиной и двумя женщинами. Прибывший из Москвы священник в разговоре с агентом Тереховым сказал, что дело, о котором он хлопочет, затянулось, потому что оно передано Вырубовой, а последняя действует через дворцового коменданта, а тот находится в действующей армии. Распутин жаловался агентам, что его кто-то ругает по телефону, а станция ему номера не дает».

Уловили разоблачительный настрой? Ничего-то, оказывается, в жизни Распутина светлого и не было: пьянки, встречи с дамочками с весьма сомнительной репутацией, обделывание различных темных делишек. Вот и все. Одним словом, «Темный» он и есть «темный».

Подробно, построчно опровергать все вышепроцитированное нет ни возможности, ни желания. Отметим главное — это не документальный источник, а некое вольное сочинение на распутинскую тему. Сам стиль и характер изложения «Выписок» совершенно не соответствуют тем, которые отличали донесения филеров. Для наглядности приведем одно из таковых за 10 февраля 1916 года. Оно тоже существует лишь в машинописном варианте, но его подлинность удостоверяется самим содержанием, которое стилистически и фактурно почти

идентично донесениям, сохранившимся в первичной, рукописной форме.

«Вчера к Темному в 12 часов ночи пришел мужчина, по приметам Мануйлов, скоро ушел; и еще была Соловьева, тоже скоро ушла. В 10 ч. 30 м. утра пришла генеральша Соколова, скоро ушла. В 11 ч. утра пришла Позднякова с неизвестной дамой, но приняты не были. В 11 час. 10 мин. дня пришел Филиппов и с неизвестной дамой. Дама ожидалау подъезда, а Филиппов пробыл у Темного 10 мин., вышел и передал даме карточку, после чего дама пошла к Темному, откуда через 5 минут вышла с письмом на имя товарища Министра г. Белецкого. В 11 час. 40 мин. дня пришла Мария Головина. В 11 час. 45 мин. пришла Никитина, пробыла 30 мин. В 12 час. 40 мин. пришла Гаар с дамой Софьей Михайловной, пробыли 1 час 30 мин. В 1 час 20 мин. вторично прибыла генеральша Соколова с неизвестной дамой, пробыли 10 минут. В 2 часа дня был подан мотор № 224 ив 2 часа 10 мин. дня вышел Темный с Марией Головиной и уехали, ав 3 часа 45 мин. вернулись обратно на том же моторе. В 2 час. 15 мин. ушла Лаптинская, которая через час вернулась. В 3 часа 20 мин. дня пришла Добровольская. В 4 час. 40 мин. дня пришел Киселев, но принят не был. В 5 час. 20 мин. вечера пришел Добровольский, пробыл 1 час. В 5 час. 30 мин. ушла Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 5 час. 50 мин. вечера пришла Берман, пробыла 30 мин. В 8 час. вечера Темный вышел из дому с Добровольским и на извозчике уехали, а через 45 мин. на том же извозчике вернулись. Со слов извозчика — катались и никуда не заезжали. В 8 час. 50 мин. вечера вернулись Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 10 час. вечера Мария Головина ушла, ав 10 час. 10 мин. ушла и Добровольская. Посетителей было человек 15. Сегодня Нейштейн (сосед по лестничной площадке Распутина. — А.Б.) говорил, что “все мои знакомые спрашивают, здоров ли Темный. Говорят, что его поколотили, и поколотил будто бы какой-то Орлов-Денисов из-за бабы”».

Нетрудно заключить, что на основе таких данных ничего «убойного» состряпать было нельзя. Реальность не отвечала замыслам «разработчиков». Ведь такой, даже при учете сплетни, озвученной соседом, в общем-то совершенно нейтральный материал нельзя было выгодно продать на политическом рынке, его нельзя было использовать в политических или карьерных целях. Требовалось же то, что требовалось — компромат. Когда же его в виде «Выписок» сфабриковали, то первичные материалы инспираторы акции уничтожили. Другого объяснения тут просто не возникает.

Пытаясь нарисовать аморальный портрет Распутина, В.Ф.

Джунковский в воспоминаниях делает интересное признание. Уже весной 1915 года, когда, как мы помним, он начал «шить досье», к нему поступал «целый ряд донесений о Распутине за последние месяцы». И далее «верноподданный» воспроизводит «некоторые из них».

Это «донесения» из «Выписок» за 1, 10, 12, 18, 26 января, за 12, 18 февраля и 10, 14, 26 и 30 марта 1915 года. Они дословно совпадают с теми текстами «Выписок» зауказанные числа, которые опубликовал «Красный Архив», а затем «Архив русской революции» в середине 1920-х годов. Иными словами, у Джунковского были эти «Выписки» за десять лет до их публикации! И ничего больше. А полные тексты донесений? А где за другие дни, почему именно такая выборка? И, в конце концов, где донесение филеров во время посещения Распутиным «Яра»? Джунковский якобы его видел, но почему нигде это не воспроизвел.

Приводимые Джунковским «Выписки» совсем не о «непотребном» поведении Григория Распутина свидетельствуют, а — о непристойном поведении самого генерала, изолгавшегося вконец.

В дальнейшем на ниве «интерпретации» трудился тоже одержимый «литературный обработчик».

Судя по тому, что «Выписки» обрываются на феврале 1916 года, когда С. П. Белецкого уволили с должности директора Департамента полиции (об этой истории речь дальше), вполне вероятно, что именно этот господин и инспирировал появление данного литературного труда. Исследователь Платонов, сделавший основательный разбор «Выписок», высказал предположение, что авторство принадлежит известному Дувидзону, в газетных статьях которого буквально в тех же словах описаны «факты» из жизни Распутина, что и в «Выписках».

Замысел фальсификаторов почти удался. Клеветническое сочинение в глазах многих обрело характер «исторического свидетельства». Это так же, как в случае с «письмами» Императрицы. Как писала в воспоминаниях хозяйка петербургского салона графиня М.Э. Клейнмихель, «списки с циничных писем, которые будто бы Царица писала Распутину, ходили по рукам в салонах, а также и в низших слоях общества. Эти письма были вымышленными, но когда это стало известным, они уже сделали свое дело, и цель была достигнута». Точно так же случилось и с «Выписками». Джунковский и Белецкий, по разным побудительным мотивам и с разными целями, но делали (и сделали) одно грязное дело.

Однако спрятать все нити не удалось. Инициаторы пиар-

акции переусердствовали и включили в «Выписки» материалы о жизни Распутина в Сибири. Благодаря этому с документальной несомненностью и выяснилась вся лживость данного сочинения.

Дело в том, что во время пребывания на родине за Распутиным следили не только приставленные в Петербурге филеры, но и местные полицейские чины, которые тоже составляли отчеты. И если подлинники донесений столичных филеров исчезли, то информационные сводки местных полицейских чинов сохранились. Они со всей очевидностью удостоверяют, что описание «поведения» и «высказываний» Распутина, содержащиеся в «Выписках», не имеют ничего общего с действительностью. Приведем конкретный материал.

Летом 1915 года Распутин жил в Покровском. О жизни его там из «Выписок» можно почерпнуть целую уйму скандальной информации. Там он все время пьянствовал, устраивал в своем доме шумные хмельные пирушки, «лапал» прилюдно женщин, часто «удалялся с ними в темноту», постоянно рассказывал окружающим о «своем влиянии» на Царя, о том, как освобождал от воинской повинности, как перед ним заискивали министры и так далее, и тому подобное.

Приведем «описание жизни» Распутина за 13 июля. «Распутин после купания пошел к жене псаломщика Ермолая, которая ожидала его у своего окна, и пробыл у нее полчаса. Бывает у нее почти ежедневно с интимными целями. Патушинская уехала в Ялуторовск по вызову мужа, причем при отъезде целовала Распутина в губы, нос, щеки, бороду и руки со сладострастием».

Читая подобные описания, а это далеко не единственное, неизбежно возникает недоуменный вопрос: а где же были агенты охраны? Они что, сопровождали его к окну или наблюдали за происходящим из-за кустов? Такого рода вопросы можно задавать без счету; сочинители явно не блистали ни умом, ни литературным дарованием.

Во-первых, в подлинных филерских донесениях Распутин неизменно проходит под кличкой Темный. Уже из этого следует, что перед нами не выдержки из подлинных документов, а некое «переложение». Во-вторых, невольно умиляет «высокий слог» текста: «сладострастное целование» бороды и рук — это перлы явно из обихода низкопробной журналистики.

Чтобы не утомлять читателя бесконечными опровержениями и сопоставлениями, приведем целиком один подлинный документ, характеризующий жизнь нашего персонажа в тот же период. На бланке начальника Тобольского губернского жандармского управления под исходным номером и под грифом «Лично. Совершенно секретно» значится:

«Господину Товарищу Министра Внутренних Дел Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генерал-майору Джунковскому.

//- Рапорт — //

В дополнение рапорта моего от 21 сего июля за № 34 доношу Вашему Превосходительству, что крестьянин Григорий Распутин прибыл из Петрограда в село Покровское, Тюменского уезда, 21-го июня сего года в сопровождении агентов Отделения по Охране Общественной безопасности и порядка в Петрограде Даниила Терехова и Петра Свистунова, которые постоянно за ним следуют и большей частью находятся в доме Распутина, где читают ему книги и газеты.

Распутина посетили в селе Покровском: жена бывшего нотариуса в городе Ялуторовске, Тобольской губернии Паташинская (правильно — Патушинская. — А.Б.), находящаяся, видимо, в очень близких отношениях с Распутиным, называя его «отцом» и 2) еврей из Перми Вульф Янкелевич Берге, имеющий вид на жительство для проживания в Перми, выданный ему из Департамента Общих Дел Министерства Внутренних Дел от 23 декабря 1913 года за № 37049.

По слухам, Распутин собирается выехать в город Петроград. Ничего заслуживающего внимания Распутин пока не проявил. 11 июля пожертвовал Обществу 500 рублей».

На рапорте значится дата — 24 июля 1915 года; здесь же имеется и собственноручная подпись начальника Тобольского жандармского управления полковника Владимира Андреевича Добродеева.

Нет нужды доказывать, что любой пьяный разгул, связи с женщинами, разговоры о встречах с Царской Семьей, если бы они имели место в действительности, тотчас же были бы зафиксированы в указанном рапорте. Известный уже нам местный урядник унтер-офицер Прилин был начеку и, что называется, глаз не сводил с распутинского дома.

Имелись в Покровском и другие осведомители, поставлявшие информацию непосредственно В.А. Добродееву. Жандармский полковник из Тюмени конечно же знал, какого рода сведения от него ждут его начальники в столице. Однако порадовать «Их Превосходительства» ничем не мог.

Более чем за месяц в Покровском «ничего заслуживающего внимания Распутин не проявил». Вот и вся история. Далее начинался вымысел.

Глава VII. Последний год

В конце августа 1915 года в России произошло важное событие: Император принял Верховное командование вооруженными силами. С этого времени и до отречения в марте 1917 года Он большую часть времени проводил в Ставке в губернском городе Могилеве, удаленном от Петрограда почти на тысячу верст.

Этот период стал временем самых продолжительных разлук за более чем двадцатилетний период супружества Царя и Царицы. Вынужденные расставания Они воспринимали как печальную необходимость. В начале 1916 года Николай II написал Супруге: «Ты очень верно выразилась в одном из своих последних писем, что Наша разлука является Нашей собственной личной жертвой, которую Мы приносим нашей стране в это тяжелое время. И эта мысль облегчает Мне ее переносить».

Оставшись в столице, Александра Федоровна горела желанием Ему помогать: «Ты все переносишь один, с таким мужеством! Позволь Мне помочь Тебе, Мое сокровище! Наверное, есть дела, в которых женщина может быть полезна. Мне так хочется облегчить Тебя во всем».

Ее участие вначале ограничивалось почти исключительно пересказом светских новостей: «Извини Меня за то, что так к Тебе пристаю, Мой бедный усталый Друг, но Я так жажду помочь Тебе, и, может быть, могу быть полезна тем, что передаю Тебе все эти слухи», — писала она в июне 1915 года. Чуть ли не с восторженным пренебрежением воспринимала Царица недовольные сетования на ее новую роль и заявляла, что люди боятся Ее, «потому что знают, что у Меня сильная воля, Я лучше других вижу их насквозь и помогаю Тебе быть твердым».

Летом же 1915 года Император дал Супруге своеобразный политический карт-бланш. «Подумай, Женушка Моя, не прийти ли Тебе на помощь к Муженьку, когда Он отсутствует? Какая жалость, что Ты не исполняла этой обязанности давно уже или хотя бы во время войны!»

С того времени и начинается приобщение Александры Федоровны к делам управления страной. Нет, она никого не назначала, никого не увольняла, никаких приказов должностным лицам не отдавала. У нее никогда не было не только Своей политической «линии», но у Нее даже не возникало желания заиметь и проводить таковую. Все основные и важнейшие нити и рычаги управления Империей и армией безраздельно оставались в руках Монарха.

Александра Федоровна старалась лишь облегчить ношу Своему дорогому Ники, помочь Ему советом, оказать моральную поддержку. Свою первейшую задачу Царица видела в разоблачении закулисных интриг и двуличия высших сановников, в выявлении среди них контингента «надежных» и «верных».

Она не сомневалась, что такая помощь в такое трудное время — угодное Богу дело, что Ее чуткое и любящее сердце может подсказать правильное решение. «Ты, Дружок, слушайся Моих слов, — писала она в сентябре 1915 года. — Это не Моя мудрость, а особый инстинкт, данный мне Богом помимо Меня, чтобы помогать Тебе».

Помимо прямой своей «царской заботы», Александра Федоровна приняла на Себя и часть второстепенных дел Супруга, которые отнимали у него драгоценное время: встречи с депутациями и делегациями, выражение благодарности. Как и раньше, за Ней осталась и ее собственная работа: помощь раненым, заботы по организации санитарно-медицинской службы, ну и, конечно, старые обязанности, связанные с делами благотворительных обществ. Вот и все государственные «ипостаси» исторического портрета Последней Царицы.

Она знала, что искренней, бескорыстной помощи Императору ждать практически неоткуда. Кругом интриги, ложь, лицемерие, буйство эгоизмов. Знала она и другое: участие в государственных делах неизбежно вызовет волну возмущения, но жизненный опыт научил не придавать значения недовольным голосам и воплям, а слушать лишь зов своего сердца.

«Некоторые сердятся, что я вмешиваюсь в дела, но Моя обязанность — тебе помогать. Даже в этом Меня осуждают некоторые Министры и общество: они все критикуют, а сами занимаются делами, которые их совсем не касаются. Таков уж бестолковый свет!» — констатировала Александра Федоровна. Она всегда считала Николая II мудрым руководителем, которому иногда не хватало лишь решительности и твердости характера, и была убеждена, что при Ее поддержке он все это преодолеет.

Николай Александрович и Александра Федоровна в последние годы все время были обеспокоены поиском людей, достойных назначения на должности в государственном и церковном управлении.

Когда кандидатуры претендентов на те или иные посты предлагали другие, то за этим, как уверилась Александра Федоровна, почти всегда стоял скрытый, но определенный личный интерес. Уж о чем о чем, а о неприглядности и изнанке сановно-аристократического мира Царица хорошо была осведомлена. Она же могла рекомендовать лишь тех, кто находил

отклик в Ее сердце, и конечно же, кроме общего блага, у Нее никаких иных побуждений не было! В возвышенной чистоте Ее помыслов не сомневался и Император.

Круг лиц, которых лично знала Императрица, был ограничен, и Она прекрасно понимала, что таких знаний недостаточно. Поэтому старалась принимать к сведению все, что говорили те, кому доверяла.

Но все равно, как только возникала потребность нового назначения, неизбежно вставал вопрос: кого? Несмотря на бесконечные раздумья и обсуждения, один неудачный выбор сменял другой. «Где у нас люди, — сетовала Царица в сентябре 1915 года. — Я всегда Тебя спрашиваю и прямо не могу понять, как в такой огромной стране, за небольшим исключением, совсем нет подходящих людей».

На эту тему Она особенно много размышляла весной 1916 года, после скандальной истории с Ее выдвиженцем на пост Министра внутренних дел А.Н. Хвостовым, кандидатура которого была поддержана и Распутиным. Став же Министром, Хвостов вознамерился убить Григория! Было от чего впасть в отчаяние. «Дорогой Мой, как не везет, — восклицала в письме мужу в марте 1916 года. — Нет настоящих джентльменов, вот в чем беда. Ни у кого нет приличного воспитания, внутреннего развития и принципов, на которые можно было бы положиться. Горько разочаровываться в русском народе — такой он отсталый; Мы стольких знаем, а когда приходится выбирать Министра, нет ни одного человека, годного на такой пост».

При анализе достоинств отдельных лиц Императрицу интересовали главным образом нравственноэтические характеристики: доброта, честность, смирение, но главное — наличие желания действовать наперекор всем и всему для исполнения воли Монарха.

Война еще больше сблизилаЦарскую Семью и «дорогого Григория». Интенсивность общения Венценосцев с «Другом» заметно возрастает. Потребность в успокоительных беседах вызывалась как тяжелыми и кровопролитными сражениями, неудачными военными операциями, так и общей безрадостной общественной обстановкой в стране.

Вот, скажем, 17 октября 1914 года — день грусти и возмущения для Царя. Он получил известие о том, что накануне турки и немцы вероломно напали на русский флот в портах Крыма. «Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения на Черном море! Только вечером, под влиянием успокаивающей беседы Григория, душа пришла в равновесие». О том, под влиянием каких мыслей и слов у Царя

«душа пришла в равновесие», не будем гадать. Если человек не наделен способностью воспринимать сакральное как реальное, то умом понять характер воздействия сеанса «душевного снадобья» невозможно.

Распутинский феномен словесного воздействия невозможно было пересказать. Не случайно Императрица в письмах Мужу, описывая встречи с «дорогим Григорием», цитировалалишь его телеграммы, но никогда — устное слово. Она признавалась, что «трудно передать сказанное им — слова недостаточны и нужен сопровождающий их дух, чтоб осветить их».

Из того факта, что Николая II радовали встречи с Распутиным, носившие характер духовной беседы, никоим образом не следует, что Монарх готов был слышать из уст Григория разговоры и на другие, в первую очередь политические, темы. Констатацией духовной привязанности нельзя подтверждать и популярный тезис о «несомненном закабалении» Царя. Несмотря на близость Распутина к Монарху, никаких политических возможностей он не имел.

Генералу П.Г. Курлову Царский Друг однажды в сердцах признался, что «иногда целый год приходится упрашивать Государя и Императрицу для удовлетворения какого-нибудь ходатайства».

Воздействие Распутина на Царицу было сильнее, чем на Государя. Она верила в него как в молитвенника-чудотворца. Суждения света о нем для Нее не имели никакого значения. Она разделяла мнение Друг», что аристократическое воспитание очень ограничивает кругозор людей, исключает природную естественность.

«Большая половина сего воспитания, — размышлял Распутин, — приводит в истуканство, отнимает простоту. А почему? Потому, во-первых, не велят с простым человеком разговаривать. А что такое простой человек? Потому что он не умеет заграничные фразы говорить, а говорит просто и сам в простоте живет, и она его кормит, и его дух воспитывает и мудрость».

Царица не только слушала, но и нередко просила его советов. Она хотела знать не только трактовку тех или иных православных догматов и традиционных норм, но и искренне желала знать настроение простого народа, понять его чаяния и надежды. Кроме Распутина, того Ей никто не мог объяснить, никто не мог открыть невидимый, незнакомый и заповедный Русский Мир.

Только Распутин нес в Царскосельские покои голос земли, голос народа. Царица ни минуты не сомневалась, что лишь такой необыкновенный человек, молитву которого слышит Всевышний,

способен дать правильный совет, объяснить, что хорошо, а что плохо по понятиям истинно христианским.

Вступив на стезю государственного служения, Александра Федоровна стала видеть в Распутине своеобразного эксперта по определению чистоты помыслов и искренности монархических чувств государственных мужей. Он ведь провидец и может узнать и понять то, что простым смертным не дано разглядеть! «Он наша опора и помощь!» — восклицала Царица в письме.

Здесь мы подходим к кульминационному пункту «Распутиниады», к самой драматической главе последнего Царствования — участию сибирского крестьянина в государственных делах. Существовало ли подобное явление вообще?

Конечно, Распутин никаким «правителем» и даже «соправителем», как о том писали и пишут до сих пор, не был ни одной минуты. Это все из области исторических мифологем. Однако в качестве «эксперта по душевным качествам» касательство к делам государственным имел. Это почти исключительно замыкалось на область перемещений в среде чиновной служилой иерархии.

Какова же была, так сказать, «техника назначений» и кого конкретно можно отнести к распутинским «креатурам»? Согласно распространенным представлениям, «аспирант» на ту или иную должность заручался содействием Распутина; тот прямо или через Вырубову сообщал имя кандидата Государыне. Та же, в свою очередь, начинала воздействовать на Царя и «добивалась желанного результата». Такова самая распространенная и совершенно бездоказательная схема.

Передаточно-рекомендательный дуэт Распутин — Вырубова существовал на самом деле. Об этом очень быстро стало широко известно, и оба оказались в эпицентре карьерных интересов, устремлений и желаний многих и многих, старавшихся на них воздействовать со всех сторон. Они должны были как-то реагировать и реагировали. В силу своего понимания, высоко оценивая «добрых и смиренных», ненавидя «злых и гордых».

Такой подход в общем-то отвечал критериям и Александры Федоровны, на усмотрение которой порой и предлагались уже прошедшие «отбор» у Вырубовой и Распутина. Но это касалось лишь тех, кого Царица сама не знала. Если же Она имела представление о человеке, то от «дорогого Григория» («провидческие» способности Анны Она в расчет не принимала, так как была невысокого мнения о них) требовалось уже не оценивать его, а лишь удостоверить душевные качества. После того как выбор был сделан и Императрица убеждалась, что

рекомендованный действительно достоин назначения, так как добр, искренен, порядочен и верен, Она с присущей ей решимостью начинала поддерживать такого человека.

Из сказанного отнюдь нельзя делать вывод, что Император лишь слепо «штамповал» предлагаемых кандидатов. Такого никогда не случалось. Николай II вынужден был считаться со многими обстоятельствами, о которых Царица или не знала, или которым не придавала должного значения.

Рекомендации «дорогой Алике» и мнение Григория для Николая II имели значение, но их желания и просьбы никогда автоматически не становились волей Монарха.

Для Александры Федоровны не являлось секретом, что Ее обожаемый Супруг далеко не всегда принимал к сведению, а уж тем более к исполнению то, что Она Ему сообщала и кого рекомендовала. Ее усилия добиться желаемых решений и назначений в большинстве случаев оканчивались ничем. Она никогда не сердилась на Ники, лишь порой испытывала печаль, когда узнавала, что Супруг поступил совсем не так, как Она о том просила. В таких ситуациях Александра Федоровна не укоряла Мужа-Повелителя; но снова и снова объясняла Свои цели и устремления, приводила все новые и новые аргументы в пользу чего-то или кого-то.

«Трудно писать и просить за Себя, уверяю Тебя, что это делается ради Тебя и Бэби, верь Мне. Я равнодушна к тому, что обо Мне говорят дурно, только ужасно несправедливо, что стараются удалить преданных, честных людей, которые любят Меня. Я всего лишь женщина, борющаяся за Своего Повелителя, за Своего Ребенка, за двух самых дорогих Ей существ на земле, и Бог поможет Мне быть Твоим ангелом-хранителем, только не выдергивай тех подпорок, на которые Я нашла возможным опереться».

Не желая обижать свою Алике прямым отказом, Супруг в то же время часто не принимал серьезно Ее наставления и рекомендации. Царица это знала и часто в письмах, изложив свою просьбу или дав совет, нередко писала: «Прошу Тебя, не смейся, когда прочтешь это».

Чтобы не «будировать» нежелательную тему, Император нередко просто изымал ее из обсуждения. Порой Царица обращалась к Супругу с многостраничными посланиями, где объясняла, наставляла, призывала, а Царь в ответ нежно благодарил за письмо, но обходил молчанием сюжеты, требовавшие решений, не соответствующих Его собственным представлениям. Иногда Супруга чуть не умоляла Мужа сделать то-то и то-то, но Царь молчал.

Однако и Царица совсем не являлась «рупором» Распутина. У нее существовали четкие представления об этических нормах, и если они нарушались, то Она теряла всякую заинтересованность даже в таком деле, которое напрямую касалось «дорогого Друга». Показательна в этом смысле история, произошедшая в 1915 году, наглядно демонстрирующая степень, характер и возможности распутинского влияния.

20 июня Царица сообщила Николаю II, что из Покровского пришла телеграмма, в которой Распутин уведомлял, что собираются призвать в армию единственного его сына Дмитрия. «Любимый Мой, — писала Александра Федоровна, — что можно для него сделать. Кого это касается? Нельзя брать его единственного сына».

В написанных затем нескольких посланиях Николая II просьба «дорогого Григория» обойдена молчанием, никаких намерений помочь ему не наблюдалось. Это объяснялось не жестокосердием Императора, а пониманием священных государственных обязанностей. В деле исполнения долга перед Отечеством в период военных испытаний всякие исключения Царь считал неуместными. Помимо того, Он прекрасно понимал, что высочайшая «любезность» Их Другу неминуемо вызовет вихрь новых слухов и обвинений.

В конце августа 1915 года Распутин прислал телеграмму «дорогой Аннушке», и Вырубова через Царицу довела ее до сведения Императора: «Первое объявление ратников вести, узнайте тщательно, когда губерния пойдет наша. Воля Божия это последние крохи всего мира, многомилостивец Никола творящий чудеса». Еще раньше им было передано прошение на имя Государя, содержащее ходатайство об отсрочке призыва сына. Императрица считала, что «эту просьбу вполне можно удовлетворить».

Через несколько дней Александра Федоровна опять обратилась к этой теме: «Наш Друг в отчаянии, что его сына призывают — это его единственный сын, который в отсутствие отца ведет хозяйство». Реакции на это проникновенное обращение опять не последовало.

Было над чем призадуматься Распутину. Вот она, Царская милость! Другом называют, совета спрашивают, он за Их благополучие денно и нощно молится, и что? Единственного сына от солдатчины отец защитить не может. Да скажи Государь хоть одно слово за него, никто бы не посмел тронуть! Но Царь не вмешивался.

В середине сентября 1915 года тема помощи Другу опять всплывает в переписке, и Императрица довольно меланхолично

по этому поводу замечает: «Григорий прислал отчаянные телеграммы о своем сыне, просит принять его в Сводный полк (военное подразделение, составленное из представителей всех полков гвардии и предназначенное для охраны Царя. — А.Б.). Мы сказали, что это невозможно. А. (Вырубова. — А.Б.) просила Воейкова что-нибудь для него сделать, как он уже прежде обещал, а он ответил, что не может. Я понимаю, что мальчик должен быть призван, но он мог бы устроить его санитаром в поезде или чем-нибудь вроде этого. Он всегда ходил за лошадьми в деревне; он единственный сын, конечно, это ужасно тяжело. Хочется помочь и отцу и сыну. Какие чудные телеграммы Он опять прислал».

В конце концов распутинского отпрыска все-таки «забрили», и единственное Монаршее благодеяние состояло в том, что Дмитрия Распутина определили в санитарный поезд Императрицы, доставлявшей с передовой раненых в Царскосельские госпитали. Вся эта история разворачивалась тогда, когда в обществе уже уверенно говорили «о всемогуществе временщика».

Совсем не так все было, как о том сплетничали, и при назначениях. «Дорогой Григорий» иногда пытался воздействовать на мнение Императрицы о некоторых лицах. Но чтобы в силу этого «избранник» сразу же вознесся бы на самые верхи сановной иерархии, такого, вопреки безапелляционным утверждениям, никогда не случалось. Документально можно констатировать следующее.

Содействию Распутина в общей сложности могли быть обязаны своей карьерой в той или иной степени одиннадцать человек. Притом что число назначений, перемещений, увольнений на вершине российского иерархического Олимпа во много раз превышало этот показатель. (Вершина — это на местном уровне — не ниже губернатора, а на центральном — не ниже товарища Министра.)

Приведем полный список этих «облагодетельствованных» с указанием должностей в период так называемого «самовластья Распутина».

Белецкий С.П. - директор Департамента полиции (1912–1914) с сентября 1915-го по февраль 1916 года — товарищ Министра внутренних дел.

Волжин А.Н. - бывший Седлецкий, а затем Холмский губернатор, в июле 1914 года стал директором Департамента общих дел Министерства внутренних дел (МВД), а с сентября 1915-го по август 1916 года — обер-прокурор Святейшего Синода.

Добровольский Н.А. - бывший Гродненский губернатор, с 20 декабря 1916 года — последний Министр юстиции.

Князь Жевахов Н.Д. - помощник статс-секретаря Государственного Совета, с 15 сентября 1916 года — товарищ обер-прокурора Синода.

Ордовский-Танаевский Н.А. - бывший управляющий Пермской казенной палатой, с 13 ноября 1915 года — Тобольский губернатор.

Питирим (Окнов), бывший экзарх Грузии, с 1915 года — митрополит Петроградский и Ладожский.

Протопопов А.Д. - товарищ председателя Государственной Думы, с сентября 1916 года — Министр внутренних дел.

Раев Н.П. - бывший член Совета Министров народного просвещения, директор Высших женских историко-литературных и юридических курсов, с 1916 года — обер-прокурор Синода.

Хвостов А.Н. - бывший Вологодский и Нижегородский губернатор, член IV Государственной Думы, с ноября 1915-го по март 1916 года — Министр внутренних дел.

Князь Шаховской В.Н. - бывший начальник Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства внутренних дел, с мая 1915 года — управляющий Министерством торговли и промышленности.

Штюрмер Б.В., бывший Новгородский и Ярославский губернатор, член Государственного Совета, с 20 января по 10 ноября 1916 года председатель Совета Министров и одновременно, с 3 марта по 7 июля — Министр внутренних дел, ас 7 июля по 10 ноября и Министр иностранных дел.

Перечисленные лица имели большую служебную биографию, высокие служебные чины, и все, может быть лишь за исключением Раева, не могут быть названы «случайными» людьми.

Эти фигуры действительно поддерживал «отец Григорий», и большинство из них с ним лично общались. Однако Распутин лишь помогал и содействовал, но никогда не определял выбор. Император назначал их на пост непременно с учетом предыдущей деятельности и лишь тогда, когда получал о них благожелательные отзывы от компетентных должностных лиц.

Только одного их числа записных «распутинских ставленников», да ито с оговорками, можно считать таковым. Это Н.А. Ордовский-Танаевский, бывший управляющий Тобольской и Пермской казенными палатами (налоговой службой), ставший в ноябре 1915 года губернатором Тобольской губернии. Об этом назначении Распутин чуть не слезно просил Венценосцев.

Вкратце суть этой истории такова. После ряда скандальных столкновений летом 1915 года между «старцем» и местной администрацией Распутин убедил Александру Федоровну, что на

высшем посту в губернии должен находиться человек, преданный Царской власти, который не будет Друга Царской Семьи хаять и строить ему неудобства.

Григорием же была названа и кандидатура желаемого губернатора, которого он лично знал более десяти лет, — Н.А. Ордовского-Танаевского, исполнявшего должность управляющего налоговой службой в Перми. Претендент давно симпатизировал Григорию, который не раз бывал у него дома в гостях, где его всегда принимали с радостью.

Императрица согласилась с выбором и 25 августа написала Царю: «Наш Друг желает, чтобы Ордовский был назначен губернатором. Он теперь председатель казенной палаты в Перми. Помнишь, он поднес тебе книгу, написанную им про Чердынь, где похоронен один из Романовых, которого почитают как святого?»

Николаю II надоели бесконечные жалобы и доносы тобольских властей на их Друга, и Он решил уважить просьбу. В середине ноября 1915 года распутинский кандидат получил губернаторскую должность. Это самый яркий и наиболее очевидный случай непосредственного вмешательства Распутина в систему должностного производства.

С остальными десятью фигурами ситуация выглядела иначе. Карьера любого чиновника, вне зависимости от высоты положения, непосредственно зависела от воли, настроения и симпатий Правителя. Тот, кто хотел сохранить свое положение, или тем более подняться выше, обязан был добиваться расположения Монарха и близких к нему людей. Один из самых распространенных путей к этому — изыскание возможности получить рекомендацию. Кто-то должен был «замолвить словечко», похвалить, отметить заслуги, устроить встречу.

Даже сановникам, занимавшим крупные государственные посты, не всегда было легко встретиться с Государем, а уж тем более удостоиться беседы с Ним. Нужен был «верный ход», и Распутин давал шанс. Симпатии и антипатии к нему определяющего значения не имели. Таковы были правила игры в мире чиновной бюрократии: малопривлекательные средства — тоже средства.

Характерный в этом смысле разговор со своим шурином А.Ф. Треповым описал генерал А.А. Мосолов. Дело происходило в ноябре 1916 года, сразу же после назначения А.Ф. Трепова премьером. Новый глава кабинета Распутина терпеть не мог, но после всестороннего обсуждения политической ситуации родственники пришли к заключению, что «с ним нужно считаться».

Вот это — «нужно считаться» — в большинстве случаев и

определяло интерес к «грязному мужику» высокопоставленных лиц, в том числе и тех, которые никаких добрых чувств к нему не питали, стремясь лишь использовать влияние Распутина. Перед Распутиным заискивали, его расположения добивались, а в душе часто ненавидели и презирали.

Показательная в этом смысле была история отношений С.П. Белецкого и А.Н. Хвостова с одной стороны, и Друга Царской Семьи — с другой. В большой карьерной игре двух первых Распутину отводилось центральное место.

В 1915 году эти два сановника объединили свои усилия для достижения вполне определенных целей. А.Н. Хвостов мечтал получить пост премьера, а С.П. Белецкий грезил о должности Министра внутренних дел. Им казалось, что «этого мужика» можно довольно просто одурачить, сделав его орудием своих устремлений.

В этих видах они разработали целую программу «штурма высот». Встречались и очаровывали А.А. Вырубову, которая их принимала, выказывала расположение. Это не осталось незамеченным Императрицей, сообщавшей 3 ноября 1915 года Супругу: «Хвостов и Белецкий обедают у А. Это, по-моему, напрасно, — похоже, что она хочет играть роль в политике. Она так горда и самоуверенна и недостаточно осторожна». Александра Федоровна оказалась права.

Конечно же сама по себе А.А. Вырубова этих прожженных интриганов не интересовала. Им нужна была узда для Распутина, а через него и «верная дорога» к Монарху. В интересах «дела» необходимо было завязать с Распутиным близкие, но конфиденциальные отношения.

Естественно, что ни Хвостов, ни Белецкий никаких распутинских чар на себе не испытывали, хотя последний, например, чтобы угодить Григорию, неоднократно посещал «благочестивые обеды» на Гороховой, 64, где по воскресеньям на распутинскую уху собирались почитатели и почитательницы. В общем, Белецкий изображал сторонника «старца», хотя еще совсем недавно, возглавляя Департамент полиции, как мы помним, снабжал антираспутинской информацией его врагов.

Назначение осенью 1915 года Хвостова Министром внутренних дел, а Белецкого его заместителем происходило в отсутствие Распутина в столице. Когда он вернулся, то оба сановника сочли необходимым организовать встречу для завязывания близких контактов. Конспиративная трапеза сняла все «шероховатости» в отношениях. Белецкий позднее вспоминал: «Из разговоров за столом мне стало ясно, что наши назначения Распутину были известны и что он против нас ничего теперь не

имеет, но что он, видимо, хотел, чтобы мы получили назначение как бы из его рук».

Успех встречи решено было закрепить дальнейшей деятельностью по «приручению» Распутина. Руководители МВД решили начать выплачивать ему солидную ежемесячную субсидию (1500 рублей). Белецкий подыгрывал А.Н. Хвостову, стремившемуся провести на должность обер-прокурора Синода своего родственника А.Н. Волжина, который, не отказываясь от содействия Распутина, категорически возражал даже против знакомства с ним. Комбинация блестяще удалась, но, став в конце концов во главе Синода, новый обер-прокурор занял резкую антираспутинскую позицию.

Здесь нет возможности и необходимости пересказывать сложные закулисные перипетии отношений между Императрицей, Распутиным, Вырубовой, Хвостовым, Белецким и Волжиным. Скажем лишь, что, убедившись в том, что подчинить Григория своим интересам не удается, Министр внутренних дел А.Н. Хвостов начинает вынашивать план его убийства. Однако дальше разговоров и каких-то опереточных действий дело не пошло. К тому же С.П. Белецкий предал своего «патрона», и намерения стали известны Царице.

Министр сразу же был отстранен от должности, а потрясенная Императрица восклицала в письме Супругу 2 марта 1916 года: «Я в отчаянии, что мы через Григория рекомендовали Тебе Хвостова. Мысль об этом не дает мне покоя, Ты был против этого, а Я сделала по их настоянию, хотя с самого начала сказала А. (Вырубовой. — А.Б.), что Мне нравится его большая энергия, но он слишком самоуверен и что это Мне в нем антипатично. Им овладел сам дьявол, нельзя это иначе назвать».

«Всемогущество» Распутина, о котором так много тогда говорили, всегда было условным. В конечном итоге им пользовались в своих целях, каждый работал на себя и становиться приспешником «Гришки» никто не хотел. По сути дела, из числа влиятельных его знакомых лишь Александра Федоровна испытывала к нему нелицемерную человеческую симпатию.

Несмотря на очевидную привязанность Царицы к Распутину, принимать его у Себя Она решалась лишь в самых крайних случаях, в последние годы лишь тогда, когда требовалось оказать помощь Алексею. Чаще всего Она встречалась с ним в «Анином домике». Здесь можно было общаться без широкой огласки. Любой же его приезд во Дворец неизбежно становился известным многим и обязательно делался темой пересудов. При достаточно безразличном отношении Александры Федоровны к

недоброжелательным мнениям, игнорировать их совершенно Она не могла. Особенно после того, как получила хождение грязная сплетня о Ее «сожительстве» с Распутиным.

Однако даже встречи за пределами Дворца не оставались незамеченными. Всегда находились соглядатаи, и в этом отношении показателен следующий случай.

В 1915 году Вырубова организовала в Царском Селе собственный госпиталь, основанный на те средства, которые она получила в качестве компенсации за свое увечье от железной дороги. Госпиталь стал центром забот для этой женщины. Сюда часто приходили ее друзья и знакомые: Ю.П. Ден, Г.Е. Распутин, Н.П. Саблин и многие другие. Бывала и Императрица с Дочерьми. Старшей сестрой в госпитале работала вдова подъесаула Надежда Ивановна Воскобойникова.

Она приехала в 1911 году в Петербург с Дона «искать счастье». В столице она довольно быстро освоилась и стала содержанкой тайного советника и сенатора В.Н. Мамонтова. После его смерти в начале 1916 года она оказалась «без места» и собралась идти в монастырь. Однако осуществить это намерение не спешила, решив посоветоваться с Распутиным. Его она знала уже несколько лет, встречая не раз в доме своего покойного «благодетеля».

В квартире Распутина на Гороховой, которую Воскобойникова усердно посещала, она познакомилась и близко сошлась с Вырубовой и в итоге вместо монастыря решила поступить к ней в лазарет. Там бывали многие влиятельные лица, и имелся реальный шанс завести «симпатичное знакомство». (Намерение это она скоро и осуществила, став задушевной приятельницей последнего Министра внутренних дел А.Д Протопопова.)

Распутин посоветовал «другине Анне» принять к себе на службу Надежду, заметив, что «она тебя не обкрадет». Такой рекомендации оказалось достаточно. Воскобойникова очень деятельно занялась медицинской службой и хорошо здесь себя зарекомендовала, став не только медсестрой, но и горничной у Вырубовой. Она близко увидела и узнала Императрицу, делала регулярно Ей массаж.

О якобы существовавших интимных связях между Царицей и Григорием она была наслышана и горела желанием разгадать эту тайну и стать ее хранительницей. При каждом удобном случае она аккуратно подглядывала и подслушивала, наблюдая за всем, что происходило в лазарете и доме Вырубовой. Главной же ее мечтой было застать и уличить Царицу. Какие возможности здесь открывались для шантажа и влияния! Но страстное любопытство так и не было вознаграждено. Ничего компрометирующего узнать

не удалось.

Давая показания в ЧСК, она рассказывала: «Точные мои наблюдения не оставили во мне никакого сомнения в том, что слухи совершенно не соответствуют действительности и что Государыня не допускает ничего, что могло бы дать основание для этих слухов. Хотя при встречах Государыни и Распутина посторонних не было, тем не менее прислуживающий лакей Берчин (обычно Распутин приглашался к чаю, завтраку, обеду) беспрепятственно, а не по вызову входил в комнату, где находился Распутин и Государыня».

В начале января 1916 года Александра Федоровна писала Мужу в Могилев: «Мне бы хотелось повидаться с Нашим Другом, но Я никогда не приглашаю Его к Нам в Твое отсутствие, так как люди очень злоязнены. Теперь уверяют, что Он получил назначение в Федоровский Собор, что связано с обязанностью зажигать все лампады во всех комнатах Дворца! Понятно, что это значит, но это так идиотски глупо, что разумный человек может лишь расхохотаться. Так отношусь к этой сплетне и Я».

Александра Федоровна никогда не предавала Своих друзей, а уж тем более Распутина, отношения с которым не собиралась рвать для того, чтобы угодить светским кумушкам.

В конце 1915 года произошло событие, еще раз убедившее и Николая II, и Александру Федоровну в том, что Распутин предназначен Им Провидением. И снова связано это было с Цесаревичем Алексеем.

После двадцатидневной жизни в Царском Император 24 ноября возвращался в Ставку, в Могилев. Цесаревич упросил Родителей разрешить Ему поехать с Отцом. Император собирался совершить большую инспекционную поездку по прифронтовой полосе и некоторым другим районам, Алексей хотел быть вместе с Ним.

Царь был этому очень рад, а Императрица с большой неохотой согласилась отпустить Алексея, у которого уже несколько недель болела после ушиба рука, и Он ее не мог согнуть. Не советовал брать с собой Алексея и Распутин, но Николай II и Сын настояли.

Через неделю, 3 декабря, Император с Наследником выехали из Ставки на юг, в Галицию. Вечером 3 декабря 1915 года Царь записал в дневнике: «У Алексея простуда началась вчера, а сегодня утром после нескольких чиханий пошла понемногу кровь носом. Пошел в 10 час. к докладу. В 12 1/2 мы покинули Могилев, чтобы посетить гвардию. Но так как кровь, хотя и с перерывами, не унималась, по совету С.П. Федорова (лейб-хирург, с осени 1915 года состоял при Ставке. — А.Б.), решил со станции

Бахмач повернуть обратно в Ставку».

Однако и по возвращении положение не улучшилось. У Наследника поднялась температура до 39 градусов, начались сильные головные боли. Император решил переехать в Царское Село, куда и прибыл с Сыном вечером 5 декабря. Положение Наследника было тяжелым. Кровотечение не прекращалось, температура оставалась высокой, и Алексей часто терял сознание.

Вырубова вспоминала: «Я видела Его, когда Он лежал в детской; маленькое восковое лицо. В ноздрях окровавленная вата. Профессор Федоров и доктор Деревенко возились около Него, но кровь не унималась. Императрица стояла на коленях около кровати, ломая себе голову, что дальше предпринять». И когда все средства были использованы, Мать прибегла к последнему. Она послала Вырубовой записку с приказанием вызвать Григория Распутина.

Распутин быстро приехал, подошел к кровати, сказал, что «ничего серьезного нет». Дал Алексею яблоко, погладил по голове, прочел молитвы, и состояние Мальчика сразу же стало улучшаться. По словам Вырубовой, «доктора говорили, что они совершенно не понимают, как это произошло. Но это — факт».

В обществе же ангел-хранитель Царской Семьи не вызывал никаких иных чувств, кроме зависти, ненависти и отвращения. В самой тиражной газете «Русское слово», например, можно было прочитать следующее: «Самая малейшая его просьба удовлетворялась. Если происходила почему-либо задержка, то Распутин по телефону, не стесняясь присутствием посторонних лиц, в резкой форме требовал от председателя Совета Министров исполнения его просьбы».

В очередной раз уместно повторить: подобные картины — плод болезненного сознания. Но так как приступами «буйства фантазии» в тот период страдали не только сочинители газетных репортажей и аналитических статей, но и потребители, то истинность описанного сомнений у многих не вызывала.

Стали без обиняков утверждать, что «центр Империи теперь на Гороховой».

Квартира Распутина становилась широко известной не только в Петербурге, ноив России. Сюда уже нескончаемой чередой тянулись просители. Распутин щедрой рукой раздавал ходатаям и просителям записочки к различным должностным лицам. Эти клочки бумаги с распутинскими каракулями, в силу удивительного положения писавшего, порой срабатывали в чиновных канцеляриях.

Слухи об этом множились просто в геометрической прогрессии и некоторые стали уверенно утверждать, что «этот

мужик всем Министрам отдает приказы». Сочиненный фильм «ужаса» затуманивал и завораживал сознание. Это наглядно проявилось в случае с последним Царским Министром внутренних дел А.Д. Протопоповым, которого чуть ли не все поголовно представители «общественности» уверенно называли «ставленником Распутина».

Родился Александр Дмитриевич в 1865 года в семье состоятельного дворянина, воспитывался в кадетском корпусе, а затем — в Николаевском кавалерийском училище и после его окончания в 1885 году был определен кирасиром в Лейб-гвардии Конно-гвардейский полк. Через несколько лет поступил в Академию Генерального штаба, где проучился только один год и по состоянию здоровья вышел в 1890 году в отставку в чине штабс-ротмистра.

В конце 90-х годов XIX века А.Д. Протопопов получил по завещанию своего дяди огромное состояние, включавшее почти семь тысяч десятин земли и суконную фабрику в Корсунском уезде Симбирской губернии. С тех пор Протопопов вел жизнь богатого, по-европейски образованного человека. Он в совершенстве знал несколько европейских языков, был великолепным пианистом, учился у французского композитора Ж. Массне.

В 1907 году на выборах в Третью Думу ему удалось добиться успеха и удостоиться звания депутата, которое сохранил и на выборах в Четвертую Думу в 1912 году. Здесь он занял место на левом фланге октябристов и в 1915 году становится товарищем председателя Думы. В начале 1916 года его избирают Симбирским губернским предводителем дворянства. Таков краткий послужной список того, кто сделался мишенью многочисленных нападок и разнузданной клеветы в последние месяцы Монархии.

До осени 1916 года имя А.Д. Протопопова пользовалось не только известностью, но и уважением в думских и околодумских кругах. Весной он возглавил представительную парламентскую делегацию, которая посетила Англию, Францию, Италию. В европейских столицах светские манеры и широкий кругозор главы русских парламентариев произвели хорошее впечатление, о чем Царю докладывали по дипломатическим каналам, а английский Король Георг в письме своему кузену Императору Николаю II выразил радость, что «в России есть такие выдающиеся люди». Председатель Думы М.В. Родзянко несколько раз рекомендовал Самодержцу назначить Протопопова Министром торговли и промышленности.

Царь не питал симпатий к думским политикам. Он считал,

что большинство из них — несерьезные и безответственные люди, мало разбирающиеся в истинных проблемах и нуждах страны. Однако отзывы о Протопопове со всех сторон были неплохие, и Николай II решил с ним познакомиться. Встреча состоялась в Ставке 19 июля, а на следующий день Царь писал супруге: «Вчера Я видел человека, который Мне очень понравился — Протопопова, товарища председателя Гос. Думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказывал Мне много интересного. Он бывший офицер Конно Гвардейского полка, и Максимович (Константин Клавдиевич, генерал от кавалерии. — А.Б.) его знает». Заканчивая аудиенцию, Монарх сказал своему собеседнику: «Мы еще с Вами поговорим не раз».

В итоге 16 сентября 1916 года Император поручил Протопопову руководство самым влиятельным министерством — Внутренних дел. Никакого касательства к этому назначению Распутин не имел.

Для самого Александра Дмитриевича предложение указанного министерского поста оказалось неожиданным. Он мечтал об административной карьере, много размышлял о необходимости проведения различных мероприятий по упорядочиванию государственного устройства, о чем постоянно рассказывал. Его обуревали прекраснодушные планы, но он не имел ни характера, ни способностей осуществить намеченное. Будучи глубоко верующим, он в глубине души не одобрял никакого насилия, в то время как в своей новой роли обязан был идти на меры, связанные с применением силы.

Николай II полагал, что Протопопов сможет решить две насущные задачи. Во-первых, сумеет установить добрые отношения с думскими кругами. Ведь он сам из их среды и прекрасно там всех знает. Но еще большие надежды возлагались на решение им продовольственной проблемы. Война дестабилизировала жизнь страны и привела к продовольственным затруднениям, особенно в крупнейших городах.

Перебои в поставках продуктов питания в города начались уже вскоре после начала войны. Россия была единственной участницей мирового конфликта, не вводившей нормирования потребления продуктов (кроме сахара). Однако сложности с продовольствием были в очень большой степени результатом правительственной политики регулирования сбыта: ограничением свободной продажи зерна и муки и фиксированной стоимостью их. Не физическое отсутствие тех или иных продуктов, а установление государственной властью ценовых ограничений привело к параличу рыночных отношений, что сказалось на экономической жизни всей страны.

Правительственная мера преследовала две цели: во-первых, воспрепятствовать падению цен на зерно на внутреннем рынке после прекращения экспорта в 1914 году. Эта мера блестяще удалась. Но существовала и другая задача: оградить широкие слои простых потребителей от вакханалии спекулятивных рыночных манипуляций. Защита интересов простых людей — такая цель делала Царя и Царицу убежденными сторонниками государственного регулирования. Результаты же оказались неудачными.

Уже в середине 1915 года принятые меры показали свою неэффективность. Перебои в поставках не прекращались, очереди у казенных хлебных лавок увеличивались, росло и недовольство. В 1916 году цены были существенно повышены, но оставались фиксированными. Принципиально эта мера ничего не решала, так как стоимость всех прочих товаров и услуг росла значительно быстрее, что делало производство и продажу зерна и муки коммерчески нецелесообразными.

Положение осложнялось расстройством транспорта, как и причинами общего порядка. Весной 1915 года Русская армия начала отступление из западных районов, продолжавшееся до сентября. Россия потеряла 15 губерний с неубранным урожаем. Этот же год дал огромное число беженцев, спасавшихся от германской оккупации и оседавших в центральных районах страны.

Кроме того, неблагоприятные погодные условия привели к серьезному недороду в 1916 году, когда урожай оказался ниже обычного примерно на 40 %.

Ситуация серьезно обострялась, что видел и Монарх, возлагавший надежды на Протопопова. Последний намеревался сосредоточить все продовольственное дело в МВД и поставить его распределение под жесткий контроль. Намерение Протопопова идти «твердым и решительным курсом» нашло живой отклик в сердце Царицы.

Александра Федоровна имела продолжительную встречу с новым Министром внутренних дел и осталась очень довольной. Встреча выявила полное взаимопонимание между собеседниками. Она подробно рассказала об этом в письме Мужу, и тот писал ей в ответ 23 сентября 1916 года: «Нежно благодарю Тебя за Твое дорогое длинное письмо, в котором Ты так хорошо излагаешь Свой разговор с Прот. Дай Бог, чтобы он оказался тем человеком, в котором Мы сейчас нуждаемся!.. Да, действительно, Тебе надо бы быть моими глазами и ушами там, в столице, пока Мне приходится сидеть здесь. На Твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди Министров — этим Ты

приносишь огромную пользу Мне и Нашей стране!»

Назначение Протопопова на важнейший правительственный пост внесло замешательство в ряды думской оппозиции. Недовольное большинство, сомкнув ряды, успешно «добивало» кабинет Б.В. Штюрмера, и было ясно, что его падение не за горами. Так возникала реальная возможность создания долгожданного «кабинета общественного доверия».

И вдруг такой предательский удар! Один из их рядов, человек, которого и в состав будущего так называемого прогрессивного правительства не хотели приглашать, покинул «своих» и занял пост без согласования с ними. Отступника необходимо было морально и политически уничтожить! Если раньше главным объектом клеветнических измышлений являлся глава правительства Штюрмер, то теперь им стал новый Министр внутренних дел.

Глава МВД оказался малодеятельным и безынициативным Министром. Но подобных «недостатков» Протопопова его врагам казалось недостаточно для полного политического уничтожения бывшего коллеги. Требовались более «весомые» аргументы и они сразу же нашлись. Ведь представители «прогрессивной общественности» давно поднаторели в фабрикации сокрушительных сплетен. Для них не имела значения истина. Главное, найти что-нибудь погорячее, что-нибудь такое, что било бы не в бровь, а в глаз.

Против Протопопова думские кликуши выдвинули ряд громких обвинений, но особенно оскорбительными являлись два. Первое — попытка вести сепаратные переговоры с Германией («измена») — довольно быстро отпало в силу своей абсурдности. Второе же интенсивно муссировалось. Уже к ноябрю по всей России циркулировали сведения о том, что у Министра внутренних дел «разжижение мозга» на почве сифилиса, и что он «абсолютно психически ненормален». Нетрудно заключить, что инсинуаторы богатством воображения не блистали.

Слухи о слабоумии Протопопова усиленно распространялись. Дошли они и до Царя. На вопрос об этом протопресвитера Г.И. Щавельского Николай II заметил: «Я об этом слышал. С какого же времени Протопопов стал сумасшедшим? С того, как Я назначил его Министром? Ведь в Государственную Думу выбирал его не Я, а губерния».

Императрица совершенно обоснованно узрела в нападках на Протопопова проявление натиска на власть: он дорог Нам, а следовательно, они его ненавидят. «Не думай, что на этом одном кончится, они по одному удалят всех тех, кто Тебе предан, а затем и Нас Самих». Подобное умозаключение Александры

Федоровны являлось абсолютно верным.

Царица стремилась не допустить отставки Министра внутренних дел, на чем, стараясь нажить политический капитал в обществе, настаивал премьер А.Ф. Трепов, получивший в начале ноября 1916 года пост премьера. Александра Федоровна с грустью приняла выбор главы кабинета: Она его не любила, не считала «своим», так как хорошо была осведомлена о его антираспутинских настроениях.

В вопросе же о Протопопове Она использовала всю Свою энергию, чтобы отвратить Самодержца от неправильного шага и оставить при должности «этого милого, умного и преданного человека». В таком развитии был заинтересован и Распутин, лично знавший Протопопова.

Когда судьба Протопопова висела на волоске после назначения Трепова, Друг Царской Семьи приложил немало усилий для его спасения. В пользу Протопопова работала Вырубова, Императрица, да и сам он постоянно посылал телеграммы. Так, в особо критический момент, 20 ноября, когда Александра Федоровна была в Ставке, Распутин отправил телеграфное послание из 238 слов, заклиная сохранить портфель Министра Протопопову, которого шифровал именем «Калинина».

«Мой Калинин лица верного нет надеюсь что вы хоть маленько его поддержите. Вы знайте: репа хороша, когда зубы есть; ужасно мне больно, что я без зубов… Моя порука этот самый Калинин, а Вам разум пусть поймет».

Николай II, искренне любя Жену, питая благодарное уважение к «дорогому Григорию», все-таки был далек от того, чтобы безоглядно доверяться в государственных делах его советам. Так, рассказав Императрице о своих планах относительно Думы и перестановках в кабинете, он заметил: «Только прошу, не вмешивай Нашего Друга. Ответственность несу Я и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе».

Это право всегда оставалось за Императором, и он назначил Трепова, вопреки настроению и Александры Федоровны, и Распутина. В деле же Протопопова полностью согласился с Царицей, что его отставка явилась бы капитуляций перед безответственными думскими крикунами.

Министр внутренних дел сохранил свой портфель. Это обстоятельство очень способствовало утверждению мнения о «всесилии» Распутина, без поддержки которого Протопопова давно бы уже убрали.

Распутинская тема стала волей-неволей занимать даже людей, которые раньше были далеки от политики. Об этом так много говорили все, приводили такие скандальные подробности,

что трудно было усомниться в их достоверности. «Бедная, бедная Россия!» — горевали обеспокоенные судьбами страны люди. «Неужели Государь не понимает, что Его связь с Распутиным может кончиться катастрофой?» — недоумевали правоверные монархисты.

«Надо уничтожить гадину!» — подобный «боевой клич» звучал во многих петроградских салонах осенью 1916 года. Распутинский фильм ужаса не только потрясал, порождал сплетни и приступы негодования. Он и «воспламенял» сердца, звал на «исторический подвиг». Столичный бомонд породил «исчадие ада», здесь же и созрел план по его «уничтожению».

Исполнителем сей громкой «акции» стал человек, который ничем общественно значимым себя не проявил, но оказался способным на подлое убийство. Это был представитель золотой молодежи, наследник колоссального состояния, эстет, англоман и любитель острых ощущений князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон.

Глава VIII. Последний «герой» столичного бомонда

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 года Распутин был убит во дворце князей Юсуповых на Мойке. Фамильное палаццо одной из самых родовитых семей в России стало местом гнусного злодеяния. Главные действующие лица: князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон, известный общественный деятель правого толка, член Государственной Думы Владимир Митрофанович Пуришкевич, Великий князь (кузен Николая II) Дмитрий Павлович. «Душой» же этого подлого начинания явился Феликс Юсупов.

Он относился к «золотому поколению» аристократии, получил прекрасное образование — в начале классическая гимназия, затем «прослушал курс наук» в Оксфордском университете. Там он сделался заядлым англоманом. Увлечение теннисом (некоторые даже называли его «первой ракеткой России») и необычное в то время преклонение перед Оскаром Уайльдом («Портрет Дориана Грея» считал шедевром) должны были подчеркивать его исключительность.

Князь с детства рос в атмосфере роскоши и изысканности, ни в чем не зная отказа. Он был любимчиком матери — Зинаиды Юсуповой, души не чаявшей в нем. После гибели на дуэли в 1908 году ее сына Николая (он был на три года старше Феликса) Фелюша для матушки стал вообще «единственным сокровищем».

Отец Феликса — князь Феликс Юсупов (старший) — не имел на сына никакого влияния, да и сам был «подкаблучником» у своей жены Зинаиды. В результате «крошка Феликс» вырос капризным, пустым и эгоцентричным человеком, занятым лишь угождением своему тщеславию и погоней за впечатлениями и удовольствиями.

Именно этому представителю русской аристократии после убийства Распутина суждено было стать последним «героем» столичного бомонда. Трудно было вообразить в роли «спасителя Отечества» более несуразную и гротесковую фигуру, а сам факт славословий по его адресу лишь подчеркивает всю глубину исторической деградации, которой достигла русская аристократия накануне падения Монархии…

Красавица Зинаида Юсупова, портрет которой кисти В.А. Серова считается одним из шедевров отечественной портретной живописи, была долгое время в числе доверительных друзей Царя и Царицы. Но за два года до начала Первой мировой войны эта

дружба сошла на нет. Причина охлаждения связана с «Царевым Другом». Императрица Александра Федоровна категорически не желала обсуждать с Зинаидой характер отношений с Григорием Распутиным.

Распаленная же светскими сплетнями, Юсупова перешла все границы этикета, вознамерившись «просветить Царицу» насчет «истинного облика» Друга Ее Семьи. «Выяснение отношений» состоялось 9 марта 1912 года. Юсуповауверяла Императрицу, что все «общество смущено и возмущено» тем, что Распутин бывает во Дворце, что — это «порочный», «аморальный субъект», подлинный облик которого теперь хорошо известен: М.В. Родзянко «выяснил».

Александра Федоровна держалась из последних сил. Все это слушать было нестерпимо. Ведь только недавно Государь передал председателю Думы расследование Консистории, а оказывается, что тот не только всем его показывал, хотя обещал сохранить тайну, но и увидел в нем то, чего там и в помине не было.

Таким людям, как княгиня Зинаида Юсупова, что-то доказывать — бесполезное занятие. Они не верили правдивой простоте, не хотели ничего иного слушать, они не умели чувствовать и понимать того, что находилось за пределами их гостиных. Императрица прервала обличения ясным и окончательным словом о Распутине. «Это честный и верный человек». Тема была закрыта, а княгиня Юсупова потеряла дружеское расположение в Царском Дворце.

После «отставки» Зинаида Юсупова превратилась в деятельного недоброжелателя Венценосцев, инсинуируя по Их адресу при каждой возможности. Она без всякого стеснения давала самые оскорбительные характеристики тем, кто олицетворял власть, не желая понимать, что только благодаря Коронной Власти Юсуповы могли существовать в мире немыслимого богатства, удовлетворяя свои самые утонченные потребности. Княгиня присвоила Императрице прозвище Валидэ, и в кругу родственников и знакомых только так Ее и называла.

Между тем Царь и Царица, как и прежде, продолжали проявлять по отношению к княгине Юсуповой учтивость. Ее приглашали во Дворец, и к Царскому столу, что уже само по себе было знаком особой милости. Но княгиня в такие моменты просто «изнемогала». Вот выдержки из ее письма к сыну от 8 ноября 1913 года.

«6-го был обед и бал в Ливадии. меня посадили за Царским столом, а во время танцев позвали сидеть рядом с Хозяйкой, Которая меня поздравила и много говорила о вас обоих [22 — Имеется в виду будущая женитьба Феликса на племяннице Царя

княжне Ирине Александровне.]. Несмотря на показную любезность (выделено З.Н. Юсуповой. — А.Б.), разговор был сухой, и видно было, насколько я Бй не мила!» Княгиня хотела, чтобы к ней относились как к «милой»! А раз этого нет, то можно было говорить о Царе и Царице незнамо что.

Как представительница знатного рода, княгиня Зинаида прекрасно знала, что такое «репутация», знала и то, что за все дела и добрые, и злые придется отвечать перед Всевышним. Своего непутевого сына Феликса наставляла: «Репутация человека его лучшее богатство! Как надо ее беречь! Малейшее пятно расплывается, и в конце концов все наши дела рано или поздно всплывают наружу. Надо жить так, чтобы для клеветы не было почвы! Надо жить каким-нибудь делом, каким-нибудь идеалом, не забывая, что все кончается на земле, и что мы когда-нибудь воздадим отчет о нашей жизни не только людям, но и Богу!»

Золотые слова; тут нечего ни убавить, ни прибавить. Конечно, княгиня не предполагала, что в том «отчете» будет сказано, что она — беспардонная клеветница, а ее сын — убийца!

Супруг же Зинаиды Николаевны Феликс Феликсович Юсупов («Старший») вообще никакого личного суждения не имел; его глазами, ушами и языком была любимая Зизи. При такой ситуации вполне естественно, что папаша, вслед за мамашей, иначе как «мерзавцем» Распутина не называл.

Факт общения Григория с Царской Семьей превратился в постоянную тему «кошмара», которую в доме Юсуповых мусолили без устали. Княгиня Зинаида, по ее словам, просто «задыхалась от ненависти». В октябре 1915 года писала сыну:

«Я должна сказать, что то, что происходит в Царском Селе, меня возмущает до такой степени, что я бы желалауйти куда-нибудь далеко, далеко и никогда больше не вернуться! Григорий опять вернулся. Варнава, говорят, получает повышение! А Самарина прямо прижали из-за этих мерзавцев, по приказанию сумасшедшей (!!! — А.Б.) Валидэ, которая также свела с ума (!!! — А.Б.) своего Супруга! Я прямо задыхаюсь от возмущения и нахожу, что дальше терпеть этого нельзя».

Зинаида Николаевна никуда не «удалилась». Она оставалась в гуще светских сплетен, адресуя Венценосцам такие слова и определения, которые и не всякий «профессиональный революционер» использовал.

За три недели до убийства Григория Распутина Зизи Юсупова писала Феликсу: «Теперь поздно, без скандала не обойтись, а тогда можно было спасти, требуя удаления Управляющего (Царя. — А.Б.) на все время войны и невмешательства Валидэ в государственные вопросы. И теперь, я повторяю, что пока два

вопроса не будут ликвидированы, ничего не выйдет мирным путем, скажи это дяде Мише (Родзянко. — А.Б.) от меня». Иными словами, княгиня уже готова была приветствовать свержение («удаление») Императора!

Своими поношениями и призывами Зинаида фактически подталкивала сына на преступление, которое тот и совершил. Узнав о том, матушка не только не содрогнулась, но и стала считать сына «героем».

В такой атмосфере ненависти Фелюша вращался не один год. Он был полностью согласен с матушкой, что «Царица — психопатка», а Царь — «безвольная тряпка».

Несмотря на свое оскорбительное отношение к Венценосцам, папаша и мамаша очень поддерживали намерение «Фелюши» жениться на племяннице Царя княжне Ирине Александровне (дочери сестры Николая II Ксении Александровны). В феврале 1914 года в Аничковом дворце состоялось венчание, и Юсуповы породнились с Императорской Фамилией. Брак сына не изменил отрицательного отношения княгини Юсуповой к Царю и Царице.

Благодаря убийству Распутина Феликс получил, можно сказать, всемирную славу. Кто бы знал этого княжеского отпрыска, некогда прославившегося лишь своими переодеваниями в женские наряды, в которых аристократ-трансвестит не только посещал публичные места, но и даже выступал на подмостках кабаре и в России, и за границей.

У «мадмуазель» случались замечательные «виктории». Миловидный девичий образ, в котором представал Юсупов перед публикой, притягивал взоры мужчин. А князю так хотелось быть центром внимания, он с детства мечтал о славе. Однажды в Париже, в театре, Феликс заметил, что «пожилой субъект из литерной ложи настойчиво меня лорнирует. В антракте, когда зажегся свет, я увидел, что это Король Эдуард VII». Вскоре доверенное лицо Короля пыталось выведать у спутников «прелестной красотки», кто она такая. Английский Монарх имел стойкую репутацию «первого Донжуана Европы» и подобное внимание, как признался позже князь, «было приятно» и «льстило самолюбию».

Подобные «заслуги» вряд ли запечатлели бы образ Юсупова в анналах истории. Лишь совершенное убийство принесло ему долгожданное «паблисити», и таким путем ему действительно удалось оставить свой «плевок в истории».

Юсупов никогда не испытывал раскаяния. Через две недели после убийства Распутина он послал своей теще Великой княгине Ксении Александровне письмо, в котором убеждал, что его ни в коем случае нельзя считать убийцей, потому что он являлся

«только орудием Провидения, которое дало ту непонятную и нечеловеческую силу и спокойствие духа, которые помогли исполнить свой долг перед родиной и Царем, уничтожив ту злую, дьявольскую силу, бывшую позором для России и всего мира, перед которой до сих пор все были бессильны».

Уже после революции, отвечая на вопрос доктора Е.С. Боткина: «Бывают ли у Вас угрызения совести? Ведь Вы все-таки человека убили», Юсупов без запинки, с улыбкой на устах изрек: «Никогда. Я ведь собаку убил». Не испытывал раскаяния и его «подельник» Великий князь Дмитрий Павлович.

После бегства из России Ф.Ф. Юсупов неоднократно публиковал воспоминания о той ночи, которая сделала его всемирно известной фигурой. Прожив за границей почти сорок лет, он не овладел ни одной профессией. Но при этом старый повеса так и «не научился считать деньги». А зачем? Ведь торговля воспоминаниями об убийстве приносила в эмиграции Юсупову неплохой доход.

Особенно повезло в начале 30-х годов, когда князю удалось сорвать баснословный куш. Тогда он предъявил судебный иск голливудской компании «Метро-Голдвин-Майер» за фильм «Распутин и Императрица», в котором князь узрел «оскорбление чести жены», которая в одной из сцен уступала «интимным домогательствам Распутина». Суд происходил весной 1934 года в Лондоне, продолжался две недели, и Юсуповы получили, как писал в своих воспоминаниях князь, «крупное возмещение».

Речь шла о сотнях тысячах долларов. Но вернемся к главному сюжету.

Феликс впервые встретился «с отвратительным мужиком» еще в 1909 году (по другим данным, в 1911 году). Поклонница старца-утешителя, известная нам Муня Головина, питавшая «большое романтическое чувство» к молодому Юсупову, познакомила их в своем доме еще тогда, когда имя Григория Распутина не было широко известно.

Князь как истинный представитель золотой столичной молодежи, интересовался модными течениями и необычными явлениями, занимавшими свет. В числу таких «диковин» и относился проповедник из Сибири. Однако эта встреча не привела к каким-либо регулярным отношениям. Лишь в годы войны антираспутинская истерия толкнула князя на сближение с Распутиным, чтобы «разгадать его тайну».

Друг Царской Семьи с первой же встречи проявил большой интерес к Маленькому (прозвище Феликса-младшего в придворной среде). В 1915–1916 годах они встречались несколько раз в узком кругу, пили чай, Феликс играл на гитаре и пел очень

любимые Григорием жестокие романсы. Тот же в свою очередь много пророчествовал и вылечил «русского денди» от бессонницы.

Почему же все-таки Юсупов решился убить Распутина? В своих статьях, интервью и книгах Феликс не раз о том говорил, всегда выставляя на первое место некие исторические причины. Особенно часто звучало утверждение, что он, убивая Распутина, пытался «спасти Россию» от злой силы, которую олицетворял этот человек, «полностью закабаливший Царицу и подчинивший своей воле Царя». Главная цель «акции» — «спасти Россию» от «власти темного мужика», который стал агентом врагов России, подосланных Германией.

Эту нелепицу Феликс Юсупов продолжал озвучивать и через десятилетия после тех событий, когда со всей документальной определенностью было установлено, что Распутин «марионеткой» ни Германии, ни каких-то других «враждебных России кругов» никогда не являлся и «правителем» Империи ни минуты не был. Но реальные факты Юсупову были не нужны, и он до самой смерти пребывал в мире сладостной иллюзии, что одолел «врага России», «дьявола по плоти».

Скажи же он правду, то и оказалось бы, что князь пригласил в свой дом человека и подло его там убил. И никакого величия, никакой патетики, никакого «портрета в истории». Однако, если бы Юсупов признал подлинную «диспозицию», кто бы тогда на него обратил внимание, да и на что же, в конце концов, титулованный «рыцарь света» жил бы десятилетия в эмиграции? Поэтому, угождая своему жалкому самомнению, лгал и лгал до самой кончины и при этом, что самое омерзительное, имя Бога постоянно поминал.

На самом деле Юсупов стал «рукой Провидения» лишь потому, что уязвлена была родовая аристократическая спесь. Об этом побудительном мотиве нежно-утонченный герой, конечно же, никогда не упоминал.

По его словам, князь якобы только и переживал, что за «судьбу России», «страдал» за ее будущее. Здесь нужно сделать одно важное уточнение. Для Юсупова-младшего Россия — это исключительно столичные дворцы, ложи в императорских театрах, родовые имения и дорогие рестораны. Никакой другой России он не знал, и знать не хотел. Так было в жизни, но в его мемуарах все представлено иначе [23 — Полный текс его воспоминаний был опубликован у нас в стране в 1998 году. Князь Феликс Юсупов. Мемуары.].

«Героизм русских войск был исключительный, неслыханный. Россия чувствовала эти жертвы. Огромная страна в величайшем

своем напряжении ощущала, как из ее организма струями бежит сильная и чистая кровь, кровь самых лучших, самых мужественных, радостно умиравших не только за русское, но и за общее дело».

К автору сего патетического монолога о доблести русского воинства на полях сражений Первой мировой войны возникает уместный вопрос: почему же он не оказался на поле брани, почему не влился в ряды тех героев, подвиги которых так красочно живописал. Сам Феликс о том нигде не заикнулся, но и без его помощи можно дать документально подтвержденный ответ: князь не хотел идти на войну. Произнеся множество слов о чести страны и армии, не раз укоряя Царя и Царицу в том, что они «не следовали долгу», сам-то он сделал все возможное, чтобы провести военные будни не на фронте, а в семейных апартаментах.

«Слабовольный Царь» почти безвыездно находился в Ставке, «истеричная Императрица» чуть не ежедневно обмывала и перевязывала раны воинов в госпитале, а Фелюша бездельничал, целыми днями слонялся по знакомым, перемывал кости Венценосной Чете, бражничал и больше всего был обеспокоен лишь одним: как бы ему не попасть в ряды тех, кто имел «сильную и чистую кровь».

В начале марта 1915 года дочь Царя Ольга Николаевна сообщала Отцу, что Она была в Петрограде и видела в доме тети Ксении Феликса. По наблюдению Великой княжны, Юсупов «сущий штатский», одет во все коричневое, ходил по комнате, рылся в разных шкафах с журналами и в сущности ничего не делал; весьма неприятное впечатление он производит — мужчина в такое время лодырничает». Сам будущий «герой бомонда» никакой неловкости не испытывал.

Вопрос об избавлении Фелюши от долга службы очень занимал «честную», «открытую» и «правдивую» матушку. Она имела по этому поводу беседы с сестрой Царя Ксенией Александровной, которая приняла близко к сердцу переживания своей родственницы. Две дамы объединили усилия. К делу привлекли военного Министра А.А. Поливанова, а Ксения обещала при случае даже переговорить с самим Государем. В начале октября 1915 года матушка сообщала «милому Феликсу»: «Дело все-таки не сделано. По-моему, самое главное выхлопотать отсрочку по болезни до февраля, с правом поступления в Пажеский корпус. Об этом надо очень подумать».

Чтобы избавить сына от исполнения долга перед Россией, Зинаида готова была пойти на непристойные ухищрения и устроить «Фелюшу» в Пажеский корпус, откуда на фронт не

призывали, но куда принимали лишь юных отроков, из возраста которых «князь-абитуриент» давно вышел. Но «неудобные традиции» и мнение других Юсуповых не интересовали, главное — провернуть угодное дельце. Благодаря связям и влиянию, оно и было устроено: Феликс был избавлен от военной службы.

В своих мемуарах Юсупов лишь мельком упоминает о своем неучастии в деле защиты «любимой России». «Мне стало стыдно сидеть в тылу, когда все ровесники мои ехали на фронт. Я решил поступить волонтером в Пажеский корпус и выполнить военный ценз на звание офицера. Год ученья был для меня тяжел, но и полезен. Военная школа укротила мой слишком гордый, строптивый и своенравный нрав». Итак, нрав военные занятия якобы «укротили», но почему же на фронте родовитый «патриот» так и не оказался? Об этом — ни звука. Может быть, стыдно было говорить правду?

Подобное трудно вообразить, если учесть, что речь идет о мемуарах не раскаившегося убийцы.

Невольно вспоминается другая, рассказанная выше история, происходившая примерно в то же же самое время, когда Феликс Юсупов уклонялся от исполнения воинского долга: о призыве в армию Дмитрия Распутина, за которого неоднократно просил его отец. Как уже говорилось, единственного сына Друга Царской Семьи все-таки призвали. Княжеский же отпрыск избежал подобной участи. В этой связи уместно сопоставить возможности Юсуповых и Григория Распутина.

Если кто-то из читателей настоящей книги увидит серовский портрет Зинаиды Николаевны Юсуповой, то он должен помнить, что перед ним не только художественно замечательное изображение одной из самых богатых и красивых женщин Российской Империи. Это также и образ аристократки, влияние которой порой было куда более значительным, чем у легендарного Распутина. Один из самых вопиющих случаев подобного рода и отмечен выше.

В многочисленных своих публикациях князь постоянно описывает облик и биографию будущей своей жертвы, предлагая публике омерзительный портрет. «Родился он в Покровской слободе, Тобольской губернии. Родитель Григория Ефимовича — горький пьяница, вор и барышник Ефим Новых. Сын пошел по стопам отца — перекупал лошадей, был «варнаком». «Варнак» у сибиряков означает отпетый мерзавец. Сыздетства Григория звали на селе «распутником», откуда и фамилия. Крестьяне побивали его палками, пристава по приказу исправника прилюдно наказывали плетью, а ему хоть бы что, только крепче становился».

Процитированные глупости Юсупов сочинял в Париже, через

несколько десятилетий после бегства из России. Он за это время мог бы что-то узнать, хоть какие-то факты установить, но ничего не узнал и не установил. Ложь была так удобна, да к тому же книга воспоминаний предназначалась для французов, ничего вообще не смыливших в русском прошлом. Князь, так же как и другие погасшие «звезды истории», например тот же Керенский, тиражировал пошлости без всякого стеснения. Приведем еще один пассаж из писаний родовитого мемуариста.

«В Царицыне он (Распутин. — А.Б.) лишает девственности монахиню под предлогом изгнания бесов.

В Казани замечен выбегающим из борделя с голой девкой впереди себя, которую хлыщет ремнем. В Тобольске соблазняет мужнюю жену, благочестивую даму, супругу инженера, и доводит ее до того, что та во всеуслышанье кричит о своей страсти и похваляется позором. Что ж с того? Хлысту все позволено! И греховная связь с ним — благодать Божья».

Бесконечно пересказывая грязную клевету, он одну из самых скандальных сплетен все-таки опустил: о своей половой связи с Распутиным. Об этом тоже говорили в салонах. Так как многие однозначно относили Юсупова к числу «очевидных» гомосексуалистов, а Распутина называли «неутомимым жеребцом», то в их отношениях, что являлось естественным для того времени, светские знатоки быстро «обнаружили» и «половые влечения». При всей порочности и бессовестности Феликса Юсупова, думается, что «сексуального мотива» в их отношениях никогда не было. Вызывалось это не «моральными устоями» князя, которых тот начисто был лишен, а отсутствием каких-либо подобных наклонностей у Григория Распутина.

Не будем больше цитировать высказывания и оценки Юсупова. Приведенные выдержки красноречиво характеризуют их уровень, который читателю уже известен по высказываниям других, одержимых антираспутинским психозом современников. Попытаемся все-таки понять, почему изнеженный аристократ, падающий в обморок от вида крови, все же решил пойти на убийство.

Первое, что здесь приходит наум, так это предположение, что Феликсу лавры Дориана Грея не давали покоя. Но между литературной и реальной фигурами существовала одна принципиальная разница: если герой Оскара Уайльда убивал, чтобы сохранить личную тайну, спасти себя и продлить свою патологическую молодость, то русский князь вознамерился обагрить руки кровью, чтобы, как он уверяет, «спасти Россию».

Первое время, как повествовал князь, его мучили сомнения относительно возможности сознательно убить человека. Однако

колебания длились недолго. Скоро Феликс пришел к заключению, что раз на войне «убивают неповинных людей», потому что они «враги отечества», то, значит, в самом факте убийства ничего предосудительно нет, если оно обуславливается целями «спасения родины». Так как

Юсупову удалось избежать участи «фронтового бойца», то он решил заняться уничтожением недруга, не покидая пределов столицы.

По мнению юсуповского клана и их знакомых, Распутин — особо важный, самый главный и наиболее опасный «враг». Последние сомнения относительно необходимости убийства Распутина у Юсупова отпали после разговора с председателем Думы М.В. Родзянко. «Верный слуга Государя» без обиняков заверил князя, что не будь он таким старым, то лично бы «его прикончил». Это была желанная индульгенция. Путь к преступлению был открыт.

План убийства Юсупов начал вынашивать осенью 1916 года. Первоначально Феликс не хотел сам «пачкать руки убийством»; он собирался подыскать человека, способного сделать это за деньги. По мнению аристократа, такого рода людей можно было найти, конечно же, в революционной среде. За посредничеством он обратился в начале ноября 1916 года к видному общественному деятелю либеральной ориентации, известному адвокату и депутату Думы Василию Маклакову.

Тот нашел просьбу «бестактной», но тем не менее счел необходимым политически просветить Юсупова. «Вы воображаете, что Распутина будут убивать революционеры? Да разве они не понимают, что Распутин их лучший союзник? Никто не причинил Монархии столько вреда, сколько Распутин; они ни за что не станут его убивать».

Адвокат первоначально не выказывал интереса к юсуповской идее, заметив, что если убить Распутина, то «появится другой». Феликс же принялся уговаривать, ссылаясь на знания инфернальных сил, на свои «точные сведения» о положении дел при Дворе.

«Вы так говорите, потому что не верите в сверхъестественную силу. А я хорошо знаком с этим вопросом, я занимался оккультизмом; и я утверждаю, что Распутин обладает силой, которую можно встретить раз в сотни лет. Если убить сегодня Распутина, через две недели Императрицу придется поместить в больницу для душевнобольных. Ее душевное равновесие держится исключительно на Распутине; она развалится тотчас, как только его не станет. А когда Император освободится от влияния Распутина и своей жены, все переменится; он сделается хорошим

конституционным Монархом». Эти глупые представления Юсупов потом нигде не воспроизвел, они известны лишь благодаря записям Маклакова.

Маститый адвокат имел куда более основательные политические представления, чем его собеседник. Однако уже при повторной встрече (всего князь с Маклаковым имели, по крайней мере, три беседы по поводу убийства) начал проявлять признаки заинтересованного внимания. Эту перемену отношения Маклаков объяснил тем, что во второй раз Юсупов приехал к нему «уже не нанимателем убийц, а человеком, решившимся действовать лично».

Мэтру адвокатуры такое намерение явно приглянулось, хотя он и понимал, что «если бы дело дошло до суда, я подлежал бы уголовной ответственности как пособник». Но желание «попасть в историю» оказалось сильнее доводов профессиональной этики и моральных норм. Маклаков сделался ментором Юсупова.

«В разговоре с Юсуповым, настаивая на том, что убийство нужно делать без шума и оставлять против себя как можно меньше улик, я сказал, что убить всего лучше ударом; можно будет потом привезти труп в парк, переехать автомобилем и симулировать несчастный случай. Говоря об орудии, которым можно было бы покончить с человеком без шума и без улик, я указал ему для примера на лежащий на моем столе кистень. Это была не резиновая палка, как говорит князь Юсупов, это был кистень с двумя свинцовыми шарами, на коротенькой гнущийся ручке. Его я еще до войны купил за границей».

История подготовки убийства просто потрясает своим бесстыдством: известнейший русский адвокат обучает потенциального убийцу, как совершить преступление и скрыть следы! Действительно, то время в истории России являлось периодом массового помешательства.

Юсупов слушал наставления известного либерала, затаив дыхание. Однако ему требовались не только советы, но и реальные помощники. В числе таковых первым оказался двоюродный брат Царя Великий князь Дмитрий Павлович. Он был почти сыном в Царской Семье, много лет Александра Федоровна и Николай II относились к нему просто с родительским участием.

Таки осталось до конца неясным, почему же Дмитрий — внук Императора Александра II (!!!), согласился участвовать в убийстве, прекрасно понимая, что этим нанесет страшный удар Венценосцам. Не имея никаких политических интересов, лишенный всякого общественного кругозора он, как и его задушевный друг Феликс, меньше всего был способен

руководствоваться неким мировоззрением. Очевидно, и здесь определяющую роль имели специфические личные черты пресыщенной натуры: жажда впечатлений, тяга к тайному и запретному.

Третьим заметным участником акции стал страстный думский оратор Владимир Пуришкевич. Он считался «твердокаменным монархистом», много лет без устали клеймившим мнимых и истинных врагов трона и Монархии. Под влиянием военных неудач и роста всеобщего недовольства, он, как и многие другие, вдруг разглядел истинную причину всех зол в Распутине.

19 декабря 1916 года Пуришкевич произнес с трибуны Государственной Думы пламенную речь, где восклицал: «В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий при других условиях, опаснее Гришки Отрепьева». Выступление произвело сильное впечатление на многих и вызвало большой интерес у князя, который ознакомил Пуришкевича со своим намерением и встретил полную поддержку.

В общих чертах замысел убийства был готов уже во второй половине ноября 1916 года. В него была посвящена и супруга князя Ирина Александровна, которой он сообщал 20 ноября: «Я ужасно занят разработкой плана об уничтожении Р. Это теперь прямо необходимо, а то все будет кончено. Для этого я часто вижусь с Марией Головиной и с ним. Они меня очень полюбили и во всем со мной откровенны. Он все меня зовет с ним ехать к цыганам. На днях поеду “ряженым”. Ты должна тоже в том участвовать. Дмитрий Павлович обо всем знает и помогает. Все это произойдет в середине декабря».

В письме супруге Юсупов подчеркнул фразу: «Ни слова никому о том, что я пишу, т. е. о наших занятиях», а в конце добавил: «Скажи моей матери, прочитай ей мое письмо». Не только жена, но и Зинаида Юсупова была осведомлена о намерении своего отпрыска.

Ментор князя Маклаков настаивал: подготовку надо «провести в строжайшей тайне». Юсупов с этим был согласен, конспирировал, но все ухищрения оказались напрасными. Страстный ненавистник «грязного Гришки» Пуришкевич обо всем раструбил. Позднее Маклаков вспоминал: «За несколько дней до убийства ко мне пришла думская журналистка М.И. Бекер. “Знаете ли Вы, — спросила она, — что Распутин будет скоро убит?” Я сделал вид удивленный. “Я имею определенные данные: убийство состоится в доме Юсупова, в нем участвуют сам Юсупов

и Великий князь Дмитрий Павлович” — “Кто Вам это наплел?” — “Пуришкевич”».

Оказалось, что «твердокаменный монархист», давно страдавший тяжелым недугом — «реченедержанием», — рассказал о намечаемой акции в думской комнате для журналистов! Маклаков от такого неожиданного известия просто на какое-то время онемел. Он немедленно встретился с главным организатором. «Я рассказал об этом Юсупову. Он был потрясен и заговорил со мной другим тоном: “Я больше не могу; если бы вы знали, как мало мне помогают мои сотрудники по этому делу! Я все должен делать один”». Несчастный! Как ему трудно приходилось!

Вскоре выяснилось, что Маклаков не будет лично участвовать в «акте возмездия». Адвокат узнал, что его присутствие в доме Юсупова в момент убийства нежелательно, потому что этому воспротивился Великий князь Дмитрий Павлович, считавший, что к делу не следует привлекать «политически левые элементы», так как «убийство затеяно истинными монархистами для спасения Монархии и что участие кадета придало бы ему совершенно иной характер». Проще говоря, только истинные ревнители «монархизма» должны были убивать во имя «Монархии» человека, которого так ценил Монарх и который не раз спасал жизнь Наследнику Престола! Подобная «философия» не казалась участникам абсурдной.

Маклаков в «деле спасения Монархии» личного участия не принимал и накануне отбыл в Москву «читать лекцию». Но содействие он все-таки оказал. Именно он дал Юсупову коробочку с гранулами цианистого калия, которым Феликс должен был отравить ненавистного ДругаЦарской Семьи. Уже в эмиграции Василий Маклаков признался, что вместо яда дал Юсупову простой аспирин, чем и объяснил удивительную невосприимчивость Распутина к действию якобы смертоносной отравы.

План убийства не блистал изобретательностью. Феликс решил пригласить Распутина к себе в гости и там покончить с ним «раз и навсегда». Повод для приглашения: намерение жены Феликса Ирины познакомиться с Григорием, которая с ним знакома не была. Утверждение о намерении встречи являлось ложью. Сама Ирина в тот момент находилась в Крыму, не было в Петрограде и родителей Феликса.

Сам главный организатор намеревался на следующий же после убийства день отбыть к семье в Крым. Своей супруге он послал депешу, где просил: «Пришли 16-го мне телеграмму, что ты заболела и просишь меня приехать в Крым — это необходимо».

О недобрых намерениях относительно Распутина в окружении Царицы стало известно еще накануне. Вырубова вспоминала: «Днем 16 декабря Государыня послала меня к Григорию Ефимовичу с поручением, никак не связанным с политикой — отвести ему икону, привезенную Ею из Новгорода. Я оставалась (у него) минут 15, слышала от него, что он собирается поздно вечером ехать к Феликсу Юсупову знакомиться с его женой Ириной Александровной. Хотя я знала, что Распутин часто виделся с Феликсом Юсуповым, однако мне показалось странным, что он едет к ним так поздно. Но он ответил мне, что Феликс не хочет, чтобы об этом узнали его родители. Когда я уезжала, Григорий Ефимович сказал мне странную фразу: “Что еще тебе нужно от меня? Ты уже все получила”. Вечером я рассказала Государыне, что Распутин собирается к Юсуповым знакомиться с Ириной Александровной. “Должно быть, какая-то ошибка, — ответила Государыня, — так как Ирина в Крыму и старших Юсуповых нет в городе”».

Последняя встреча Венценосцев с Григорием Распутиным состоялась за две недели до его убийства, 2 декабря. В Царском дневнике есть фразазатот день: «Вечер провели у Ани в беседе с Григорием». Эта встреча закончилась совершенно необычно. Вырубова вспоминала: «Когда Их Величества встали, чтобы проститься с ним, Государь сказал, как всегда: “Григорий, перекрести нас всех”. “Сегодня Ты благослови меня”, - ответил Григорий Ефимович, что Государь и сделал. Чувствовал ли Распутин, что он видит Их в последний раз, не знаю.» Этого никто не знал из окружающих, но предчувствие скорой смерти не оставляло Григория Распутина весь последний период земной жизни.

Царь вместе с Сыном 4 декабря отбыл в Могилев. Александра Федоровна осталась в Царском Селе и еще несколько раз виделась с Григорием. Об этих встречах Она всегда подробно сообщала Супругу. 6 декабря писала: «Мы провели вчерашний вечер уютно и мило в маленьком домике (у Вырубовой. — А.Б.). Милая большая Лили (Ден. — А.Б.) тоже пришла туда попозднее, а также Муня Головина. Он (Распутин. — А.Б.) был в хорошем, веселом настроении. Видно, что он все время думает о Тебе и что все теперь пойдет хорошо».

К тому времени план убийства Распутина был уже в общем и целом готов. Нужно было «доработать» лишь отдельные «детали».

Местом проведения «акции» Феликс Юсупов избрал родительский дом. «Я решил принять Распутина в помещении, которое только что было оборудовано в подвале. Арки разделяли его на две части. Большая служила столовой, из другой выходила

винтовая лестница, поднимавшаяся в мои комнаты на первом этаже; на половине дороги была дверь, выходившая во Двор. Этот зал с двумя маленькими окнами, выходившими на уровне земли на набережную Мойки. Стены были из серого камня, пол гранитный. Три большие красные вазы китайского фарфорауже украшали ниши в стене. Из кладовых принесли выбранные мною предметы: старинные стулья резного дерева, обитые почерневшей от времени кожей, массивные дубовые кресла с высокими спинками, маленькие столики, покрытые цветной материей, кубки из слоновой кости и множество других предметов художественной работы».

Утонченный эстет желал, чтобы место преступления было обставлено «изысканно». «Я до сих пор вижу во всех подробностях убранство этой комнаты и, особенно, шкаф эбенового дерева с инкрустациями, содержащий целый лабиринт маленьких стекол, бронзовых колонок и потайных ящичков. На этом шкафу стояло распятие из горного хрусталя и гравированного серебра великолепной итальянской работы XVI века. (Распятие — работа великого итальянского мастера Бенвенуто Челлини — стоило целое состояние. — А.Б.). Большой камин из красного гранита был украшен золочеными чашами, старинными майоликовыми блюдами и скульптурной группой из слоновой кости. На пол расстелили большой персидский ковер, перед шкафом с лабиринтом, шкуру огромного белого медведя».

Как истинный последователь Уайльда, Юсупов не сомневался, что драматическое действие должно разворачиваться лишь в дорогих интерьерах. Подвал юсуповского дворца после всех приготовлений выглядел как апартаменты времен Борджиа…

Заговорщики встретились во дворце Юсупова вечером 17 декабря. Они осмотрели приготовленное помещение: на столе стоял горячий самовар, блюдо с пирожными «буше», поднос с бутылками вина и стаканами.

Помимо трех главных действующих лиц, участие принимали и еще двое: Станислав Лазаверт — доктор из санитарного отряда В.М. Пуришкевича, а также знакомый Юсупова поручик Сергей Сухотин, который раньше лечился в лазарете Юсуповых. Странное появление этого молодого человека в данном «изысканном сообществе» убийц никто не объяснил.

Пуришкевич захватил с собой из дома пистолет системы «Savage», из которого и будет потом убит Распутин. Около 11 часов вечера 16 декабря доктор Лазаверт надел резиновые перчатки, затем «снял верхушки пирожных, посыпал начинку порошком в количестве, способном, по его словам, убить слона».

После завершения приготовлений гости князя отправились

наверх, где они должны были изображать веселую вечеринку, а Феликс поехал на Гороховую, 64, в квартиру Распутина. Дочь Матрена вспоминала: «В 12 часов ночи к нам приехал Юсупов. Отец встретил его словами: “Ах, маленький, ты пришел”. Юсупов спросил его: “Посторонних нет?” Отец ответил, что никого нет. Тогда Юсупов сказал ему: “Пойдем кутить”. Они уехали, и больше отец не возвращался».

Что происходило в подвале дома на Мойке, какие разговоры вели Феликс Юсупов и Григорий Распутин на протяжении примерно двух часов, о том известно лишь из воспоминаний Юсупова.

Однако вышедшие в разные годы и в разных странах откровения князя-убийцы содержат множество противоречий и неточностей, а некоторые места наполнены нарочитой мистической патетикой и как будто позаимствованы из низкопробных бульварных романов. Но другого источника нет и не будет, и узнать, в какой степени мемуарные реминисценции князя соответствовали действительности, никогда не удастся.

В изложении князя все походило на какую-то дешевую и мрачную оперетку. В общих чертах картина той ночи выглядела следующим образом. Юсупов прибыл со своим гостем во дворец вскоре после полуночи 17 декабря. Провел его в подвал, пригласил к столу, стал угощать его пирожными и вином (в бокалы тоже был положен порошок) и вел с ним разговоры «за жизнь». Распутин попросил князя спеть, и тот исполнил под гитару несколько столь им любимых «жестоких романсов».

Яд не действовал. Несколько раз Распутин спрашивал, где же хозяйка, на что Феликс отвечал, что она провожает гостей. Распутин собирался уходить, но задержался у эбенового шкафа с распятием, стал его рассматривать. В этот момент Юсупов выстрелил ему в спину из браунинга. Распутин упал, как показалось, замертво. На шум выстрела прибежали сообщники.

Об увиденном написал Пуришкевич. «Нам представилась следующая картина: перед диваном, в гостиной, на шкуре белого медведя лежал умирающий Григорий Распутин, а над ним, держа револьвер в правой руке, заложенной за спину, совершенно спокойно стоял Юсупов. Не знаю, сколько времени простоял я здесь; в конце концов раздался голос Юсупова: “Ну-с, господа, идемте наверх, нужно кончать начатое”. Мы вышли из столовой, погасив в ней электричество и притворив слегка дверь».

Соучастники выпили на радостях вина и были необычайно возбуждены.

Через некоторое время Юсупов вернулся вниз, включил свет и стал смотреть на убитого. Далее произошло невероятное.

Распутин «внезапно открыл левый глаз. Через несколько мгновений его правое веко тоже стало подрагивать, потом поднялось. Внезапным и сильным движением Распутин вскочил на ноги с пеной у рта. Дикий вопль раздался под сводами, его руки конвульсивно хватали воздух. Он бросился на меня, пытаясь схватить меня за горло, его пальцы, как клещи, впивались в мои плечи. Глаза его вылезали из орбит, изо рта текла кровь. Низким и хриплым голосом он все время звал меня по имени. Нечеловеческим усилием я вырвался из его хватки. Я бросился наверх, зовя Пуришкевича, оставшегося в моем кабинете».

На помощь почти обезумевшему от страха князю пришел скандальный борец «за чистоту монархической идеи». «Медлить было нельзя ни мгновенья, и я, не растерявшись, выхватил из кармана мой “соваж” Поставил его на “огонь” и бегом спустился с лестницы. Григорий Распутин, которого я полчаса назад созерцал при последнем издыхании, лежащим на каменном полу столовой, переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дворе дворца вдоль железной решетки, выходившей на улицу. Я бросился за ним вдогонку и выстрелил».

Три раза Пуришкевич промахнулся, и лишь четвертая пуля попала Распутину в голову. Потом обезумевшие заговорщики пинали и избивали бездыханное тело. С главным же организатором от избытка эмоций тут же, около убитого, сделался обморок, и сообщникам пришлось тащить Феликса во дворец и там приводить в чувство.

Как констатировал прокурор С.В. Завадский, ведший дело об убийстве Распутина, проведенное вскрытие тела показало, что «Распутину были нанесены три смертельные раны: в почки, в печень и в мозг. По мнению вскрывавших, после первой раны Распутин не мог жить более 20 минут, а все три были прижизненные, следовательно, третья должна была последовать за первою в промежуток времени самое большее около четверти часа».

По данным медицинского освидетельствования, кроме пулевых ран в спину и голову у Распутина была «огромная рваная рана в левом боку, сделанная ножом или шпорой». Никакого яда в организме Распутина обнаружено не было, Маклаков сказал правду. Сам же акт медицинского освидетельствования трупа Распутина почему-то был уничтожен еще при Временном правительстве.

Заговорщики придавали большое значение тщательному сокрытию следов преступления. Тело Григория Распутина на автомобиле Великого князя Дмитрия отвезли подальше от юсуповского дворца и бросили под лед.

Участники условились категорически отрицать все возможные обвинения, хотя, казалось бы, они делали «великое дело», совершали, по их представлениям, чуть не «подвиг самопожертвования». Вели же себя как заурядные убийцы.

Князь Юсупов отправил Царице письмо, где отрицал какую-либо причастность к убийству и в заключении восклицал: «Я не нахожу слов, Ваше Величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившимся и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на меня возводятся. Остаюсь глубоко преданный Вашему Величеству Феликс».

Однако ухищрения были напрасны. Уже 17 декабря Царица писала Мужу: «Мы сидим, все вместе — Ты можешь представить наши чувства — наш Друг исчез. Вчера А. (Вырубова. — А.Б.) видела его, и он ей сказал, что Феликс просит его приехать к нему ночью, что за Ним заедет автомобиль, чтоб Он мог повидать Ирину. Я не могу и не хочу верить, что Его убили. Да смилуется над ним Бог!» Но очень скоро стало ясно: Григория убили.

Сенсационная новость о его смерти быстро распространилась. Многие ликовали. Председатель Думы М.В. Родзянко, находившийся в курсе всего этого «важного дела», встретив Юсупова, обнял, прослезился и не смог удержаться от публичного выражения восторга. Князь потом признавался, что такое «отеческое отношение успокоило и окрылило меня».

Свое собственное расследование затеял самый «свободолюбивый» член Династии — Великий князь Николай Михайлович. 19 декабря он «настиг» Феликса Юсупова в доме Дмитрия Павловича и «учинил дознание». Молодой князь ему «открылся», признавшись в убийстве. Самое замечательное состояло в том, как он мотивировал свой поступок. Оказывается, как зафиксировал Николай Михайлович в дневнике, Юсупов узнал, что «к концу декабря было решено подписать сепаратный мир с Германией (!!! — А.Б.). Это вызвало у Юсупова желание, а вскоре и твердое решение покончить с ним во что бы то ни стало».

Записав эти бредни, Великий князь никак их не прокомментировал, но когда узнал детали злодеяния, то лишь меланхолически заметил, что все это напоминает «средневековое убийство в Италии!!». Остыв от впечатлений, через несколько дней записал: «Не могу еще разобраться в психике молодых людей. Безусловно, они невропаты, какие-то эстеты, и все, что они совершили, — хотя очистили воздух, но — полумера, так как надо обязательно покончить (!!! — А.Б.) с Александрой Федоровной и с Протопоповым». Ни слова осуждения самого преступного факта! Мало того, «историк» лишь досадует, что это

«полумера»!

И не удивительно, что Николай Михайлович приветствовал Революцию. Через несколько дней после крушения Монархии французский посол Палеолог встретил Великого князя. Тот излучал оптимизм, уверяя, что падение Самодержавия «обеспечит спасение и Великой России»! Посол республиканской Франции немало был озадачен таким безответственным поведением члена Династии.

Ликовали и другие члены Императорской Фамилии. Еще не зная подробностей и того, что в убийстве замешан брат Дмитрий, Великая княгиня Мария Павловна («Младшая») 19 декабря писала своей мачехе, княгине О.В. Палей:

«Со вчерашнего утра весь Псков (она работала здесь в госпитале. — А.Б.) чрезвычайно взволнован известием об убийстве Р., но подробностей мы никаких не знаем и даже штаб не имеет никаких подробных сведений. Страшно интересно узнать, кто это сделал и как все произошло: напиши мне хоть два слова. Письмо, чтобы не посылать по почте, можно отослать с тем же санитаром, которого я посылаю сейчас в Петроград. Сколько народу по всей России перекрестились, узнав, что больше нет этого злого гения.»

Гибель стала праздником для многих, и первостатейной сенсацией для газет, которые заполонила информация о Распутине.

Первое сообщение о событии появилось в вечернем выпуске петроградских «Биржевых ведомостей» 17 декабря. «Сегодня в шестом часу утра в одном из аристократических особняков центра столицы, после раута, внезапно окончил жизнь Григорий Распутин-Новых».

Претендовавшая на респектабельность высокотиражная московская газета «Русское слово» посылала во след убитому очередную порцию клеветы: «Представьте себе покровителя, которому со второй встречи можно говорить “ты”, к которому не нужны длинные подходы, не нужны сложные интриги, и который может “сварганить” дело за небольшое денежное вознаграждение или за “женское продовольствие”. Согласитесь, что в мире пройдох, интриганов и политических жуликов это был не человек, а клад».

Искренне оплакивали Григория Распутина лишь несколько человек, включая Александру Федоровну и Вырубову. После получения подтверждения о смерти Григория Распутина, Царь, понимая в каком тяжелом состоянии находится Императрица, прервал военные совещания в Ставке и выехал в Царское Село.

С дороги 18 декабря послал Супруге телеграмму: «Только сейчас прочел Твое письмо. Возмущен и потрясен. В молитвах и мыслях вместе с вами. Приеду завтра в 5 часов. Сильный мороз. Заседание закончилось в 4 часа. Благословляю и целую. Ники».

Возник вопрос о месте похорон Распутина. В первый момент мнение было однозначным: предать тело земле на его родине, в Покровском. Однако Александру Федоровну некоторые близкие Распутину люди умоляли похоронить Григория в Царском, а Министр внутренних дел А.Д. Протопопов считал, что перевоз гроба с телом через всю страну чреват непредсказуемыми последствиями.

Как вспоминала Лили Ден, Анна Вырубова «уладила вопрос, предложив похоронить тело Распутина в центральной части часовни рядом с ее лазаретом для выздоравливающих. Часовня и лазарет строились на земле, приобретенной Анной на ее собственные средства. Поэтому имя Императорской Семьи не будет затронуто, если разгорится скандал». Так и решили: предать тело земле в пустынном месте Царского Села, на территории строящегося Вырубовой Серафимовского лазарета.

После извлечения из воды тело Григория было переправлено в Чесменскую богадельню, находившуюся на полпути между Петроградом и Царским Селом. Сами же похороны состоялись 21 декабря. В дневнике Николая II записано:

«В 9 час. поехали всею семьею мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек. извергами в доме Ф. Юсупова, стоял уже опущенный в могилу. Отец Ал. Васильев отслужил литию, после чего Мы вернулись домой. Погода была серая при 12 мороза».

Подробно о процедуре похорон рассказал полковник Д.Н. Ломан, которому удалось неофициально стать ее свидетелем:

«На погребении Распутина я не был, но издали видел, что на нем присутствовала вся Царская Семья, Мальцев, Лаптинская и фельдшерица из лазарета Вырубовой, фамилии я ее не знаю. Погребение собственно совершено было в Чесменской богадельне епископом Исидором (настоятель Тюменского Свято-Троицкого монастыря. — А.Б.), я же говорю о предании земле, что совершилось духовником (Царской Семьи. — А.Б.) Отцом Александром Васильевым и иеромонахом из Вырубовского лазарета. Певчих не было, пел причетник из Федоровского собора Ищенко. Накануне отец Васильев сообщил мне, что ему отдано распоряжение совершить предание земле Распутина, для чего он приедет из Петрограда ночевать в Царское Село, а утром заедет в собор за причетником и ризами и чтоб я сделал соответствующие распоряжения (Ломан состоял старостой Государева Федоровского собора — А.Б.).

На другой день О. Васильев заехал в собор, где поджидал его я, и мы вместе поехали к Серафимовскому убежищу, на то место, где предполагалось воздвигнуть храм. Не доезжая до самого места, о. Васильев ушел к месту предания земле (гроб стоял уже в яме), а я остался в стороне, так как я не был виден, мне же было все видно. До прибытия Царской Семьи я подходил к самой могиле и видел металлический гроб. Никакого отверстия в крышке гроба не было. Гроб был засыпан прямо землею, и склепа в могиле устраиваемо не было».

На крышку гроба члены Царской Семьи положили белые розы. Царской Империи осталось жить только 67 дней.

Глава IX. Королевство кривых зеркал

Распутина убили. Казалось бы, что теперь все преданные Монархии люди должны объединиться вокруг Монарха, забыть старые распри, обиды и сплотить усилия для победы на полях сражений. Это было тем более необходимо, что на весну 1917 года Россия, вместе с союзниками по Антанте, намечала мощную наступательную кампанию, которая должна была сокрушить Германию и ее сателлитов.

Однако ничего в общественных настроениях не изменилось и после смерти Распутина: пыл борьбы «с темными силами» не остыл. Нападки и поношения Венценосцев, особенно Александры Федоровны, приняли характер истерии. На Ее имя шел поток анонимных писем с угрозами; к Ней, без всякого стеснения, обращались высокопоставленные дамы и родственники с оскорбительными обвинениями.

Княгиня Софи Васильчикова прислала Александре Федоровне «от имени всех русских женщин» откровенно оскорбительное послание, где называла Царицу (!!! — А.Б.) — «несчастьем России». Даже форма письма была специально непочтительной: оно было небрежно написано на двух листках, вырванных из блокнота!

Императрица была оскорблена. Лили Ден вспоминала: «Дело было вовсе не в том, что письмо на клочке бумаги, адресованное Монархине, являлось нарушением этикета, а в ужасных обвинениях, ядовитой враждебности послания, которое сначала разгневало Ее Величество, а затем глубоко огорчило. Рассказывая мне об этой гнусной цидульке, Государыня горько плакала».

Смерть Распутина ничего не изменила ни в умах, ни в поведении высшего общества. В своих воспоминаниях А.А. Вырубова зафиксировала один позорно-гротесковый эпизод. К ее сестре Александре (Але) однажды утром «влетела ее belle Soeur (свояченица) госпожа Дерфельден со словами: “Сегодня мы распускаем слухи на заводах, что Императрица спаивает Государя, и все этому верят». Самое печальное было не в том, что какая-то светская злопыхательница разносила клевету, а в том, что — «все верили”».

Мачеха Дмитрия Павловича княгиня Ольга Палей, к тому времени превратившаяся из некогда почитательницы «отца Григория» в непримиримого критика «распутинцев» [24 — Княгиню не смущало, что к ним относились близкие ей люди:

сестра Любовь Валерьяновна, племянница Муня Головина, сын Александр (Пистолькорс) и его жена Александра Александровна (Танеева).], в эмиграции писала об убийстве Распутина. «Вообще-то подобного зверства не объяснить. Но в данном случае есть объяснение: средства оправдывала высокая цель — спасти Государя даже вопреки Его воле».

Примерно то же самое утверждал и Дмитрий Павлович, уверенный, что необходимо было избавить Императора от «темного влияния». И тогда, как грезилось Великому князю, «Государь примкнет к тем, кто видит в старце корень многих бед — таких, как назначение Министров кретинов, волшба и столоверчение при Дворе, и прочее, и прочее».

Это говорил человек, который много лет являлся своим в Царской Семье, кто называл Александру Федоровну «Мамой». От чего «прочего» надо было «избавлять Императора», соучастник убийства не объяснил. Но ведь и того, что сказал, достаточно. Не было ведь ни Министров «кретинов», ни «волшбы», ни «столоверчения». Он должен был это знать, но находился в такой стадии маниакального помешательства, что видел никогда не бывшее.

Александра Федоровна о подобном настроении умов знала, знала, что Она давно превратилась для некоторых родственников в постоянный объект насмешек и шельмования. Лили Ден Она в сердцах признавалась: «В чем же Меня обвиняют? Григория больше нет в живых. Неужели эти люди не могут оставить меня в покое?» Не могли оставить.

Даже некоторые из тех, кто пережил Революции, а затем существовал в эмиграции, имя Убитой Царицы в покое не оставляли. Писали, писали и писали без конца почти сплошь глупости и гнусности. Не только один М.В. Родзянко тем отличился.

Убийство Распутина раскололо Династию. Все бывшие неудовольствия и антипатии выплеснулись наружу. Великокняжеская фронда из гостиных переместилась на общественную арену. Великие князья и княгини в большинстве своем однозначно встали на сторону убийц. Дмитрий Павлович и Феликс Юсупов, хотя и были «невропатами», но стали вдруг «жертвами злой воли» Императрицы.

Еще утром 18 декабря, когда тело Распутина не было найдено и были не известны подробности, Великая княгиня Елизавета Федоровна прислала Дмитрию Павловичу телеграмму: «Только что вернулась вчера поздно вечером. Проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после

патриотического акта, им исполненного. Элла». Сходная по смыслу телеграмма ушла в Крым к Зинаиде Юсуповой.

Добродетельная, сердечная женщина, монахиня (!), одобрялаубийство невинного человека! Когда Александре Федоровне были предоставлены копии этих телеграмм, она разрыдалась. По словам Вырубовой, «это постыдное сообщение совсем убило Государыню; она плакала горько и безутешно, и я ничем не могла успокоить Ее».

Император был потрясен и возмущен поведением членов Фамилии, Ему было «стыдно перед Россией», что руки родственников обагрены кровью. Он распорядился провести расследование и твердо был уверен, что злодеи должны понести наказание.

Это вызвало просто бурю «негодования». Позицию негодующих выразил в дневнике 21 декабря двоюродный брат Царя Великий князь Андрей Владимирович: «Ежели эта точка зрения восторжествует, то можно ожидать суда над Дмитрием, а это значит бунт открытый. И подымать в такое время! Война, враг грозит, мы такой бранью заняты. Как не стыдно было подымать шум из-за убийства такого грязного мужика!»

Полный цинизм! Оправдывать убийц, «стыдить» Монарха и ссылаться на военные обстоятельства!

По представлениям таких людей, как князь Андрей, ничего серьезного не произошло. «Мужика» ведь только убили. Не графа, не князя, и, не дай Бог, — члена Династии! Разве это преступление?

Штаб «негодующих» разместился во дворце Великой княгини Марии Павловны (Старшей). Михень давно «не любила» Императора, а Императрицу вообще «терпеть не могла». Теперь же у Михень появился шанс не только сплетни в своем салоне распускать, но и стать во главе «движения».

Было составлено письмо в защиту Дмитрия, его «редактировала» сама Михень, под которым удалось собрать шестнадцать подписей. Подписанты взывали к Николаю II именем Господа (!!!) «переменить гнев на милость». Они хотели, чтобы Дмитрию Павловичу позволили отбыть в свое имение, а не ехать в Персию служить в составе русского экспедиционного корпуса, куда он отправлялся волей Государя.

Император ответил, и этот ответ навсегда остался приговором тем родственникам Самодержца, кто забыл долг царскородности, историческую ответственность, чувство династической чести. «Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в том замешан. Удивляюсь вашему

обращению ко мне. Николай».

Не наступило никакой общественной консолидации после убийства Григория Ефимовича. Как писала О.В. Палей, от смерти Распутина «ждали спасения России, а дождались гибели, самой страшной». Раскол в стране был настолько вопиющим, что его преодолеть уже было невозможно.

В конечном итоге смертельный удар Монархии нанесли не «отъявленные революционеры» — они были слишком слабы и деятельно неприметны, а те, кто, непрестанно заявлял о преданности «Монархии». Именно они своими поношениями и дискредитациями личностей Царя и Царицы подорвали основы и принципы власти.

Неистовая «стрельба по Распутину», которой занимались самые высокопоставленные должностные лица, ведущие деятели общественных организаций и даже Царские родственники, на самом деле являлась уничтожением сакрального ареола, искони окружавшего особу Монарха. Когда этот знак небесного избранничества в результате борьбы «с засильем темных сил» был девальвирован, когда понятия «Россия» и «Царь» разъединились, то будущее было предрешено. При сложившейся исторической диспозиции монархическая Россия должна была пасть, и она пала.

Здесь не место выносить вердикты, называть имена могильщиков с «хорошей генеалогией», тем более что некоторые из них уже были упомянуты. Важно другое: понять и учесть урок истории начала XX века, игнорирование которого стоило (и еще будет стоить) немалого числа невосполнимых потерь и горьких разочарований.

В апреле 1919 года писатель Иван Бунин записал в дневнике: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье».

Один из величайших русских писателей XX века оказался провидцем. О «той России», исчезнувшей в вихре революционного лихолетья, ныне известно до обидного мало, а многие, очень многие из ныне живущих, о ней не знают почти ничего. Это, конечно, не только их вина, но и их беда.

Прошлое по-прежнему в большинстве случаев преподносится в виде набора затертых, одномерных и невыносимо скучных формул и мертвых образов: «реакционно», «прогрессивно», «реформы», «контрреформы», «реакция», «угнетение», «мнение общества», «освободительное движение», «антинародная политика» и так далее. Подобными мертвящими

идеологическими определениями пестрят страницы многих учебников, специальных монографий и популярных публикаций. Русская история давно превратилась в набор клишированных определений и понятий, которые ни в коей мере не раскрывают многоцветие минувшего времени.

При такой подаче исторического материала реальная, полнокровная жизнь отлетевшей в вечность страны, цивилизации под названием «Российская Империя», подлинные цвета, голоса и звуки ее, не доступны ни восприятию, ни постижению.

Образно говоря, драматурги и постановщики приглашают публику посмотреть спектакль, но пришедших дальше фойе с аляповатыми афишами не пускают. Думается, что многие сочинители и сами не подозревают, что есть это «дальше». При такой постановке дела нечего удивляться, что публика «не проявляет интереса», неуместно сетовать на то, что «падает тяга к истории». Странно, что этот интерес еще совсем не пропал.

Корпорация профессиональных историков показала свою полную несостоятельность. Следует подчеркнуть, что в данном случае имеется в виду именно корпорация. Отдельные редкие примеры неангажированного «прогрессивной точкой зрения» освещения прошлого лишь подчеркивают беспросветность общей картины. В условиях окостенения сознания у историков на авансцене и появились такие экзотические и самодовольные «знатоки», как Валентин Пикуль и Эдвард Радзинский. Их опусы о Распутине — низшая точка антиисторического падения.

Богатое воображение, свобода от ответственности перед документом, презрение к прошлому страны и народа, неуважение к читателю, наконец, который при таком отношении не более чем «безмозглый потребитель», — все это позволило «мэтрам» изображать русскую историю в виде собрания анекдотов, многие из которых весьма и весьма пошлого свойства. «Смелые интерпретаторы» и «талантливые рассказчики» открывают «новое», которое является всего лишь заплесневелым старым, предлагают «свежий взгляд», который давным-давно несвеж.

Миф и мифотворцы до сих пор «правят бал» на ниве Русской истории. Распутин тут лишь один, но, может быть, наиболее рельефный пример. Почти все, что о нем написано и сказано, никакого отношения к подлинным событиям не имеет. Ряд наиболее смачных эпизодов приснопамятной «Распутиниады» и был проанализирован в настоящей книге. Другие же остались за ее бортом, но и они по уровню своей «достоверности» принципиально ничем не отличаются от отмеченных случаев.

Неизбежно возникает закономерный вопрос: неужели же груды фолиантов являются лишь памятниками человеческого

заблуждения и невежества? Увы, фактически дело обстоит именно таким образом.

Однако только указанными причинами факт цветения «Распутиниады» объяснить невозможно. Тут всегда наличествовал и злой умысел: намерение опорочить не самого Распутина — сибирский крестьянин по сути дела мало кого и интересовал, — а монархическую Россию.

В этой связи в очередной раз неизбежно возникает тема о «мировой закулисе», влияние которой на ход дел в России ощущалось всегда, а последние десятилетия существования Коронной Власти особенно сильно. Враги Трона и Династии имели моральную поддержку от различных организаций, общественных и политических деятелей в западных странах, антиправительственные группы и партии получали там и денежное «вспомоществование». Все это так.

Но при всем том положение дел в самой Империи Двуглавого Орла это принципиально не меняло. Трагический раскол страны вызывался в первую очередь внутренними факторами социального, экономического, политического и психологического порядка.

Противостояние между «властью» и «обществом», или теми, условно говоря, пятью процентами населения, которые составляли, как ныне принято говорить, «российскую элиту», расширялось и углублялось. Сразу поясним, что понятие «элита» в данном случае не является ни культурной, ни уж тем более духовной качественной характеристикой, а лишь служит обозначением места в социальной иерархии.

В первую очередь наиболее состоятельные и самые «по-европейски образованные» социальные элементы в России в большинстве своем и отвергали настоящее, реальную жизнь, грезя о «всеобщем преобразовании». Хотя слово «революция» и пугало их, но перемен, причем «радикальных», хотели если и не все, то очень многие. Отторжение от «пошлой жизни», маниакальный порыв «в даль заповедную» прекрасно отображены в произведениях творцов «серебряного века» русской культуры.

Люди стремились жить или «в завтра» (большинство), или «во вчера» (единицы). Текущий же день представлялся тусклым, мелким, никчемным. Пренебрежение к настоящему, возникшее на почве отхода и забвения традиционных исторических и духовных ценностей, и в первую очередь — Православия, бесконечное третирование его, породили систему мифологизированных общественных представлений и устремлений. Миф рождала жажда «светлого будущего», но, едва народившись, этот фетиш делал многих людей своими рабами, и часто навсегда.

Общественные пертурбации, крушения и катастрофы просветили и просветлили сознание немногих.

Понимание этой исторической коллизии чрезвычайно важно, когда возникает вопрос о том, почему же все-таки люди так легко и так беззаветно доверялись слухам, хотя у многих из них была реальная возможность, что называется, наяву установить, где кончается басня и начинается подлинная история. Легенда о Распутине оказалась сильнее обычного здравого смысла, о котором вообще можно говорить лишь условно, помня, что такая категория к обитателям «Палаты № 6», то бишь к «русскому обществу», может быть применима лишь с большой осторожностью.

По сути же своей так называемая Распутиниада — это тихая и грустная история о том, как правитель «милостью Божией» встретился с простым крестьянином, наделенным необычными способностями, даром молитвенного чудотворения.

Трагичность положения обуславливалась тем, что долгожданный и единственный Наследник Престола страдал тяжелой наследственной болезнью, которая каждодневно угрожала Его жизни. И странный, малограмотный человек неоднократно спасал Его почти на краю могилы. Какое родительское сердце не возрадовалось бы при этом, кто из мало-мальски порядочных людей не начал бы испытывать благодарность к спасителю?

Родителями же в данном случае оказались не просто правители, но и глубоко верующие, истинно православные люди, узревшие в появлении Григория Распутина Промысел Божий.

Вопрос о том, может ли простой смертный быть отмечен благодатью Всевышнего, у православного человека вообще не возникает. Святоотеческие предания сохранили о том массу свидетельств. Волю Творца правоверный христианин приемлет безусловно. Николай II и Александра Федоровна с трепетной беспрекословностью чтили русскую традицию Христапреданности.

Однако это не означало, что Царь и Царица сделались, как об этом все еще злонамеренно утверждают, какими-то «марионетками» Григория Распутина и «правили страной лишь по его соизволению».

Ничего подобного не существовало и, несмотря на несметное множество утверждений о «распутинском влиянии», так никто никакими аутентичными данными их и не подтвердил. Этого явления не было в природе. Вот и вся подлинная история. Все же многообразные «жанровые сцены», «дворцовые тайны» и «портреты времени» — из мира кривых зеркал.

Тихая и грустная история мало кого занимает. Требуются «страсти-мордасти». И подобного жанра россказни репродуцируются уж скоро сто лет без устали; «кривозеркальный промысел» исправно функционирует до сего дня. Кто не довольствуется «свежими интерпретациями» заскорузлых «фактов», может получить в свое распоряжение очередную «осетрину первой свежести» — новые «документальные свидетельства».

Несколько лет назад немало шуму наделало заявление о том, что — о чудо! — удалось обнаружить «дневник Распутина». Репортажи о том прошли по различным каналам телевидения, появились заметки в газетах. Анонс о грядущей сенсации сопровождался, как всегда, уверениями, что раньше сей документ «никто не видел», «никто о нем не знал». Естественно, что многие замерли в ожидании появления*ееп80гей*графической летописи.

Ну, действительно, согласно популярным представлениям, о чем же еще мог писать Распутин, как не о своих «сексуальных победах»? Когда же опубликовали распутинские тексты, сразу же и все разговоры прекратились. Там не было того, чего многие ждали. Там — все о Боге, о душе. Такие темы потребителей сенсаций не интересуют, а некоторые и вообще не понимают, о чем речь. Духовные искания? А что это такое? Это обычные вопросы современного «цивилизованного» дикаря.

Одним из «документальных шедевров» на рынке Распутиниады, несомненно, явилась очередная «сенсация» — воспоминания старшей дочери Григория Распутина Матрены (крещена она была как Матрона, а в эмиграции пользовалась именем Мария). По степени лживой заданности сие произведение можно смело назвать как бы вторым томом опуса пресловутого Илиодора-Труфанова.

Книга Матрены-Матроны появилась на прилавках весной 2000 года и получила отклик в прессе [25 — Распутин. Воспоминания дочери. М.: Захаров.]. Чтобы читателю было понятно, какую пошлую дешевку ему предлагают на рынке, на указанной «выпечке» и остановимся.

Надо сразу заметить, что хотя после первого издания книги Труфанова прошло уже более восьмидесяти лет, но приемы изготовления подобного рода продукта почти и не изменились: нагромождение нелепиц и абсурда, сдобренное некими интерлюдиями на общие темы.

Для начала разберемся в ряде исходных вещей, связанных с «творческим наследием» Матрены, умершей в Калифорнии в сентябре 1977 года в возрасте семидесяти девяти лет.

Еще в 1919 году в городе Чите она давала обширные

показания известному следователю Н.А. Соколову, ведшему дело об убийстве Царской Семьи. Оказавшись в 1920 году в эмиграции, не скрывала свое происхождение, опубликовала воспоминания об отце.

В 1929 году в Лондоне вышла ее книга на английском языке «Настоящий Распутин» («The Real Rasputin»), переизданная с добавлениями в 1934 году под названием «Мой отец» («My Father»). В 1932 году издававшийся в Париже популярный эмигрантский журнал «Иллюстрированная Россия» в нескольких номерах поместил воспоминания Матрены под названием «Мой отец Григорий Распутин». И, наконец, в 1977 году в США вышла книга Матрены и Петти Бархем «Распутин: Человек по ту сторону мифа» (Rasputin: The Man behind the Myth».

Из вышесказанного нетрудно заключить, что существуют надежные свидетельства того, как и что говорила и писала Матрена Распутина о своем отце. Хотя она допускала в своих показаниях и рассказах немало неточностей, порой говорила с чужого голоса, но всегда сохраняла уважение и к памяти отца, и к памяти его Венценосных покровителей. Опус же «Илиодор № 2» ни стилистически, ни фактически никакого касательства к предыдущим книгам Матрены Распутиной не имеет. Его можно с полным правом назвать фальшивкой.

Причем это не просто коммерческий пустячок, скроенный по принципу: «Урвать сто рублей и убежать». Как и при фабрикации первой книги Илиодора, тут просматривается и вполне определенная цель: вылить очередной ушат помоев на Россию. Только самые грязные измышления относительно русской жизни и Коронованных Правителей читатель и встретит на страницах сего «шедевра».

Кто конкретно «сварганил» (наверное, это самое подходящее в данном случае определение) эту книгу — неизвестно. То же, что говорит во введении по поводу ее возникновения издатель и «правовладелец», может вызвать лишь снисходительную улыбку.

Оказывается, «свои записки об отце» «Матрена» (заключим это имя в кавычки как условное обозначение авторства) сочиняла аж полтора десятка лет! Однако «по неизвестным причинам» сама публиковать не стала, а передала их «для использования» своей «соседке по дому престарелых». Этой знакомой подарок оказался без надобности и перед смертью она завещала сей бесценный дар своей племяннице, обитавшей. в Парагвае!

Жительница далекой, затерянной в глубине Южной Америки «страны болот и прерий», ставшая обладательницей уникальной реликвии, неведомыми путями заинтересовала московского издателя, который просто замер от предвкушения удачи. Тайные

записки дочери Распутина! При этом «племянница знакомой Матрены по дому престарелых» почему-то запретила издателю называть ее имя, и парагвайка-племянница проходит у него под шифром «госпожа Х.». Каково? Но это еще не конец.

В своем предисловии теперешний «правовладелец» продолжает напускать таинственный туман. Выяснилось, что «трудные переговоры» о приобретении рукописи длились полгода и лишь затем благополучно завершились сделкой. Издатель все это время испытывал волнения, так как приобрел рукопись «вслепую» по той причине, что «на предварительное знакомство с рукописью госпожа Х. не соглашалась». Если это было действительно так, то речь идет о редчайшем случае в издательской практике, который должен быть отмечен особо.

Издателю «Матрены» были знакомы предыдущие подлинные публикации дочери Распутина. Но они ему не приглянулись. Одна, по его мнению, была слишком «наивной и апологической», другая — «потонула в клюкве и патоке». «Правовладелец парагвайской находки», издавший до того русский перевод воспоминаний князя Феликса Юсупова, очевидно, из них и почерпнул свои «глубокие знания» о русской истории.

Издатель без всяких экспертиз и сомнений точно знает, как было на самом деле. «Современный Сытин» не приемлет «сироп». Ему требуется совсем другое, не просто соль и перец, а еще лучше — серная кислота, сжигающая все до основания.

«Сделка вслепую» в полной мере оправдала такие надежды «знатока» русской истории. В предисловии к книге «матрениных тайн» он широковещательно заявляет: «На сей раз меня ждал приятный сюрприз. Теперь он ждет вас».

«Правовладелец» обманывает читателя. Никакого «сюрприза» не получилось. Почти весь тот набор цитат, которые предлагаются читателю, давно замусолен «распутиноведами». Понимая, что это неизбежно будет резать глаз сколько-нибудь информированному читателю, «парагвайская Матрена» особо подчеркивает, что она «взяла за правило почти ничего не говорить за себя», а будет ссылаться лишь на мнения «известных людей».

Издателю и «правопреемнику» в этой связи сразу же хочется задать вопрос: с какой стати сие сочинение носит подзаголовок «воспоминания дочери», хотя почти вся книга построена на воспроизведении тенденциозных фрагментов, главным образом из третьесортных сочинений, увидевших свет вскоре после падения Монархии? Нехорошо же обещать одно, а подсовывать доверчивому покупателю другое! Во всем мире это квалифицируется как обман.

Не будем останавливаться на всех бесконечных «ляпах», глупостях и гнусностях в воспоминаниях «Матрены»; их так много, что для их перечисления надо публиковать специальную книгу «Анти-Матрена». Скажем лишь, что в ней нет практически ничего о семейном укладе распутинской семьи, о ее повседневной жизни в Покровском и в Петербурге.

Ну не знает наша «Матрена» год рождения своего отца (выпал из памяти?), не ведает, сколько было детей в их семье (забыла?), как далеко располагалось их село от уездного города Тюмени (запамятовала?). Не имеет она и понятия о том, когда умерли ее деды и бабки, на беседы с некоторыми из них «Матрена» ссылается, хотя к тому времени они уже умерли! Все, что связано с общей хронологией и семейной фактографией, беспардонно переврано. Трудно сомневаться, чтобы член семьи мог бы подобное себе позволить.

Чтобы наглядно продемонстрировать образчик маразматического сочинительства, перескажем вкратце одну «душераздирающую историю». По уверениям «Матрены», «единственным товарищем моего отца был старший брат Михаил», с которым якобы Гриша был неразлучен все юные годы, и который погиб, когда отцу мемуаристки исполнилось восемь лет. Сама сцена купания братьев и последующая гибель одного из них изложена просто с «цыганским надрывом».

«В тот день мальчики отправились на свое любимое место на реке. Оттуда почему-то перебрались на пруд. Миша нырнул первым. Как там что — не знаю, но он стал тонуть. Миша уже исчез из виду, когда отец подбежал к воде. Протянул руку, пытаясь нащупать брата под водой. Миша схватил его за руку и попытался выбраться, но лишь утащил за собой под воду и отца. Мальчики цеплялись друг за друга, пытаясь встать на ноги».

Дальше произошло следующее: проходивший мимо крестьянин спас неудачных купальщиков, но оба они после заболели, и хотя «бабка-повитуха», сделала «все, что могла», но все равно Миша умер, а Гриша выздоровел. Однако «исцелился он только физически. Тоска поселилась в его душе».

Оставим в стороне примитивный синтаксис, столь характерный для плохой журналистики, а подчеркнем главное: у Распутина не было никогда брата Михаила! У родителей Григория родилось девять человек детей: пять девочек и четверо мальчиков. Из числа последних лишь Григорий дожил до того возраста, когда мог самостоятельно дойти «до пруда». Остальные — два Андрея и Тихон — умерли в младенческом возрасте. Это установлено не по сведениям «из Парагвая», а по метрическим книгам слободы Покровской, которые опубликованы

исследователями и краеведами, и не являются тайной.

Когда некая «госпожа Х.» сочиняла книгу-фальшивку под маркой «Матрены», она просто ничего не знала о распутинском родословии. Наверное, полагала, что ничего о том времени не сохранилось и можно врать без оглядки. Но Бог с ней, с этой парагвайской «Матреной». Удивляет не это, а то, что московский «правопреемник» мог бы узнать истину не из чьих-то писаний, а из документов, но они ему не нужны. Это касается не только упомянутого частного эпизода биографии Распутина, но всех остальных «ярких сцен» и «живых картин», каковых в данном опусе великое множество.

Выше было замечено, что воспоминания «Матрены» — по сути дела, кладезь затертых цитат и старых сплетен. Однако кое-что новенькое здесь найти можно. Помимо истории с братом, которого не было, встречается и еще ряд не менее «проникновенных». В их числе — описание первой (и последней) брачной ночи Анны Вырубовой. Откуда, вы думаете, «Матрене» такая интимная подробность известна? Никогда не догадаетесь: из признания самой Вырубовой, которое она якобы сделала именно юной дочери Распутина! Все это несусветное вранье, опровергать которое — нет ни надобности, ни желания.

Нынешним и будущим «Матренам», а они могут появиться, тема же так «раскручена», все-таки хотелось бы посоветовать: если не можете одолеть зуд бумагомарания, то старайтесь соблюдать хоть какую-то видимость правдоподобия. Ведь уровень бытового неправдоподобия сразу же обнаруживает невежество автора!

Еще один пример. Вырубова в своих исповедях нашей «Матрене», приводимых в кавычках, не раз именует Царя Николаем, а Царицу Александрой. Казалось бы, мелочь, а высвечивает ложь тотчас. Никогда Вырубова Их так не называла, ни письменно, ни устно. «Их Величества», «Ваше Величество», «Государь», «Государыня» — вот те формы обращения, которые только и применялись. Наша «Матрена» ничего о жизни Двора и об отношениях людей там не знает, но судит и рядит обо всем.

Вот антураж еще одного эпизода, которого не было в действительности, но который по всей красе демонстрирует уровень представлений и знаний инсинуатора (инсинуаторов), скрывшегося за титулом «Матрена». Речь идет о «семейном визите» Григория Распутина и его родни в Царский Дом.

Ничего подобного на самом деле никогда в действительности не происходило. Александра Федоровна познакомилась с семьей Распутина в доме у Вырубовой. Сохранились даже две фотографии, на которых они изображены вместе, которые

датируются обычно 1910 годом. Николай же Александрович с семейством Распутина вообще не встречался. Так выглядело все на самом деле, а теперь посмотрим, как «семейные связи» изображает «Матрена».

Она следовала в Александровский Дворец вместе со своими близкими в «карете, украшенной царскими гербами. Кучер и лакей на козлах были одеты в синие бархатные ливреи Дома Романовых и своим важным видом походили на аристократов». Во Дворце же, как следует из описания, их встречали, как представителей великой дружественной державы: «отдавали честь при въезде в парк», раскланивались и так далее.

В конце концов провели в приемную, куда к ним (в приемную!) и вышли Николай II и Александра Федоровна с детьми. В приемной случилось много событий. «Матрена» очень «волновалась», но Царица приласкала, робость сразу же «испарилась». Затем кто-то из Великих княжон, кто именно «Матрена» «не запомнила», «взял меня за руку и подвел к столу с закусками»!

Бедные фальсификаторы: запомните хорошенько, что «к столу с закусками» дети в приличных домах не подходят! Около них останавливаются люди совсем других возрастных групп. Не исключено, что в семьях некоторых современных «знатоков истории» дети выпивают и закусывают вместе с родителями, но не надо думать, что нечто подобное могло иметь место и в Царском Доме.

Не менее карикатурно выглядит и восторженное описание «стола с закусками»: «черная и красная икра, креветки, анчоусы, что-то невообразимое, бисквиты, фрукты, пирожные, конфеты, бутылки с водкой и вином, кувшины со сладкой (как мне сразу же объяснил Алексей) водой».

Не известно, где эту картину сочиняли, то ли в тиши парагвайских болот, то ли на какой-нибудь московской коммунальной кухне, но одно можно констатировать наверняка: автор явно обделен не только историческими знаниями, но и гастрономической фантазией. Неужели на столе для столь дорогих гостей, принимаемых «по высшему разряду», больше ничего не оказалось? Икра ведь в Царской России не являлась деликатесом, а анчоусы (по-русски кильки) и креветки таковыми не являлись ни тогда, ни теперь.

Удивительные события на том не закончились. «Вошел дворецкий, объявивший, что кушать подано. Мы перешли в большую столовую — высокие окна с красными бархатными занавесями, отделанными золотой тесьмой. Ворс ковра под ногами был таким высоким, что я чуть не упала, зацепившись

каблуком».

Тут особо умиляет не то, что «Матрена» видела «красные бархатные занавеси», которых в Александровском Дворце никогда не было, что «кушать подано» почему-то произнес некий «дворецкий», а то, что гостья «зацепилась каблуком» за ковер. К сведению сочинителей из разряда невежественных «знатоков»: молодые девушки в те времена туфель на каблуках не носили!

Самое же интересное началось тогда, когда сели за стол, в «большой столовой», которой отродясь в Александровском Дворце не существовало. Ну, ладно где-то сели «за огромный стол», а дальше, если послушать «Матрену», там действительно происходило невесть что! Тут уж пошла в писаниях откровенная «чернуха», та самая «серная кислота», которая так дорога издателю.

Сразу же сделаем пояснение для непосвященных: никогда Распутин за Царским Столом не сидел, и никогда в совместных трапезах не принимал участия! Так было на самом деле. «Матрена» же описывает нравы, которые ей, видно, лично хорошо знакомы, но которые никакого, даже отдаленного отношения к жизни Царской Семьи не имеют. Итак, перейдем в мир фальшивых видений.

Как только уселись за стол, сразу же случилось невероятное. «Когда Николаю стали наливать водки, он выхватил графинчик у лакея, и, минуя рюмку, налил полный фужер. Александра Федоровна что-то громко сказала Николаю Александровичу по-французски, тот по-французски же ответил. Дети сразу же притихли. Я, конечно, ничего не поняла. А отец поднялся со своего места, подошел к Царю и, глядя Ему в глаза, очень тихо проговорил: “Не надо, не надо”. Николай поставил фужер и в продолжение вечера больше не пил ничего. В конце подали изумительное мороженое».

Автор (или авторы) «Матрены» постоянно инсинуируют по адресу последнего Царя, все время обыгрывают его якобы «дурные наклонности». Среди них особо часто — Его мифическую склонность к алкогольным напиткам. Ясно, что тут «Матрена» на свои личные наблюдения не ссылается, она озвучивает ложь со ссылкой на какие-то «разговоры». «Николай Второй унаследовал от отца — Александра Третьего — пагубное пристрастие. О нем говорили, как о большом любителе выпить. Некоторые даже утверждали, что Царь бывал абсолютно трезвым только по утрам и что по временам Он напивался до бесчувствия».

Очевидно сочинители и издатели «Матрены» держат читателя за круглого дурака, который любому бреду поверит. Чтобы даже у самого несведущего не оставалось никаких сомнений на сей счет,

скажем, что Царь никогда не пил (и не мог пить!) водку «фужерами» (слово-то какое!) и ни разу в жизни не был пьян. Никогда не злоупотреблял напитками и Его отец Александр III, и тоже ни разу в жизни не был пьяным! Это известно совершенно точно, все давно документально доказано, и уже сколько раз наглая ложь «о пьянстве» опровергалась, а лгунам как с гуся вода!

«Матрена» не только не знает исторической действительности, но и не хочет знать. Муссирование в книге этой грязной клеветы невольно вызывает предположение о том, что авторы и издатели руководствовались не только желанием пополнить свой кошелек за счет продажи дешевки, но и вполне определенной идеологической установкой: опорочить Монарха и Царскую Россию.

Подобные сцены и характеристики лишний раз подчеркивают не только историческое невежество сочинителей, их просто маниакальную приверженность «помойному делу», ноив полной мере раскрывают внутренний мир этих пасквилянтов, их душевные комплексы, переживания и представления.

Читатель должен понимать важную вещь: подобного рода «тухлятину» могут сочинять и издавать люди, лишенные не только элементарного исторического знания, но напрочь потерявшие обоняние и не способные отличить запах жасмина от вони из отхожего места!

Чтобы ни у кого уже не осталось никаких сомнений на этот счет, приведем еще один, просто антисанитарный пассаж из опуса «Матрены». Еще раз хочется попросить извинения у читателя за нижеприводимые непотребства, но, как было замечено еще в начале настоящей книги, любой анализ «Распутиниады» неизбежно связан с разбором пошлости самого грязного свойства. Она — «альфа и омега» распутинского мифа. Итак, зажав нос, заглянем в выгребную яму.

В сочинении «Матрены» масса скабрезных эпизодов, но в числе первых и, пожалуй, самых ярких — сцена полового насилия над молодым Григорием Распутиным. Этот «акт» совершила, никогда не догадаетесь. целая группаженщин! До такого «порношика» даже «Илиодор № 1» не додумался. Наша же «Матрена» не только додумалась, упомянула, но и подробно описала. Перескажем эту главу, носящую безграмотное название «Любовный морок».

Когда Григорию было шестнадцать лет, он торговал с отцом в городе и «однажды на главной улице Тюмени отец увидел выходящую из мастерской с вывеской “Модистки” невиданную красоту: стройная фигура, белокурые волосы, выбивающиеся из-под вуали, одета в лиловое шелковое платье с маленьким

турнюром».

В то время, о котором повествует «Матрена» (середина 80-х голов XIX века), Тюмень являлась заштатным уездным городом, в котором проживало менее 20 тысяч жителей (а не «пятьдесят-шестьдесят», как сообщает «Матрена»). В таком небольшом населенном пункте скрыть какое-то происшествие было просто невозможно. Между тем, то, что произошло с Григорием Распутиным осталось тайной до наших дней. О ней мы узнаем только, извините за выражение, из «мемуаразмов» «Матрены».

Произошло же невероятное. Указанная «дама с турнюром» оказалась «скучающей женой старого богатого мужа» некой Ириной Кубасовой. Эта «кокетка» решила поразвлечься и устроить в своем «поместье» (это в городе-то!), как теперь бы сказали, «сексуальную вечеринку». Не будем останавливаться на разных других мелочах, и перейдем к главной сцене сего «душераздирающего триллера».

В конце концов молодой Распутин оказался в доме у «кокетки», которая приняла его «почти голой». Недурно для «кокетки», не правда ли? Опять приходится констатировать, что сочинители плохо понимают значение употребляемых слов, а порой и не понимают вовсе их смысла. Но продолжим «погружение в сюжет».

«Она улыбнулась ему ободряющей улыбкой. Хотя каждой каплей крови он рвался вперед, все мысли сковал благоговейный страх. Быстро догадавшись о его состоянии, она с видимой готовностью распахнула объятия». Далее произошло странное. «Кокетка» вывернулась из объятий и проследовала в другую комнату. Распутин отправился за ней. По пути сорвал с себя одежду и оказался обнаженным перед «кокеткой», которая лежала на диване, но уже почему-то была одетой.

В этот «сексуально патетический» момент, по знаку хозяйки, шесть девушек выскочили из разных углов, одна даже с ведром холодной воды, и набросились на парня из Покровского. Самая молодая, четырнадцатилетняя, «увидев искаженное ужасом лицо жертвы», убежала, а остальные насиловали молодца до полного своего изнеможения. Потом Григория выволокли и «бросили на траву. Как долго он там пролежал, и сам не знал».

Комментировать тут нечего, все и так ясно и понятно. Напомним лишь, что это якобы воспоминания дочери об отце! Здесь хотелось бы читателю, не знакомому с историческими реалиями, но интересующемуся историей, дать совет, как определять истинное от мнимого в исторических сочинениях. Перво-наперво надо ставить логические вопросы, ответ на которые и выведет к пониманию того, что перед вами эрзац-

продукт. Вот, скажем, вышеприведенная история.

Ну, допустим, что дочь оказалась неприличной особой и действительно написала об отце непристойности. Однако возникает проблема, так сказать, информационного обеспечения. Откуда почерпнула сведения «Матрена»? Читатель в ответ слышит некий лепет, что это все ей, дочери, рассказала та самая «четырнадцатилетняя», которая одна из шести девиц Григория Распутина не насиловала, но которая настолько была потрясена увиденным, что пошла служить в дом к Распутиным! Разве можно верить этой абракадабре? Бред, он и есть бред.

Вранье и инсинуации в книге на каждом шагу. Вот еще один «проникновенный эпизод». Речь идет о «последнем дне» в жизни Григория Распутина. Как повествует «Матрена», вечером 16 декабря к нему приехала Анна Вырубова. «Ее послала Царица — спросить совета отца, как поступить с больной ногой Алексея, а заодно передать подарки нам».

Матрена провела гостью в столовую, где «отец пил свою любимую мадеру». Ну, действительно, чем ему еще заниматься? Естественно, Вырубовой был тотчас предложен бокал, и она «сделала глоток».

Далее, как повествует «Матрена», у Распутина с Вырубовой состоялась беседа «за жизнь».

Вспомнили былое. Затем визитерша передала подарки и заключила: «Ее Величество считает, что положение не так серьезно, чтобы надо было ехать в Царское». На том и порешили. Распутин на прощание изрек: «Пожалуй, только не пускайте к Нему врачей». «Милая» бытовая сценка!

Действительно, заехала подруга Царицы по Ее поручению на квартиру Распутина, выпила с хозяином мадеры и решили вместе, что положение Цесаревича не опасно, и в Царское «можно сегодня не приезжать».

Кто может опровергнуть описанное? Казалось, что — никто и ничто. Все бы так, возможно, и было, да вот неудача фальсификаторов: переврали диспозицию. В тот период Престолонаследник вместе с Отцом находился на тысячу верст от Петрограда, в Ставке, и нога у него там не болела.

Не будем больше цитировать глупую пошлость. Оставим в стороне и вопрос об истинном авторстве опуса «Илиодор № 2», хотя трудно удержаться от предположения, что он принадлежит перу современного «продвинутого», но исторически совершенно невежественного журналиста.

Эпилог

Все герои настоящей книги давно сошли в могилу. Им теперь все равно, что о них пишут, что о них говорят. Однако остаются живые. Но и ушедших, и тех, чей земной путь еще не завершен, навсегда связывает принадлежность к одному Дому, имя которому Россия. Хотя не все понимают и ощущают подобную связь, она существует, и она — нерасторжима.

Любое стремление живых устроить удобно свое земное миросуществование в России возможно лишь при учете опыта былого, этого великого богатства, которое надо уметь узреть, понять и применять.

Опыт истории — это жизнь предков, оставивших нам в наследство летопись великих подвигов и грандиозных обретений, искренних и радостных иллюзий, сбывшихся и несбывшихся упований и надежд. Нельзя пренебрегать таким бесценным багажом, никогда не следует смотреть свысока на тех, кого уже давно нет на земле. Они во многом другие, но они и такие же, как мы.

Они были до нас и многое испытали, что нам еще предстоит, или что нам позволено будет постичь лишь благодаря их наследию. Они оставили его нам. Это — опора в окружающем мире, это — благодатный родник для каждой живой души, способной найти тот источник и почерпнуть из него.

В этом великом процессе самопознания и самосознания, приобщения к жизни Русского Дома, к пониманию смысла и духа его заключена великая надежда на будущее.

Людям порой кажется, что прошлое «непонятно», что оно слишком «далеко», что все это было «когда-то» и к ним не имеет отношения, а потому — и «неважно», и «неинтересно». Это расхожее заблуждение. Все то давнее-близкое так или иначе, но про каждого и про всех, кто живет и ныне в Русском Доме, строившемся и оберегаемом многими поколениями наших предков.

Думая, размышляя, ищите истину, находите смысл в «непонятном», которое является таковым часто лишь от лености ума. Тогда и открывается удивительный Русский Мир, совсем непохожий на тот, о котором можно узнать по скучным школьным учебникам, примитивным книжкам-памфлетам, поверхностным и тенденциозным телепрограммам.

Знанием истории люди становятся богаче, ведь без этого не может быть по настоящему культурного человека. Опыт прошлого поможет уверенней ориентироваться порой в таком неуютном,

ато иво враждебном окружающем мире.

С обретением национального достоинства приходит и осознание той непреложной истины, что когда клевещут на «ту Россию», на ее власть, на ее символы и духовные сокровища, то оскорбляют и унижают и ныне живущих. Один из ярких и показательных таких случаев — Распутин. В этой теме искренность сердца и правда Веры утоплены и замараны не только низкой пошлостью и безответственной глупостью, но и злонамеренным умыслом.

Когда же приходит понимание того, где правда, а где ложь, то тогда никакая «пиартехнология» не срабатывает. Клеветники, махинаторы, невежды и русофобы всех мастей, откуда бы они ни являлись и сколько бы им ни платили, лишаются шанса на общественное признание, которое они имели многие годы и десятилетия.

Чем больше людей поймет и примет прошлое своей страны во всей его многоцветной неповторимости, ощутит нерасторжимую связь с Отчизной, тем больше надежд на то, что жизнь в Русском Доме станет мирной, спокойной и предсказуемой. Пока же над Русской Историей не опустился черный занавес, мрачная тень которого уже вполне различима, будет жива и современная Россия.